Козацька розвага

Александръ Пивень

К О З А Ц Ь К А   Р З О В А Г А

Сборникъ малороссійскихъ веселыіхъ

разсказовъ, пѣсенъ, стихотвор., басенъ
и т. д.

Малорусскій дивертисментъ

для школи и дома.

[illegible] 1907, [illegible]

МОСКВА

гроши, божытьця; черезъ годъ, каже, виддамъ; да годъ мынувъ,—не тильке ростъ, та й ысте пропало! Иншый каже: давайте попереду грошыкы: я вамъ мудрыхъ кныжокъ понапысую. Грошыкы зчыстывъ: а за кныжкамы хочъ и не прыходьте. „Цуръ дурнивъ“, каже, „одурывъ васъ, буде зъ мене; слухайте, ось вамъ кумедіи“... Та якъ усе розказуваты, якъ хто и колы збрехавъ, такъ и до свита не перекажешъ ихъ. Мы тильке подумаймо объ тимъ, що недобре дило брехаты: недобре для себе; а другому такого наробышъ, що й не видчытаешъ ничымъ! Ось слухайте.

Просывъ Пархимъ Остапа, щобъ пишовъ за ньего старостою до Хиври. Хивря булу дивка годяща; була хозяйка роботяща; мала й худобоньку; а Пархимъ тежъ парубокъ голинный, хочъ куды. Остапъ— ничого робыты; каже:

— Добре, пійду, абы бъ товарыша зиськаты.

Зострився зъ Самійломъ.

— Здилай мылость, Петровычу Самійло, — каже Остапъ:—иды зо мною пидбрехачемъ за Пархима до Хиври.

— Та чы зъумію лышень?—каже Самійло.— Зъ роду не бувъ у симъ дили!

— Та воно не трудно,—каже Остапъ:—я буду починаты брехать, а ты пидбрихуй; звисно, якъ старосты брешуть про парубка, за кого сватаютъ; а безъ брехни вже не можна! Я збрешу на палець, а ты пидбрихуй на цилый ликоть; то и заключымъ дило, запьемо могорычи; а молоди описля нехай живуть, якъ знають!

— Добре Остапе! зъумію, пиду добуду палычку и айду за тобою.—Сказавъ Самійло и потягъ до-дому.

Зибралыся старосты, якъ довгъ велыть, узялы хлибъ святый пидъ плече, палычкы у рукы и пишлы до Хиври.

Увишедшы у хату помолылыся, хазяину поклонылыся, и почалы казаты законни речи про порошу, про князя, про куныцю,—и звелы на красну дивыцю.

Добре усе. Стари Хиврыни усе слухають; дали почалы розпытуваты, що йе у молодого?

— Та у його чымало йе чого,—каже першый староста.

— Де-то чымало?—каже пидбрехачъ.—У його усього йе багацько.

— Йе й волыкы.

— Та яки волыкы? Такы настоящи волы.

— Йе й овечата,—почына першый староста.

— Та яки овечата? Такы настоящи вивци! Пидбрехуе Самійло.

— Йе й хатына.

— Та яка хатына? Настояща хата, новисинька, просторна.

— И у господарстви не дуже кому дае воли.

— Та такы и никому. Самъ усымъ орудуе, и що хоче, те й робе.

Хиврыни стари ажъ плямкають, що таке добро достаетьця йихъ дочци; та й почалы пытаты, хто именно парубокъ.

— Отъ колы знаете, Пархимъ,—сказавъ Остапъ.

— Терешковычъ Понура,—договорывъ Самійло.

— Э! Се-бъ-то той крывый на ногу?—спытала маты Хиврына.

— Та винъ такъ трошкы храмае, на одну ногу,—сказавъ первый староста.

— Де-то храма? И не на одну, а винъ и обома нездужа ходыты,—пидправывъ пидбрехачъ.

— Та трохы чы не косый?—пыта батько Хиврынъ.

— Та такъ, косенькый на одно око,—каже староста.

— Де то вже на одно? И не косенькый очи; винъ и обома не бачыть!—Роповнывъ пидбрехачъ.

— Та винъ що-сь горилку часто вжыва?—пытаетьця батько.

— Такъ, выпье по трошку, колы-та-колы,—каже Остапъ.

— Де-то вже колы-та-колы? Такы по усякъ день, и такы не по трошку, а пье, покы звалытьця.

— Та кажуть, щось тамъ нашкодывъ, такъ чы не буде йому биды?—допытуетьця батько.

— Яка тамъ бида? Може провчать трошкы,—сказавъ староста.

— Якъ-то можна трошкы? Його такы гарно катъ кнутомъ попобье, та и на Сибирь зошлють!—закинчывъ пидбрехачъ...

Писля такои розмовы, що батькови та матери Хиврынымъ робыты? Выпровадылы нечесттю старостивъ и трохы чы и не позывалы ще за бешкетъ, що за такого женыха приходылы свататы йихъ дочку. А на парня пустылы славу, що й по-викъ не збувъ!

Дуже не добре дило брехаты!

Г. Квитка.

---

3. Бычокъ.

У Панаса бувъ бычокъ,
Четвертакъ, чы трытячокъ;
Тамъ такый бычокъ добрячый
И въ роботи не ледачый!
Скоилась йому прычына,
Певно, хто-сь вже такъ зробывъ,
Що все гаспидська лычына
Разъ-у-разъ хвостомъ крутывъ!..
Що за дыво? Каже Гнатъ,
Рындычкы старои сватъ:
Де вже я не пробувавъ,
Ну, такого не выдавъ!
Ходывъ пидъ Хуру ажъ въ Од съ,
Тамъ вже бачывъ всихъ чудесъ:
Малпу своимы очыма
Въ нимця бачывъ за плечыма.
Выгоить взялася Приська,
Макотрущына невистка.
То вже баба на вси бокы:
Чы прыстритъ, або урокы,

Чы зъ очей бува, чы зъ витру—
Визьме глекъ, або макитру,
Коло пупа щось пошепче,
Зразу тоби и полегча!
Що вже вона не робыла,
До схидъ солнця въ лугъ ходыла,
Яке-сь зилля все збирала
Та шепчучы прыкладала
До хвоста тому бычкови:
Добрый дьоготь и бочковый,
Прыкладала мьяту—руту,—
А винъ усе хвостомъ тымъ круте!
На базарь Панасъ пойихавъ.
Тильке що у городъ въйихавъ,
Ажъ десяцькый переймае,
„Куда ѣдешь ты?“ гукае.
— На базарь!—„Эхъ, дурналяпъ!“
Тай пиднявъ вже патерыцю,
А бычокъ його по пыци
Тымъ хвостомъ, мовъ вихтемъ: ляпъ!..
Прычепывся жъ до Панаса
Той москаль, мовъ бы репьяхъ,
Або пьяныця до квасу,
Заразъ въ часть його потягъ!..
Ледви за рубъ лыха збувся!..
Отъ Панасъ въ село вернувся,
Взявъ сокыру, якъ рубнувъ,—
Такъ хвоста и одитнувъ
По самисинькее тпруте!..
А винъ и тымъ цурпалкомъ круте!

Кр—кій.

---

4. Москаль та варeныкы.

Сыдыть москаль на прылавци,
Прыщурывшы очи,
Такъ и выдно, що винъ бидный
Вареныкивъ хоче.

Хоче москаль вареныкивъ,
Не вміе казаты,
Не знае, бачъ, по нашому
Якъ йихъ называты.

— „Хазяюшка, голубушка!
Ставъ винъ говорыты:
Свари-ка мнѣ вонъ ентово“...
Та чого жъ зварыты?

—„Вонъ ентово, какъ бишь ево
У васъ называютъ?..
Знаешь этакъ: сыръ да масло ,
Въ тѣсто накладаютъ“...

Та Господь васъ розуміе!
Вы люде учени...
Сыромъ кисто напыхаютъ—
Пырогы печени.

—„Не пирогъ это, хазяйка!
Экая досада,
Знаешь, этакъ сыръ да масло,
Да сметанки надо.

Молодыця добре знае,
Чого москаль хоче,
Такъ дожыда барабана,
Покы затуркоче.

Якъ зачула барабана,
Слава тоби, Боже!
Тоди каже москалеви:
Вареныкивъ може?

Якъ пидскоче москаль зъ лавы,
Та николы ждаты!
„Лавреников, лавреников“...
Тай утикъ изъ хаты.

5. Це дило треба розжувать.

Зійшлась въ якому-сь мисти сходка,
Сельськый, чы-то станышный зборъ,
Ришыть дила, напытьця водкы,
Въ кинци составыть прыговоръ.
Надвори вси до кучи сталы,
Щобъ лучше обсудыть дила,
Балакалы, а бильшъ крычалы,—
Така прывычка въ йихъ була!
На палку кажный дидъ изляже,
Щобъ дужче горло можна драть,
Штрыка ципкомъ въ кизякъ та й каже:
„Це дило треба розжувать!"
Жыла-була десь вирна пара
Супругивъ: чоловикъ—жона;
Винъ бувъ чорнявый, вона—кара:
Согласна жысть у йихъ була.
Любылысь вирно, жылы смырно,
Нельзя за йихъ плохе казать!
Чого жъ це рыжа въ йихъ дытына?
Це дило треба розжувать!
Бувъ десь суддя такый прымирный,
Що взятокъ изъ людей не бравъ,
Уси дила ришавъ винъ вирно,—
Судомъ людей не обижавъ.
Винъ чиловикъ бувъ небогатый,
Ничого лышнього не мавъ;
У поганенькій жывъ винъ хати,
Не жывъ, а тильке пожывавъ.
Пробувъ суддею винъ два годы,
Забогативъ, ставъ торгувать,
Справляе жинци все по моди...
Ну, якъ тутъ дило розжувать?
Жылы дидъ зъ бабою стареньки,
Була у йихъ одна дочка,
Весела, гарна, чепурненька,
Чорнява, ривна та гнучка.

Воны дочку держалы въ хати
И не пуськалы никуды,
Ажъ покы люде будуть сватать, —
Щобъ не случылося биды.
Та якось та бида тыхенько
Зализла въ хату ночувать;
Зробылась дивка йихъ товстенька...
Ну, якъ це дило розжувать?
Жывъ коло насъ одынъ сусида,
Винъ чоловикъ бувъ холостый;
Державъ кухарку гарну зъ выду,
Щобъ варыть йисты, хлибъ пекты.
Жыве кухарка, гарно ходыть,
Жыве догвенько, годивъ съ пьять,
И кажный годъ дытыну родыть...
Це дило треба розжувать!
Бувае въ свити такъ частенько,
Якъ глянешъ збоку—грихъ сказать!
А якъ прыдывышся гарненько,—
Ажъ дило треба розжувать!

Александръ Пивень.

---

6. Угадала.

Разъ барыня спытала наймычку Гапку:
Нащо вси барыни носять на головахъ шляпку?
А Гапка подумала-подумала, а дали сказала:
„Порожнимъ горшкамъ... покрышка прыстыла!“
Барынъ тежъ Гапку спытавъ, чы та угадае,
Нащо винъ на носа очкы накладае?
„Та це, пане не трудно вгадаты!
Щобъ совисть нечысту... добре прыкрываты!“
Барышня спытала: „Що ты, Гапко, робыла,
Що ты така розова, свижа та била?“
„Що я робыла?—Гапка отвичала,—
Я зъ роду на морду мазыла не клала!“...

Ив. Бездольный.

7. Отвѣтъ въ риѳму.

(Сцена).

(Солдатъ предлагаетъ крестьянину играть „въ отвѣты въ риѳму“, тотъ соглашается).

Солдатъ. Ну, благословенная деревенщина, задавай мнѣ какое ни на есть слово!

Крестьянинъ *(подумавъ).* Четвертакъ!

Солдатъ. Ну, очень тебѣ просто: хохолъ, мазепа и дуракъ.

Крестьянинъ *(обидясь).* Кажы теперечкы ты!

Солдатъ. Изволь: капсуль!

Крестьянинъ. Сто чортивъ твоейій матери, отъ що! *(Уходитъ).*

Изъ разсказовъ *П. Раевскаго.*

---

8. Вередлыва дивчына.

Була соби Галя,
Дивчынонька—краля,
И богата, и вродлыва,
Тильке дуже вередлыва,
Усякому зась.
Вона тее знала
И скризь щебетала,
Якъ та пташка на простори:
„На те, каже, щука въ мори,
Щобъ трусывсь карась“.
Богатая доля,
Веселая воля,
Одна стежечку топтала,
Друга тырлычъ розсыпала,
Куды вона йшла.
Трусы мене, хлопче,
Козаче молодче,
Щобъ намыстячко брязчало!
Такъ йій щастячко спивало,
Якъ була мала.
Не все жъ дивоваты,
Свативъ сталы слаты;
Чорнобрывка гордувала,
Гарбузамы надиляла,
Соромыла всихъ:
Той не до любовы,
Не такъ вусы, бровы,
Той носатый, той кырпатый,

Той невдатный, небогатый,—
Не треба такыхъ!
Весна за весною
Летила стрилою,
Дивчынонька рястъ топтала,
Загулялась, не вгадала,
Якъ стала марнить.
Гульня видцуралась,
Зъ журбою спизналась,
И частенько середъ ночи
Сталы плакать кари очи
И серденько ныть.
Чы куды бъ летила,
Чы кого бъ просыла,
Що почaты, що робыты,
Якъ самотній въ свити жыты—
Не знала сама.
У виконце гляне,
За воритьмы стане,
Щобъ розважыть свою тугу,
Чы не йтыме казакъ зъ лугу—
Нема та й нема.
Колысь бувъ слидочокъ—
Засыпавъ писочокъ,
Була стежечка горою,
Та глухою лободою
Вона заросла.
Сыдила, сыдила
Та й наворожыла
И якъ разъ писля Мыхайла
За якого-сь шкандыбайла
Насылу пишла.

Дивчатонькы—диты,
Рожевый квиты!
Я выгадавъ вамъ брехеньку,
Щобъ головку молоденьку
Звеселыть на часъ.
А вы соби смійтесь,
За витромъ не війтесь,
Щыро правдоньку шануйте,
И не дуже вередуйте,—
Будуть люде зъ васъ!

Л. Глибовъ.

---

9. Мертве тило.

Йихавъ якось черезъ наше село становый. И яка жъ то кумедія зкоилась зъ того гемонського перейизду, такъ смихъ и казаты добрымъ людямъ! Побачывъ ото винъ йидучы, що недалеко одъ управы, якъ разъ коло бытого шляху, лежыть здохла курка: заразъ звеливъ зупыныть кони, пидозвавъ мене та й пытае:

— Ты хто такый?
— Гаврыло Очкурня,—кажу йому.
— Дуракъ!—каже.
— Може и такъ,—одвитую.
— А по службѣ хто ты такый?
— Старшына,—кажу.
— А колы ты старшына, то куды жъ ты дывышся,— Да и показуе пучкою на здохлу курку и пытае въ мене:—Выдишъ?
— Бачу, кажу, колы лежыть передъ очыма.
— Выдишъ?
— Та выжу жъ,—бачу.
— Выдишъ?—пытае втретье.
— Выжу,—бачу и бачу: выжу! Це жъ не голка, а цилисянька курка!
— На что это похоже?—пытае.

Пидійшовъ я до гемонськои куркы, глянувъ на неи збоку, та й кажу:

— Якъ бы не таки ногы та голова, то може бъ походыла и на гуску.
— А, такъ ты, болванъ, ищо сміятьця здумавъ? Одвичай: съ чѣмъ сообразны, на что похожи такыи возмутительныя явленія?

„Хай тоби, думаю, бисъ, де се ты взявся на мою голову! Та, не вамъ кажучы, ажъ злякався. Да впьять такы помиркувавшы, яку птыцю найбильшъ паны люблять, кажу:

— Зъ чымъ же сообразна? Сообразна, кажу, зъ журавлемъ, ваше благородіе!—А самъ думаю соби: ничого казать, похожа такы, якъ чорне теля на жиночу плахту! Якъ почувъ же винъ одвитъ мій, такъ ажъ пидскочывъ.

— Я тебе за таки одвиты въ острогъ засажу! Говоры, что это такое?

Шуликою дывытьця не мене, а пальцемъ показуе на прокляту курку. Що ты на свити казатымешъ йому? Чысто забывъ винъ паморокы мени... А дали одважывсь та й кажу:

— Не знаю, що воно таке!

Сьогодня ораты!
Розгнивався кумъ Гаврыло,
Що глузуютъ люде,
Якъ почавъ перищыть сыву,
Та по шкури лудыть!..
Нё, слипа, нё, крыва,
Нё, проклята, тпру, сацата! Тпру!..
Затялася кобыльчына—
Ни ступня видъ хаты!
Ой, не буде кумъ Гаврыло
Сьогодня ораты!
Кумъ ще дужче розгнивався,—
Взявъ зъ воза дубыну,
Та по ребрахъ, та по спыни
Почавъ мирять сыву.
„Нё, слипа, тпру, крыва,
Нё, проклята, тпру, сапата! Нё!
Якъ дремене кобыльчына,
Куды очи драла!
Поламала визокъ въ цурлы
И хамутъ порвала.
Кумъ Гаврыло навперейми
Сыву доганяты...
Ой, не буде кумъ Гаврыло
Сьогодня ораты!
„Тпру, слипа, тпру, крыва—
Тпру, проклята, тпру, сапата,
Сёкъ, сёкъ, сёкъ, сёкъ, тпру!..
Визокъ лежыть, сыва стоить,
Ще й хвостомъ махае;
Нема колисъ, нема люшень
И дугы чортъ-мае!
А зъ хомута тильке слава,—
Що й не полататы...
„Теперъ бачу, що сьогодня
Тпру мени ораты!
Тпру, кумцю, тпру, Гаврыло,
Тпру, серденько мое мыле, тпру!..

Соч. *К—го.*

11. Ячминь.

Сынъ. Скажы мени, будь ласкавъ, тату,
Чого ячминь нашъ такъ порисъ
Що колоскивъ прямыхъ я бачу тутъ богато,
А де-яки зовсимъ схылылыся унызъ,
Мовъ мы, неграмотни, передъ велыкымъ паномъ,
Мовъ передъ судовымъ на стійци козакы?
Батько. Отти прямыи колоскы
Зовсимъ пустисиньки, ростутъ на ныви даромъ;
Котри жъ поклякнулы—то Божа благодать:
Йихъ зе́рно гне, воны насъ мусять годувать.
Сынъ. Того жъ то голову до неба зволыть драть
Нашъ пысарь волостный, Онысько Харчовытый!
Ажъ винъ, бачу...
Батько. Мовчы! почують,—будешъ бытый.

Е. Гребинка.

---

12. Свайба дурного Грыцька.

(Отрывокъ изъ „Нисенитныцы").

Ой, гопъ, недоскоку!
Десь чортяка прычепывсь!
Влюбывся я въ чорнооку,
Черезъ те дурный зробывсь!
Може скоро я женюсь,
Тоди въ бокы я визьмусь,
Та ударю гопака,
Щобъ уси зналы Грыцька!
Стрыба Грыцько, гасае,
Женытьця винъ думае,
Якъ захочу, женюсь въ разъ,
Усимъ людямъ напоказъ!

Визьму дивку, яку схочу,
Усихъ хлопцивъ заморочу:
Хочъ попову, хочъ дякову,
А хочъ гарну козакову.
Свайбу зроблю у пьятныцю,
Та поклычу всю станыцю,
Уси будуть йисты й пыть,
Та Грыцька будуть хвалыть!
Та найму я музыку,
Не малу, а велыку!
Якъ ушкварыть музыка!

Якъ урижуть гопака!
Затанцюе вся станыця,
Тоди взнають уси Грыця,
Що винъ справди не ду-
ракъ,
А такый, якъ вси, ко-
закъ!..
Ну, насылу такы Грыць
У пьятныцю оженывсь;
Узявъ жинку невелычку!
Гарну, якъ перепелычку!
Винъ тутъ довго не ду-
мавъ,
Заразъ свайбу затіявъ.
Тутъ зійшлася вся ста-
ныця
Въ хату до дурного
Грыця,
Сталы добре пыть - гу-
лять,
Та гопака выбывать!
Ой, сусиды та сусидкы,
Подывитьця, яка жинка!
Моя жинка знакомыта,
Пидтыкана ззаду свыта,
На нижечку налягае,
Ще й на плечахъ гор-
быкъ мае!
Ой, грай, колы граешъ,
Колы чорни бровы маешъ!
Узявъ жинку гарну дуже,
Якъ робыть — вона не-
здужа,
Якъ музыку зачуе,
Дуже добре танцюе!
Танцюй, жинко, танцюй
зтыха,
Щобъ не бачылы мы
лыха,
Добре йилы та пылы,
Та весели вси булы!
Нуте, хлопци, нуте вси,
Нуте—погуляйте!
Одни скачте, други плачте,
А трети спивайте!
Идить, хлопци, у танець,
Берить шапкы въ рукы,—
У богатои дивчыны
Зубы, такъ якъ въ сукы!
Идить, хлопци, у танець,
Берить рукавыци,—
Уси вдовы, якъ коровы,
Дивкы, якъ телыци!
Танцюйте вси гопака
За розумного Грыцька,
Одъ вечора до утра,
Бо робыть ще не пора!
А якъ свайбу одгуляемъ
Сядемъ, добре заспива-
емъ,
Та горилку будемъ пыть,
Покы ще шынкарь не
спыть,
А якъ усю попьемо,
Тоди ляжемъ — заснемо.
Грай, музыко, колы гра-
ешъ,
Колы добрый смычокъ
маешъ,
А не граешъ,—не дуры,
Даромъ грошей не беры!
Ой, грай, та до ладу,
А я въ батька штаны
вкраду,
Не кому жъ я, тоби дамъ,
Щобъ до — ладу мени
гравъ!

Грай, музыко, бо ты звыкъ,
Деры лыка, робы смыкъ;
А не зробышъ зъ лыка смыка,
Чорзнащо ты—не музыка!
Обирванци пишлы въ танци,
Голобоки пишлы въ скокы!
Ой, не пывшы и не йившы,
Скачы, дурню, ошаливишы!
Ой, смихъ та реготы,
Пишла баба въ переверты!
Дуже мене смишыло,
Якъ ту бабу сказыло!
Гуляй, душа, безъ кунтуша,
Шукай пана безъ жупана!
Ой, заграйте въ цымбалы,
Щобъ ниженькы дрымбалы!

*
* *

Прыйшовъ ведмидъ до Грыцька
На свайбу гуляты,
Якъ ударывъ гопака, —
Геть, хлопци — дивчата!
А за нымъ слидомъ скотына,
Разный звирь та птыци
Понаходылы та зъ людьмы
Сталы веселытьця.
Тутъ пишла така потиха,
Що тильке дывытьця,
Якъ звиряччя та скотына
Зачалы дрочытьця!
Вовкъ изъ цапомъ та оселъ
Заходылысь граты,
А лысыця зъ журавлемъ
Польку танцюваты!
Пивенъ жвавый изъ индыкомъ
Зачалы тутъ бытьця,
Бросылы вси танцювать,
Та сталы дывытьця!
Довго воны былысь,
Та въ ручкы водылысь,
Якъ по чарци пиднеслы,
Заразъ помырылысь!
Зайиць у лысыцю
На свайби влюбывся
Якъ дознавсь про те, йижакъ,—
Чуть бувъ не сказывся!
Далы йому хыны
Проты скаженыны,
Якъ выпывъ винъ порошокъ,
Заховався у кутокъ;
Сыдыть у куточку,
Надувся, якъ квочка,
И не йисть, и не пье.
Найижачывсь та й сопе!
А музыка грае,
А басъ вымовляе,
А китъ ходыть, похожае,
До танцивъ прохае.
Заставывъ музыку
Метелыцю граты,
А самъ пишовъ мижъ гостей
Кружокъ набираты.
Хто хотивъ тутъ танцювать,

Сталы парами ставать:
Корова изъ ракомъ,
А вилъ изъ блохою,
Узялысъ за рукы вси
Та й сталы зъ пыхою!
Зъ куркою лысыця
Удвохъ спарувалысь,
Пидійшлы до тыхъ урядъ,
За рукы побралысь.
А за ныны рядомъ
Сталы добре, ладомъ:
Собака зъ бджолою
Та муха зъ совою,
Шпакъ, перепелыця
И жукъ, якъ мазныця,
Пидобравъ соби до пары
Винъ дурного Грыця!
А за ныны рядомъ
Разный звирь та птыця,
Якъ урижуть музычен-
кы, —
Пишлы вси крутытьця!
Уси добре, ладно
Сталы танцюваты,
Ведмидъ заходывсь у тан-
цяхъ
Порядкы справляты.
Ставъ гостей штовхаты,
Въ танцяхъ поправляты,
Потимъ — того схватывъ
дрючокъ—
Пишовъ пидганяты!
Накурилы въ хати
И свита не выдно,—
Всяке добре танцювало,
Щобъ було не стыдно!
Корова стрыбала,
Уверхъ хвистъ задрала,
Такъ до-дила танцювала,
Що й рака стоптала!
Вилъ добре крутывся,
Метелыци вчывся,
Розигнався—та объ сти-
ну,
Ажъ ригъ одломывся!
Журавель зъ индыкомъ
Наробылы крыку
Одынъ одного клювалы
Робре пидъ музыку!
Гусакъ изъ дрохвою
Умисти крутылысь,
А пры кинци метелыци
Узялы побылысь!
А пивень зляковся
Одъ грику та крыку,
Излетивъ винъ на полыцю
Та ставъ кукурикать!
И жаба стрыбала,
Добре танцювала;
Якъ вилъ йійи насту-
пывъ,
Лопнула й пропала!
Жеребець буланый
Дуже росходывся,
Лучше всихъ винъ тан-
цювавъ,
Наче де учывся.
Наче у танцкласи
Зъучывъ выкрутасы,
Стававъ гопкы, крутывъ
хвостомъ,
Та стукавъ пидъ баса.
Якъ де було кисно,
Винъ тамъ кыдавъ задкы,
Щобъ никому не було
До його повадкы!
А свыня чухоньска
Танцювать не вмила,

Вона злизла ажъ на стилъ—
Чысто все пойила!
А хытра лысыця
Пидъ прыпичокъ сила,
Заманыла туда курку,
Узяла та й ззила!
Собака на вовка
Стала дуже гавкать,
А китъ того излякався,
Та заходывсь нявкать!
Горобци одъ ляку
По хати литалы
Цвириринькалы, покы-викна
Вси порозбывалы.
За ными вся птыця
Почала крычаты,
Наробылы зыку-крыку,
Хочъ тикай изъ хаты!
А музыка риже,
Бубонъ выбывае
А звиряччя одно знае,—
По хати гасае.
Метелыци чыстять
Чотырьма ногамы,
А скотына ще для штукы
Додае рогамы!
Наробылы грому,
Стуку та содому,
Добре гупалы, щобъ посли
Не було сорому!
Вилъ бувъ дуже пьяный,
Ставъ пробувать сылу!
Прыперъ рогомъ до стины
Жеребну кобылу.
Жеребець побычывъ,
Що вилъ робыть шкоду,
Давай його глушыть задкы
Пидъ пузо та въ морду!
А оселъ розумный
Бросывъ въ скрыбку граты,
Та ставъ вола зъ жеребцемъ
Умыротворяты.
Якъ суддя на шыю
Цепъ соби накынувъ,
Тай ставъ лаять жеребця,
Щобъ бытьця покынувъ.
Жеребець одъ лайкы
Дужче роздрочывся,
Якъ урихе суддю задкы—
Той и покотывся!
Тутъ уже вси гости
За осла вступылысь,
Жеребця съ воломъ просылы.
Щобъ ти помырылысь.
Всякъ прыбравъ способу,
Якъ лучше мырыты:
Хто рогамы, хто ногамы
Сталы йихъ просыты,
Довго йихъ просылы,
Всылу помырылы,
Роздывылысь, ажъ гуртомъ
Кобылу убылы!..
Якъ скинчалы танци,
Пиднеслы по чарци:
Кому въ видри, кому въ цебри,
А волу въ лаханци.
Вилъ горилку смокче,
Синомъ зайидае,
А китъ выпывъ та сальце
Сыдыть—умынае.
Жеребецъ ковтае

Горилку зъ видерка
Та гарненько уплитае
Полову изъ дертью;
А свыня горилку
Смокче изъ корыта,
Туды-жъ йийи насыпалы
На закуску жыта.
И кабанъ зъ ногамы
Зализъ у корыто,
Смокче, булькае горилку
Та чвакае жыто.
И йижакъ тутъ добре
Горилкы напывся,
Зализъ пьяный у корыто
Та тамъ и втопывся!
Гракы та вороны
До кобылы силы.
Добре пылы горилочку
Та й кобылу ззилы!
Отаке весилля!
Бундяче вдалося!
Усякому добре йилось
И гарно пылося!
Уси добре йилы,
Пылы та гулялы
И якъ слидъ дурного Грыця
Гуртомъ велычалы!..

*
* *

А вы, добри люде,
Грыцьку выбачайте.
Що не такъ може зробывъ,
Вы його не лайте!
Що вси його гости
Звычайивъ не зналы
И що трохы не звычайно
На свайби гулялы.
Бо, звисно, скотына
Не то, що людына,
Безъ ума жыве на свити,
То воно й не дывно!
Грыцькове весилля
Всимъ чудне здаетьця;
Хто чытае, хто слухае—
Не даромъ сміетьця!
Бо Грыцько не вченый,
Дурный и никчемный,
Дитячый у його умъ,
Уродывся всимъ на глумъ.
Отъ, у людей добрыхъ,
То вже ричь другая!
Робе всякый добре, гарно,
Якъ свайбу справляе.
Зійдутьця на свайбу
Православни люде,
Сыдять смырно, та гуляють,
Чы й дали такъ буде?
За стилъ посидають,
Тыхо размовляють,
А якъ чарку беруть въ рукы,
Всимъ добра желають.
Тоди чарку зтыха
Въ ротъ перекыдають,
Борщъ та локшынку гарненько
Сыдять—уплитають.
И дали все добре,
Звычайно ведетьця,
Кажный зтыха балакае,
Тыхенько сміетьця.
На таке весилля
Гарно й подывытьця,
Бо це жъ люде, не скотына,

Не то, що у Грыця!
Ну, а дали якъ-же?
Та й дали все гарно!
Пьють горилку трохы
лучше,
Гуляють звычайно.
Музыка заграе,
Пидуть танцюваты
И гупають у охоту,
Покы мочи хвате,
Пьють упьять горилку
И упьять гуляють,
И кой-яки на забаву,
Штукы вyробляють!
Горилочка льетьця.
Добре людьмы пьетьця,
Усимъ весело та гарно
На свайби здаетьця!
Уси добре роблять,
Такъ якъ и годытьця,
Бо це-жъ люде, не ско-
тына,
Не то, що у Грыця!
Якъ добре вси гости
Горилкы напьютьця,
Такъ балакають, крычать,
Регочуть, сміютьця;
И одынъ другого
Потрошечку лають
И другому для прымиру
Себе выхваляють.
Дали почнуть спорыть,
А потимъ и бытьця,
Часомъ такого нароблять,
Що гыдко й дывытьця!
Це вже не звычайно
И такъ не годытьця,
Бо це жъ люде, не ско-
тына,
Не то, що у Грыця!
Тильке де горилку
Пьють добре, въ охоту,
Добри люде тамъ бу-
вають
Часто хуже скоту!
Якъ тіи горилкы
До смаку напьютьця,
Вси показятьця, здуріють,
А въ кинци побьютьця!
Чоловикъ, бувае,
Таке выробляе,
Що скотына того зроду
Не чула й не знае!
Ото-жъ, люде добри,
Не смійтеся зъ Грыця,
Огляньтеся, та на себе
Добре подывитьця!
Бо й зъ умомъ, бачъ,
люде,
Часто зъ ума сходять,
За Грыцька гирше ду-
ріють
И чорзнащо роблять!

Александръ Пивень.

---

13. На пущення — якъ завъязано.

Диждалыся пущення на пистъ. Хома й каже жинци:

— Гляды жъ, Кулыно! Нагодуй мене такъ, щобъ черезъ цилисенькый пистъ не захотилося мени йисты.

— Та добре жъ, добре. Йижъ тильке на здоровья, а то прыдбала усього—сказала Кулына и постановыла передъ нымъ макотерть варенykивъ та повнисиньку мыску блынцивъ. Вычыстывъ Хома усе якъ слидъ, маслычкомъ полываючы та у смытану умочаючы.

Забрала Кулына пусту посуду, та постановыла обидаты: борщъ зъ сулою мудрый, сметанкою засмаженый; каша тоби пшоняна такъ и плава у маслычку; локшына у молоци, галушечкы на яечкахъ, та тежъ зъ молокомъ; тараня у маслечку напряжена, та молошнои каши пивъ макитры; тильке и всього!

Ажъ повыскромажувавъ усе сердешный Хома, та на потуху—пивъ глека молока, та й сивъ и дрима.

Ще не гараздъ и прочунявъ, а уже й полуднуваты пора. Тутъ и вродылася каша до молока: гречаныкы до маслычка; упысавъ иихъ Хома самотужкы ажъ зо тры та добравъ пьятирко рыбокъ тарани у масли жареныхъ.

— Що жъ, недалеко уже й до вечера. Будемо пидвечиркуваты,—такъ сказавъ Хома, ледве духъ переводючы.

Мысочку блынцивъ, та буханцивъ зо два у сметанку умочаючы, отъ чоловикови й буде.

—Нехай,—каже Хома,—ще повечеряю чого-небудь.

Упорався Хома и зъ вечерею; доволикъ усе, що постановыла жинка: и борщыку, и каши, и рыбкы, и блынцивъ, и буханцивъ; а дали тырыть и вареныкивъ макитру: якъ кулакы плаваютъ у масли. Сопе Хома, дотрощуе, йихъ, та вже спочываючы.

Розперезався, сылкуетьця... отъ-отъ и дно выдно, та бачыть, що лыхо, отъ здыхнувшы и каже:

— Що це, жинко, зо мною сталося? Щось не дойимъ!

— Охъ мени лыхо! Чы не зъ очей?

— Ни! — ледве промовывъ, тяжко дыхаючы, сердешный Хома: бачу, на пущення — якъ завьязано!

Гр. Квитка.

---

14. Вилъ.

„Мабуть на неби звисно стало
(Про себе вилъ въ кошари гомонивъ)
Про те, що ввесь мій викъ я все за двохъ робывъ,
Та й вытерпивъ такы чымало—
Що въ плузи сылковавсь; копыци волочывъ,
Изъ ранку у ярми до пивночи ходывъ,
Ище що дня бувавъ и бытый!
Хазяина не разъ я проклынавъ —
Теперь зовсимъ не той хазяинъ ставъ:
До схочу въ мене йисты й пыты,
Несуть мени и солы и крупивъ,
Вивса и высивокъ; найистысь трьомъ бы стало".
Ажъ тутъ хазяинъ шасть у хливъ,
И, взявшы за рогы, Вола пидъ нижъ повивъ,
Бо сказано—його годовано на сало.

Ты зъ малку такъ любывъ мене, якъ пугу песъ...
Чого жъ такъ лащышся теперъ до мене, Иване?
Ты знаешъ, що якъ ты чоломкатьця идешъ,—
Чого-сь мене морозыть стане.

Е. Гребинка.

---

15. Допывся.

Отъ и допывсь
И дохмелывсь!
До вику тямыть буду!
Ни въ ротъ не брать,
Ни куштовать
Не хочу ажъ до суду!
Колыбъ вона
Уся до дна
Повытикала въ бочкахъ
То ще бъ въ церквахъ
Народъ въ свыткахъ
Стоявъ бы и въ сорочкахъ!
Ни, Грыцьку, ни!
Хочъ бы мени
Повисытьця й на гильци, —
А ни пидъ нисъ!..
Нехай йій, бисъ,
Тій гаспидській горильци!
Вона мене
Зъ свита сжене.
Колы бы той исказывся,
Хто божый даръ
Гнать черезъ жаръ
У вынныци навчывся!
Охъ! Охъ! Охъ! Охъ!
Зубивъ щось зъ двохъ
И нигъ не доличуся!
Жывитъ на смихъ, —
Зъ ковальськый михъ!
Здаетьця жъ и не дмуся!
Сами кышкы,
Мовъ бульбашкы
У чауни, клекочуть;
А пупъ набрякъ;
Пидъ пупомъ такъ,
Мовъ жабы все скрегочуть!
Нисъ, якъ пистрякъ,
И скризь—сынякъ;
Бачъ, пыка якъ набрякла!
Одна нога
Щось шкытыльга,
Друга зовсимъ заклякла.
Така нудьга,
Така туга
Що чортъ зна, де и дитьця!
Отъ тутъ пече,
Тутъ гаряче,
А все бъ хотилось гритця...
А йисты щобъ?
Та хочъ у лобъ!
Крый Боже, якъ цураюсь!
Все бъ дудлывъ, бачъ;
Такъ отъ, хочъ плачъ!..
Щось одъ воды жахаюсь!..
Помацай чубъ:
Бачъ, якъ оскубъ
Діявольська лычына!
Тильке то сямъ
Стырчыть, то тамъ,
Зъ чупрыны волосына!
Та вже жъ чиплявсь!
Товкъ и знущавсь,
Скажена москалюка!
Колиньмы гривъ,
Покы не вџривъ,
А тамъ и взявсь до дрюка!

Охъ! Охъ! Ахъ! Ахъ!
Жовчъ въ печинкахъ
Мабуть всю стовкъ, псяюха!..
Геть, Грыцьку, геть!
Та лучше смерть,
Нижъ гаспыдська сывуха!
Кахы! кахы!
Се за грихы
Мене пеня спиткала!
Та вже й дуривъ!
За всихъ кнуривъ...
Вже душка погуляла!
Була, була
На пивъ села
Худобонька и гроши:
Изслызло се
Процындрывъ все;
Зостались тильке воши!
Пустывъ дитокъ
Безъ сорочокъ,
И жинку безъ запаскы:
А самъ въ шынку
На прылавку
Жду Лейбынои ласкы!
А Лейба—герштъ—
Въ бокы, якъ хвертъ,
Та Рухли щось герготе;
На мене зыркъ!
Та знай пыркъ-пыркъ!..
Невира ще й реготе.
Забравъ воливъ,
Овець, коривъ,
Ще винъ же и здрочывся!
Загарбавъ кизъ
И жыта визъ...
Бодай йимъ подавывся!
Ой, такъ мени!
Такъ сатани!
Катюзи—по заслузи!
Жлоктавъ жывитъ,
Ажъ лывся питъ;
Теперь—засуха въ пузи!
До церквы дзвинъ,
А панъ Охримъ,
Бувало, въ шынкъ мандруе;
Въ церквахъ „Святъ, Святъ“,
Въ корчми „гвалтъ, гвалтъ“!..
Охримъ жыдивъ муштруе!
Було, въ посты,
Ище чорты
Не бьютьця навкулачкы,
А вже Охримъ,
На глумъ усимъ,
Пьяненькый лизе рачкы!
Було, пипъ Петръ
Въ Чыстый четвергъ
Іюду величае;
Охримъ въ кормчи
Пойди куми
Весильныхъ затынае.
Чы въ хату пипъ,
Охримъ захрипъ,
Запинывсь,мовъ сказывся;
Не сповидавсь,
Не прычащавсь
Симъ рикъ, и не хрестывся!
Попы й дякы
Въ Риздво—въ святкы
Зъ крестомъ идуть, зъ кропыломъ;
А вже колы
Дере козлы
Охримъ и рые рыломъ!

На часточкы,
На свичечкы
Шагомъ не поплатывся;
А мысочокъ
И граматокъ
Не чувъ, якъ и вродывся!
Охъ! Охъ! Охъ! Охъ!
Зубивъ щось зъ двохъ
И нигъ не доличуся!
Жывитъ, на смихъ, —
Съ ковальськый михъ, —
Здаетьця жъ и не дмуся!
Ой! Такъ мени!
Такъ сатани!
По дилу ся халяндра!

Нехай хутшій,
Попа мерщій
Поклычуть Олександра!
Скажу: допывсь
И дохмелывсь
До вику тямыть буду!
Ни въ ротъ не брать,
Ни куштовать
Не тильке що й... до суду!
А ты, пляшкы,
Грыцьку, й чаркы
Трощы, що маешъ духу!
Тильке... трывай!..
Зъ йихъ позлывай
Въ барыльце всю сывуху!

П. Артемовскій-Гулакъ.

---

16. Чудна размова.

— Здоровъ, братъ!
— Здоровъ.
— Чы ты курышъ?
— Хто? Я?
— Э.
— Курю.
— Такъ давай покурымъ!
— Давай.
— А въ тебе жъ тютюнъ йе?
— У кого?
— У тебе!
— У мене?
— Эге.
— Йе.
— Отъ и добре.
— А ты жъ вогню выкрышешъ?
— Хто? Я?

— Э.
— Выкрешу.
— Ну, такъ покурымъ!
— Покурымъ.

Александръ Пивень.

---

17. Собака й Кинь.

Бувъ на сели Квачанъ-собака,
Кудлатый та товстый,
Хвистъ здоровенный, якъ ломака,
И самъ такый страшный.
Разъ лежачы зничевья на травыци,
У холодочку пидъ кущемъ,
Винъ розбалакався зъ конемъ
Про те, про се, про всякіи дурныци,
А дали ричь на те звернувъ,
Що винъ у господарстви—сыла,
Не то, що кинь або кобыла,
Усякъ се може чувъ.
„Що щъ, коню, ты? попыхачъ головатый...
Дыковына тымъ возомъ торохтить;
Велыке дило борону тягаты,
    Або снопы возыть!
Онъ я: и череду у поли доглядаю,
Ввесь двиръ, кошару стережу,
    До току побижу—
Цилисинькую ничъ не спочываю!“
На ричь таку собаци Кинь сказавъ;
„Се, може, й правда, хто васъ знае:
    На свити всякъ бувае...
А я бъ тебе про отъ що попытавъ:
Колы бъ я не хотивъ у поли працюваты,
Колы бъ я хлиба не возывъ,
То що бъ стеригъ тоди кудлатый
    И що бъ винъ йивъ?“

И люде йе, таки ледачи,
Мудрують по собачій:
Мы, бачте, сыла, мы стовпы,
У насъ, мовъ, золоти лобы,
Мы громадяне, —
А то все суччя копійчане,
Бадылля свитовѐ!..
Сказавъ бы щось про квачана такого—
И щ̀о воно й до чо́го, —
Та цуръ йому! Бо ще порве...

Л. Глибовъ.

---

18. Пархимове снидання.

Не було и на усій слободи дурнишого, якъ Пархимъ Шеревертень. А й слобода не мала була! Опричъ, що по недилямъ зиходылыся бабы зъ слободы та съ блыжчихъ хуторивъ, и прыносылы на продажъ и маслычко, и сметанку, и яечокъ, и буханцивъ, и солы товченои и усякого такого товару: а то ще двичи на годъ булы и ярмяркы у тій слободи одна объ теплому Алексію, а друга объ першыхъ Параскахъ. И чого-то на тыхъ ярмаркахъ не було? Ажъ зъ самого города прыйизжавъ крамарь зъ зализными гвиздочками, кому знаете, треба чоботы пидбыты. Та бувавъ и купець зъ хорошымъ товаромъ: зъ хвыгамы та зъ родзынкамы, и зъ сынимъ каминцемъ. А вже цыганивъ, оттыхъ коноводивъ, мошеннykивъ, що обдурюють народъ, такъ и не размынешься! Обманывъ, укравъ, обминявъ лычко на реминець, та й дальшъ.

Такъ черезъ таки ярмаркы, се вже не слабода звалася, а мистечко. И скильке тамъ не було народу, що тамъ жылы, и на ярмаркы найизжалы, не було дурнишого, якъ я кажу, Пархима Шеревертня.

Эге! Дурный соби, та такы оженывся, знайшовъ соби жинку. Пожалуй, багатенькый-то бувъ; а че-

резъ таку благодать, дивчата не дуже дывлятьця, чы хорошый, чы поганый; чы розумный, чы прыдурковатый; абы у кышени повно було. Ось и тутъ такечкы. Тильке задумавъ женытьця нашъ Пархимъ, якъ разъ и выскочыла за його дивка бойка: сама й посватала себе за його, сама й весиллямъ орудовала, и якъ хотила такъ и вправылась.

Вона була попереду наймычкою у городи, по купцямъ, такъ знала усякіи порядкы и свиту повыдала. А яко-сь то навернулась у свою слободу, бачыть, що Пархимъ, зоставшысь писля батька самъ соби господарь, не зна ничого и не вміе кинцивъ ни у чому звесты, а худобыны до гаспыда! Вона и пидлизла до його зъ свойимы теревенямы... а завтра уже и рушныкы подавала, а у недиленьку и весилля видбулы!

Люде дывовалыся: „Чы не навиженна ся Настуся (такъ йийи звалы), що йде прытьмомъ за дурня, за Пархима Шеревертня?“ А вона соби й байдуже! „Нехай, каже, що хочуть, говорють, а я свое робытыму!“

Та й прынялася жъ добре! Усе попрыбирала до своихъ рукъ. Мужыкови, колы дасть добре пообидаты, то то йому и празныкъ: а не то, такъ частисинько окроме сухого хлиба черезъ цилисинькый день ничого не побачыть.

Одежа на йому абы яка, сорочка розхристана, чоботы порвани, а частишъ и зовсимъ босый. Пыка невмыта, борода неголена... и такы зразу можна було бачыть, що винъ йе.

Сама жъ? такъ ну! Выряжена неначе мищанка. Свекрушыны и плахты, и очипкы, и намыста одвичають по усякъ день! Ласо йисть, на мнякому спыть, и така выходылася, що молодыця хочъ куды! А зубата була! Вже незайидася зъ нею нихто. Тильке зачепы йийи, такъ разомъ якъ залящыть, затрищыть, загомоныть, перекореныть и батька и матиръ, и у весь ридъ, и такыхъ прыкладокъ попрыкклада, що и недодумаешся, видкиля вона усього на-

бралася? И вже йійи ни за що не переговорышъ. Якъ вода, бува, греблю прорвавшы, и бижыть, и шумыть, и реве, и клекоче: такъ и Настуся якъ зъ кымъ зчепытьця. Вже пакъ не дурно стильке прожыла у городи.

Швыдко сталы знаты йійи и пройизжающи. И купець, и панычъ, крамарь, и ремесный, и школяръ, якъ тильке йидутъ черезъ слободу, то вже неодминно и зайидуть до Настуси. И хочъ бы якъ ще зарани було, що можна бъ було верстовъ зъ десятокъ уйихаты ни, и некажы: зостанутьця ночуваты, хочъ якъ. Та умила жъ усыхъ прыводыты до себе! Купцеви заразъ чайнычокъ настановыть,— а усе мала у себе; простому народу доброго борщу зъ саломъ постановыть; паничеви молошнои каши подасть; стареньки паны не зайизжалы до неи: заразъ скаже „непрыймаю никого“. Та такъ участуе усыхъ, що довго згадують Настусю.

И мужыкови йійи, Пархиму, то не було добра, а якъ зайидуть постояльци, такъ йому зовсимъ халепа! Знай жинка посыла його по усій слободи: бижы туды, достань того, прынесы те. Набигаетьця лебедаха, утомытьця, засапаетьця, дума ничью видпочыты. Такъ куды жъ! Жинка протурыть його до постояльцевыхъ коней: „и сина падкладай, и дывысь щобъ безпрестанно йилы, и щобъ хто коней не вкравъ, калавурь и не видходь видъ ныхъ; а у хату и не думай забиратысь; не смій и носа показаты“. То Пархимъ, було, и слуха жинкы: ходыть коло постояльцевыхъ коней, и тильке чуе, якъ у хати чаркы брязчать, мыскы цокотять, и хазяйка зъ постояльцямы щебече, та не у лайку и не у споръ. Усе у йихъ иде до ладу.

А Пархимъ ходыть, та голодный дрижакы йисть по холодній зари, не маючы у вицо и одягтыся!..

Терпивъ такы багато, сердега, видъ такои жинкы!

Якъ дила нема дома, пиде було блукаты по селу. Вже й зналы уси, що винъ терпыть дома видъ жинкы! Хто було закличе, нагодуе його, хто й до

дому паляныччкы, або грудку каши дасть... И Пархимъ, де було вздрыть, що люде чого-небудь зійшлыся, то и винъ тутечка. Слуха соби готового, а вже свого не пытай. Наслухався, скильке йому треба, и пишовъ. И то зъ його.

Сыдючы разъ зъ людьмы биля волостного правленія, слухавъ винъ де чего багато; и про те дали сталы розказуваты, якъ жинкы своихъ мужыкивъ обдурюють. А що найпуще, якъ почне жинка вередуваты, забажаючы або нового очипка, або яловычыны, чы усякои ласощи; або часомъ грошей забажа. И стогне вона, и нездужа; и ни знать що говорыть, и буцимъ шо йій представляетьця, и мужыка гоныть зъ очой, и лае його на уси заставкы. И таку волю черезъ вередовання возьме, що бидному мужыкови и пидступыты до неи не можно. Ходыть, сердешный, по синямъ рукы ломыть та вбываетьця за бидною жинкою! Тутъ вже и знахурка поспила. И що то! чого не робыть, чого не діе: и пидкурюе, и шепче, и вмыва, и злызуе,—ничого не легша!

Мужыкъ ажъ до нигъ до знахуркы прыпада та просыть: „Титусю! Ослобоны жинку видъ биды! Цилый годъ матирью зватыму; що хочъ заплачу, тильке поратуй йійи!“

— Але! Вже бъ я рада йій помогты! каже знахурка:—Такъ щожъ, колы даьно, та ще й уміючы. Се, чоловиче, дала твойій жинци удова, що може и ты йійи знаешъ. .

— Та якъ же? Знаю, знаю. Ще вона и дивкою була, такъ було“...

— Та такъ же, такъ. Се вона хоче звесты твою жинку, щобъ описля самій за тебе выйты.

— А щсбъ вона не диждала! Я вже лучче возьму Хвенну, ось що за Терешкомъ Бульбахомъ, колы овдовіе, а йійи не хочу!

— Такъ бачъ, не знаю, чымъ ослобоныты твою жинку!

— Та вже чымъ хочъ, а тильке зведы йійи: я кошту не пожалію; бо якъ вмре такъ са-

мый похоронъ бильшъ буде коштуваты, чымъ лика".

— Такъ хиба ось що зробымо: купы лышень йій кавьяру солоного, та булочку; нехай вона пойисть. А якъ писля сього захочетьця йій пыты, такъ ты купы осьмуху пыва; нехай пье, скильке хоче. А дали вже, щобъ не гирко було пися пыва, такъ купы йій медянычкивъ, родзынкивъ, чорнослыву. Нехай найидаетьця добре, покы ажъ зпотіе. Та тоди вже будемо прыслухатыся, чого вона зъ немощи забажа, того швыдче йій и купышъ, щобъ лыхо прогнаты.

Сердега мужыкъ усього того накупыть; найистьця жинка, нап етьця, та и почне крычаты: Ой, проби! Очипка хочу! Очипка по вышневій земли зъ зелеными розводами!.. Проби! такого хочу, якъ и на дячыси!"..

— Та купуй, Охриме; купуй мерщій! Бачъ чого лыхоманка забажала? Поставляй йій усе, а то щобъ до вечора не вмерла.

Побигъ Охримъ, купывъ, подае жинци... Тутъ лыхоманка якъ побачыть очипокъ, та такъ зтрясе балящу, що насылу улежыть; а дали и почне стогнаты та охаты и ледве каже: „Колы бъ ще мени... теперъ... та пьять кипъ... то бъ я и устала!.."

Тутъ жинка стогне та бажа; а тутъ знахурка нападаетьця, щобъ дававъ мерщій, щобъ лыхоманка, гроши побачывшы зовсимъ видійшла видъ неи. Нчого Охримови робыты! Выйма зъ кышени гроши, личыть пьять кипъ, та усе жъ то новыми пьятакамы! Кладе биля жинкы... Жинка стогнучы бере безъ лякы... Загарбала уси и вже устала, и пишла поратысь и сюды и туды... и ще до вечора разивъ трычи зъ мужыкомъ полаялась.

От-таки-то вередлыви жинкы у бидныхъ, сердешныхъ, простыхъ людей! Добре панамъ жыты, що въ ныхъ жинкы и не сміють, и не зъуміють такъ вередуваты! У ныхъ жинкы передъ мужыкамы якъ по струночци ходють и протывъ мужыковои воли ни у чимъ ничычыркъ!

Про таке жиноче вередування слухавъ нашъ Пархимъ, та й узявъ соби на розумъ; та идучы до дому и каже самъ соби: „Не я жъ буду, щобъ я не зробывъ по-своему! Выстачай, жинко, катъ бывъ бы твою матиръ! Выстачай усе!“..

Якъ прыйшовъ додому, заразъ и почавъ стогнаты на усю хату и пробираетьця, щобъ-то злизты на пичь...

— А якого гаспыда ты тамъ стогнешъ?—пыта його Настуся, дывуючысь, що йийи дурень та осмиляетьця безъ спросу лизты на пичь.

— Але!.. гаспыда!.. Колы жъ я недужъ! И у груды коле, и въ бикъ штрыка, и у спыну шпыга, и на поперекъ не пиднемуся...

— Та що се тоби сталося?

— Але! Що?.. Не знаешъ?.. Вередую.

— Що... що таке?

— Вередую, кажу тоби. Хиба не знаешъ вередування? Се ваша жиноча натура на мене напала.

— Ось я тоби дамъ!.. Ще и винъ вередуваты! Устань, кажу тоби. Колы тебе напала жиноча натура, то я возьму мужычу натуру, та тутъ тебе такъ видвередую, що ты й гадкы не матымешъ!

— Я такы й то гадкы не маю, та лежу соби, та усе вередую соби.

— О, щобъ тоби зъ твоимы выгадкамы! И смихъ, и лыхо зъ дурнемъ! Скажы жъ мени на мылость: чого такы ты вередуешъ?

— Такъ. Вередую та й вередую. Ласощивъ хочу! Ой, хочу ласощивъ!.. и поты вередуватыму, ажъ покы купышъ ласощивъ.

— А рожна не хочешъ? А трясци та болячкы?

— Не хочу сього ничого. Мени дай ласощивъ, то я й перестану вередуваты. А не дасы, то я и вмру, справди вмру.

— Та пропадай, вража лычыно! Колы бъ вже й давно счезъ!

— Такъ не пропаду бо, покы не доведуюсь до свого! Ой, вередую! Ой, лышечко, ласощивъ хочу!..

— Та якыхъ тоби ласощивъ? Здилай мылость, не крычы, сусиды почуютъ, ще бильшъ сміятымутьця; скажутъ, що ты завсимъ одуривъ.

— Та й крычатыму, и одурію, и вмру тоби, покы ласощивъ не купышъ.

— Та якыхъ же, скажы мерщій. Запхну тоби пельку, щобъ не крычавъ.

— И родзынкивъ купы, и рогозу купы, и горохвъянычкивъ... и ковъяру... и пасльону... и усього ласого...

— Бачъ, чого навередувавъ? Се бъ то я покынула бъ усе, та пишла по ярмарку усього йому куповаты! А дзуськы не хочешъ?

— Я и дзуськы, и трясци твоеи не хочу; мени купы тыхъ ласощивъ, що я, вередуючы, хочу.

— Захотилося гыри противъ — ночи кисныччка! Отъ се такъ и побижу, якъ-генъ-купци зайизжають на двиръ. Геть, кажу тоби, зъ печи! Вбирайся зъ хаты! Не знаешъ, що пры чужихъ людяхъ тоби не можно тутъ буты.

— Знаю я, голубочко, усе! Ты думаешъ, я ничого не знаю? Ни, я усе знаю. Тымъ-то и почавъ вередуваты, що я де що знаю. Отъ бачъ, и не устану, и не пиду зъ хаты, хочъ тутъ що прыйизжи робытымуть. Не устану та й не устану. Бачъ, вередую, покы дасы ласощивъ. А тамъ ще й грошей забажаю.

— Та на вже, цуръ тоби, й грошей, тильке втикай швыдче съ хаты. — И дала йому тры шагы, знаючы, що винъ ликивъ не зна.

— Мени треба симъ кипъ! Одначе взявъ гроши, перекыдувавъ йихъ у руци, перекыдувавъ; дали устае и каже: — Ну, такъ и йе! — Ухватывъ мерщій шапку, та навтикача зъ хаты; и пишовъ, сміючысь та думаючы соби: отъ такъ ты жинку прочвы! Тямытыметь мене довго.

Пишовъ же нашъ Пархимъ по ярмарку и не журыться ни объ чимъ. Гроши йе; теперъ, дума, чого бъ тильке накупыты? Отъ и дума: „Свыты въ мене

катъ-ма! Не знаю, чы сынього сукна узяты, чы хочъ и сирого; та тильке доброго, мыльного? та выбиратыму довженну та шыроку!.. Або ось и чоботы у мене роты пороззявлялы, йисты просютъ; такъ може чоботы лучче? И правда; шкапови куплю, зъ довгымы халявамы, зъ пидковамы, а дьоготь такъ щобъ и тикъ!.. Цуръ дурня тоби, пане Пархиме" (се усе самъ соби каже) „та масла грудка на прыкуску. Чы не дурный же ты справди? На якаго гаспыда ты будешъ тратытысь? Одежу и чоботы нехай тоби жинка постачыть, а ты си гроши, що вывередувавъ есы, проласуй на чымъ хочешъ, чого душа забажа! Отъ ся ричь до дила. Такъ и зроблю. Накуплю усього, що побачу, та й найимся, щобъ ажъ зъ души перло!.. Чого бъ же то накупыты?.. Э, генъ сластьоны; подавай йихъ сюды!..

Отъ и пидійшовъ до сластьонныци... що за гарно дывлятьця на голодного Пархима!.. и такъ и шкварчять у олійцы!..

— Подавай сластьоне! — гукнувъ Пархимъ на жинку, що йихъ тутъ прягла.

— А на скильке тоби треба?—пытаетьця вона.

— Подавай уси! — ажъ крычыть вже Пархимъ, узявшысь у бокы.

— Та тутъ, дядюшка, якъ увесь товаръ возьмешъ, такъ його буде на шисть золотыхъ.

— Увесь, увесь беру! на гроши.—Та й тыче йій одынъ шагъ.

Та що се ты мени даешъ? Се на смихъ, чы що? Ты давай бильшъ, давай уси; сорокъ алтынъ.

— Якъ же я дамъ уси? Отъ се я найимся, такъ и пыты захочетьця. Такъ отъ се другый на збытень, а се ще, пиду до москаля, та родзынкивъ куплю...

— Такъ ты, бачу, такый? Геть же видъ лавкы, не мишай людямъ въ мене товаръ розбираты. Сыхъ грошей трохы, або давай уси, або геть соби!..

Пишовъ сердега дальшъ, чупрыну чухаючы, и каже соби:

— Урагова баба скупа! Та дарма! Я й стовпцивъ найимся.

— Цуръ и йому! Якый дорогый! Не вмру безъ ныхъ, знайду ще чого смашнишого!..

И пишовъ по базарю вытришкивъ йисты! И що-то: що вздрыть, те й купывъ бы. Та не дума одно, двое купыты; ни, давай усе! а грошей катъ ма! Тильке тры шагы и йе!

Ходывъ нашъ Пархимъ, ходывъ по базарю; выбиравъ, прыцинявся,—усе дорого: не по його грошамъ!.. Вже винъ и гречаныкы, и горохвъяныкы, и млынци, и буханци й перижкы торгувавъ; кыдався и на мочени кыслыци, и на кгалени горихы, и на медяныкы... Такъ урагову люде потрошку дають за його гроши. Що йому зъ одного, або зъ трьохъ; йому давай усе, багато наклады йому, такъ-такъ!

Ходывъ винъ, ходывъ, ажъ остыло!.. Бачыть, жинка продае яки-сь коринци, и усякъ, хто йде, то й купуе тыхъ коринцивъ и вже кучка невелычка зостаетьця...

— Отъ же щобъ не впустыты товару! — сказавъ Пархимъ, пидбигъ до жинкы и пыта:—А скильке тоби, молодыце, за твій товаръ?

— А покажы лышень, скильке въ тебе грошей?— Спыталася молодыця.

Пархимъ выннявъ свою сумму на долоню и брязка передъ молодыцею...

— Добре, дядюшка! берить увесь товаръ. Кете гроши сюда.

— Увесь? — пыта Пархимъ и самъ соби не вирыть.

— Та увесь, увесь. Треба вамъ було денежку здачи даты, та пороздавала. Нехай за васъ подамъ на бидность.

Зибралась молодыця и покрылась дальше, щобъ купець не роздумавъ, та не прыкынувъ бы йій товару...

А Пархимъ такъ зрадивъ, що ничого не бачыть и не чуе! Выдымо, невыдымо накупывъ ласощивъ!.. Забира у полу—не влазе; позапыхавъ у пазуху, и

вже останни насылу забгавъ, та въ жменю забравъ; а самъ усе прыговорюе:

— Не кыдай, Пархиме, ничого; не зоставляй, забирай усе; ты за си ласощи гроши платывъ. А ты, бисова жинко! Не диждешъ, щобъ я тоби и лызнуты давъ! Ни; самъ пойимъ усе.

Отъ и выбравъ соби мисце на горбыку. Знявъ свыту, розиславъ, поскладувавъ свій товаръ, позасукувавъ рукава и сидаючы каже:

— Ось теперь, Пархиме Уласовычу, поснидаешъ соби добре! Йижъ у волю; нихто тоби не помиша... Усе до останнього пойимъ; та такъ обрепаюсь, що може, черезъ сылу и додому дійду...

Та зъ сымъ словомъ, захопывъ коринецъ, та... кусь!.. жуе, сердега!.. Тутъ жуе, а тутъ у нисъ такъ и шпыга, и сльозы зъ очей такъ и бижать... Жуе, жуе и не проковтне. Дали утеръ сльозы, ставъ виддыхаты, до бухъ йому захвачуе, и каже:

— Бачъ, якъ за пресучою жинкою давно вже не ласовавъ, такъ ось ласощи и у горло не йдуть.

Та впьять стане йисты: то по тры, то по чотыри коринци вже пха въ ротъ, такъ що жъ бо? Ни жуваты, ни ковтоты неможно; не йде у горло. Се бо бувъ хринъ! Де жъ його можно йисты?

Лыхо нашому Пархимови! Вже скильке винъ не потрощывъ коринцивъ, а кучка ни трошкы не позначылась. Вже ажъ не змигъ сыдиты, прылигъ и за жывитъ беретьця...

Видпочыне, видпочыне, та впьять за хринъ; и чубъ йому мокрый, и пыку ажъ роздуло, губы порепалысь, а винъ сылкуетьця йисты...

— „Та й до биса жъ я накупывъ сыхъ ласощивъ!“ казавъ стогнучы та сльозы втыраючы Пархимъ. „Але йимъ-йимъ, и кинця не выдно.—А сльозы такъ и залываютъ!.. Ажъ очи рогомъ лизуть!.. Охъ, лышечко!.. Бачылы, чортови очи, що купувалы; йижте жъ“!

Отъ зъ такого-то Пархимового снидання пишла мижъ людьмы и поговорка! *Г. Квитка.*

19. Чоловича душа.

Возьмы нахальства кадокъ пьять;
Брехни прыбавъ пивторы бочкы,
Лукавства видеръ двадцять пьять
И искренности ажъ дви точкы.
Коварства пуда пивтора,
И чыстой совисти пивъ-кружкы
Одну лышъ капельку добра,
А зла-то влый хочъ съ тры кадушкы!
Прытворства четверть, та визъ лесты,
Любвы не бильше зерна тры,
Одна чернушка тильке честы,
А страсты!.. Мишкивъ сорокъ тры!
И жажды къ грошамъ влый безъ миры,
И постоянства дюймивъ пьять,
Впусты одну лышъ долю виры,
Щобъ смакъ души твоййй прыдать.
Усе це разомъ розмишай,
Всыпъ перцю, солы та папушу,
Налый горилкы черезъ край,
Тай сотворышъ мужыцьку душу!

Ив. Бездольный.

---

20. Остолопъ та Балда.

(Переводъ сказки А. Пушкина).

Жывъ-бувъ купець Кузьма-Остолопъ,
По прозванню Осыковый-Лобъ.
Пишовъ Кузьма по базарю
Подывытьця кой-якого товару.
Назустричь йому Балда
Иде, самъ не знаючы куда.
„Чого, дядьку, такъ рано пиднявся?
Чого ты на базари розшукався?"
Кузьма йому на отвитъ:
„Мени требуетьця роботныкъ—

Кухарь, конюхъ та плотныкъ.
Де бъ мени найты такого
Роботныка не дуже дорогого?“
Отъ и каже йому Балда:
„Буду я тоби вирно служыть
И усе, що потребуетьця, робыть
У годъ за тры хруща пальцемъ тоби по лобi;
А йисты будешъ давать мени варенои половы“.
Задумався нашъ Кузьма Остолопъ,
Та й ставъ чухать соби лобъ;
А дали й каже: „Чы такъ, то й такъ!
Иды жъ ты до мене, будешъ мiй служакъ.
Побачу, якый съ тебе роботныкъ,
Якый будешъ кухарь, конюхъ та плотныкъ!“
Жыве Балда у купецькому доми,
Спыть соби на соломи,
Йисть за чотырьохъ,
А робыть за семырьохъ.
Що-дня винъ раненько встане,
Нывку зъоре, у двори скризь нагляне;
Пичь затопыть, на базари все купыть,
Яечка спече та самъ и облупыть.
Хазяйка Балду хвале, що-дня прывитае,
Дочка йихня за Балдою скучае;
Сынокъ йихъ за нымъ бигае, що небудь клянчыть,
А Балда всього наварыть, ще й дытыну няньчыть.
Одынъ тильке Кузьма його не любе,
Ничымъ його не жалуе, не голубе.
Бо винъ за плату думае частенько,
А времня йде и срокъ уже блызенько.
Кузьма не йисть, не пье, не спыть:
Бо вже зарани лобъ його трищыть!
Отъ винъ одынъ разъ жинци прызнаетьця,
Що, такъ и такъ, що тутъ робыть остаетьця?
А жинка въ Кузьмы була росторопна
И на всяки хытрощи способна;
Отъ вона и каже: „Знаю я дило одно,
Що можно бъ изъ Балдою росквытатьця давно!
Буде воно роботныкови не пидъ сылу,

А ты одно требуй, щобъ зробывъ те дило!
Ну, звисно, винъ того дила не втнѐ,
А ты його тоди зъ двору проженешъ!“
Стало на серци у Кузьмы веселише,
Зачавъ винъ на Балду дывытьця смилывише.
Одынъ разъ винъ крыкнувъ: „А йды лышъ сюда,
Мій трудовытый роботныкъ Балда!
Слухай: мени обовьязалысь платыть чорты̀
Грошовый оброкъ до самои смерты̀;
Тильке багато мени зъ ными морокы,
Есть и заразъ недоимка ажъ за тры рокы;
Такъ ото ты заразъ до йихъ иды,
Та й стребуй зъ йихъ гроши за вси годы̀!“
Балда, не ставъ спорыть съ Кузьмою,
Пишовъ та й сивъ на берези моря.
Зачавъ винъ тамъ бычовку сукать,
Та кинець йійи у море вмочать.
Колы ось вылизъ зъ моря старый бисъ:
„А чого ты до насъ, Балда, прылизъ?
— Та оце буду бычовкою море морщыть,
Щобъ васъ, бисивъ заводъ, усихъ покорчыть!“
А бисъ и каже: „Оце, гаспидська робота!
За що жъ це таки на насъ хлопоты?“
— А якъ же? Вы не платыте купцеви оброку,
Та й не за годъ, а за тры вже рокы!
Ой, тай зроблю жъ я вамъ добру штуку!
Усихъ покорчу, буде вамъ навука!
„Постой же, Балда, брось ты морщыть море:
Мы заплатымъ тоби гроши скоро.
Я прышлю до тебе заразъ онука“.
Балда й думае: „Цього обдурыть не штука!“
Вырнуло зъ моря мале чортыня,
Та й занявкало, якъ голодне кошеня:
„Бувай здоровъ, Балда-мужычокъ!
Якый ты требуешъ зъ насъ оброкъ?
Зъ давньои поры мы въ мори прожывалы,
А за оброкъ ничого не чувалы.
Мы гроши оддамо, тильке зъ договору,
Одъ усихъ нашыхъ чортивъ прыговору:

Щобъ за ти гроши не взяло насъ горе,—
Давай бигты вмисти кругомъ моря;
Якъ ты раньше прыбижышъ на це мисто,
Такъ и получышъ гроши уси чысто".
Якъ почувъ це Балда, засміявся лукаво:
— Якый же ты дурный, йій—право!
Де тоби тягатьця зо мною,
Зо мною, изъ самымъ Балдою?
Эхъ, та й прыслалы жъ супостата!
Пидожды, я гукну свого меньшого брата.
Пишовъ Балда у блыжній лисокъ,
Піймавъ двохъ зайцивъ, та въ мишокъ.
До моря винъ упьять прыйшовъ
И чортыня тамъ на мисти найшовъ.
Отъ Балда одного зайця за уши взявъ,
А малому чортыку ось що казавъ:
— Ты, бисыку, ище молоденькый,
Зо мною ривнятьця слабенькый;
Тильке буде времени утрата:
Обжены сперва мого меньшого брата.
А ну: разъ, два, тры! Доганяй!
Кынулысь бигты заиць та бисыня;
Бисыня по берегу морському,
А зайчыкъ прямо въ лисъ додому!
Оббигъ кругомъ моря бисъ,
Заморывся, въ сылу назадъ лизъ;
Высунувъ языкъ, мордочку пиднявъ,
А питъ такъ котывся, що лапкою втыравъ.
Иде до Балды, а самъ такый радый,
Та й думае: „Теперъ я дило зладывъ!"
Колы дывытьця, ажъ Балда сыдыть
Та на рукахъ зайчыка держыть;
А самъ прыказуе: „Братику мій ридный!
Ты заморывся: оддыхны, мій бидный!"
Бисыкъ якъ почувъ,
Хвостыкъ пидогнувъ,
И зробывся смырный та тыхый,
А самъ думае: оце такъ лыхо!
Подывывся винъ на йихъ бокомъ,

Та й каже: „Пиду жъ я за оброкомъ“.
Прыйшовъ винъ до дида та и каже: „Бида!
Обигнавъ мене меньшый Балда!“
Старый бисъ ставъ думать думу,
А Балда наробывъ такого шуму,
Що усе море помутылось
И хвылямы такъ и росходылось.
Вылизъ ище бисъ. „Буде, мужычокъ,
Отдамо мы тоби увесь оброкъ,
Тильке слухай: бачышъ оцю палку?
Якъ йійи ты кынешъ ажъ у оту балку,
Тоди ты будешъ парень хорошый,
И заразъ получышъ одъ насъ уси гроши!
Ну, чого жъ ты ждешъ?“—„Жду оту хмарку,
Визьму та й закыну туды вашу палку!
Буде вамъ зъ мене сміятьця,
Начну я зъ вамы, чортамы, росправлятьця!“
Злякався бисъ, та й пирнувъ до дида,
Розказувать про Балдову побиду.
А Балда заходывсь упьять море морщыть,
Щобъ усихъ чортивъ тамъ покорчыть.
Вылизъ другый бисъ: „Чого ты морочышъ?
Визьмешъ гроши, колы самъ захочешъ“...
„Ни, пидожды,—каже Балда,—
Слухай теперъ ты сюда:
Бросьте вашу чортову понадку,
Ось я тоби самъ зроблю загадку.
Подывымось, яка у тебе сыла!
Бачышъ, онъ стоить кобыла?
До кобылы тіи ты пидойды,
Пиднимы та й несы пивъ-версты;
Якъ пронесешъ,—нехай гроши твои,
А якъ що ни,—тоди будуть мои“.
Бидненькый бисъ
Пидъ кобылу пидлизъ,
Увесь изогнувся,
Напьялся, надувся,
Пиднявъ кобылу, зробывъ одынъ шагъ,
На другому впавъ и нижкы простягъ!

А Балда й каже: „Дурный ты бисъ!
Тоже тягатьця зо мною прылизъ!
Ты не зъумивъ пронесты и рукамы,
А я понесу кобылу мижъ ногамы!“
Сивъ Балда верхомъ, кобыла й поскакала;
Пробигъ винъ версту, ажъ пылюка встала!
Злякався бисъ, та й пирнувъ до дида,
Розказувать про Балдову побиду.
Ничого робыть, сталы чорты въ кружокъ,
Та й наскыдалы грошей повенъ мишокъ.
Балда одъ чортивъ гроши забравъ,
Звалывъ на плечи та й назадъ потаскавъ;
Прынисъ гроши до дому
Та й оддавъ хозяину самому;
А той якъ побачывъ, злякався,
Та за жинку заховався;
Балда вышукавъ усю хату,
Найшовъ його, ставъ требовать плату.
Бидный Кузьма Остолопъ
Пидставывъ йому лобъ.
Тилько Балда його пальцемъ торкнувъ,
Якъ Кузьма до сволока стрыбнувъ;
А одъ другого хрущка
Одибрало въ його языка;
А за третимъ разомъ Кузьма
Потирявъ свого й ума!
А Балда хруськае та прымовляе:
„Дешеве дило погане скризь бувае!“

Александръ Пивень.

---

21. Дви дули.

Що за чудни люде есть у тому Кыеви, такъ смихъ и подумать! Роспрындытьця, розкрычытьця другый, вылае тебе, катъ його батька зна и за що, та ще и выгукуе, що воно праве, а ты бъ то выноватый. Ще бъ не дыво, якъ бы таки траплялысь по-мижъ

нашымъ братомъ, дурнымъ-дурнымъ, невченымъ, а то по мижъ панамы!

Надавъ мени чортъ повезты на продажъ груши у Кыивъ. И грушъ тыхъ було, якъ китъ наплакавъ! Десяткивъ може зъ пьять, та добри, солодки та здорови; кожна, не вамъ кажучы, була завбильшкы зъ бараням голову. Эге. Такъ прыйихавъ ото я у Кыивъ, ставъ на Житньому и тильке що почавъ продавать, колы се и бижыть до мене той, що зветьця у насъ нышпорка, — кыивляне його квартальнымъ надзырателемъ чы що величають. Пидбигъ, та и каже мени: „Послушай, мужычокъ, дай мене, пожалуста, дви хорошія дули!“—„И-и, пане! Цього добра скильке хочте!“ Та проказавшы цее згорнувъ йому дви дули, пидношу та й кажу: „Прыкажете пидъ саму пыку?“ И! Якъ затупотыть винъ, якъ заверещыть: „Подлецъ! я тебя до мырового, бо ты мене наглядно оскорбывъ!“ — Побигъ. Я тоди свою булану скорій въ оглобли та додому, та йидучы цилисиньку дорогу думавъ: за що оце винъ такъ роспрындывся? Самъ же, навить, просывъ: „Дай мени, пожалуста, дви хороши дули!“

П. Раевскій.

---

22. Пекло.

Эней зъ Сывыллою хватались,
До пекла швыдче щобъ прыйты,
И дуже пыльно прыглядались,
До пекла двери якъ найты.
Якъ-ось передъ якую-сь гору
Прыйшлы, и въ ній велыку нору
Знайшлы и вскочылы туды.
Пишлы пидъ землю темнотою;
Эней все щупався рукою,
Щобъ не ввалытыся куды.
Ся улыця вела у пекло,

Була вонюча и грязна;
У ній и въ день було, мовъ смеркло,
Одъ дыму вся була чадна;
Жыла зъ сестрою тутъ дримота,
Сестра же звалася зивота,
Поклонъ си перши оддалы
Тимаси нашому Энею
Зъ його старою попадею—
И после дали повелы.
А потимъ смерть до артыкулу
Йимъ воздала косою честь,
Напередъ стоя калавуру,
Якый у йийи мосци есть:
Чума, война, харцызство, холодъ,
Короста, трясця, парши, голодъ;
За сымы жъ тутъ стоялы въ рядъ:
Халера, шолуды, бешыха,
И вси мырянськи, знаешъ, лыха,
Що насъ безъ мылосты морять.
Ище-жъ не все тутъ окошылось,
Ище брела ватага лыхъ,
За смертію слидомъ валылась
Жинокъ, свекрухъ и мачухъ злыхъ.
Видьмычи йшлы, тести скупьягы,
Зяти и своякы мотягы,
Сердыти шурыны, браты,
Зовыци, невистки, ятровкы—
Що все грызутьця безъ умовкы—
И всяки тутъ булы каты.
Якіись злыдни ще стоялы,
Жувалы все въ зубахъ папиръ,
Въ рукахъ каламари держалы,
За уха жъ настромлялы пыръ.
Се все десятськи та соцькіи,
Началныкы, пьявкы людськіи,
И вси прокляти пысари,
Исправныкы все ваканцьови,
Судди и стряпчи безтолкови,
Повиренни, секретари

За сымы йшлы святи понуры,
Що не дывылысь и на свитъ,
Смыреннои булы натуры,
Складалы рукы на жывитъ;
Умыльно Богу все молылысь,
На тыждень днивъ по тры постылысь
И въ слухъ не лаялы людей;
На чоткахъ мыръ пересуждалы
И въ день Николы не гулялы,
Въ ночи жъ було не безъ гостей.
Насупротывъ сихъ окаянныць,
Кварталъ бувъ цилый волоцюгъ,
Моргухъ, мандрьохъ, ярыжныць, пьяныць
И бахуривъ на цилый плугъ;
Зъ обстрыжеными головамы,
Зъ пидризаными пеленамы
Стоялы хльоркы наголо.
И панночокъ фильтификетныхъ,
Лакеивъ гарныхъ и дотепныхъ
Багацько дуже щось було.
И молодыци молоденьки,
Що выйшлы замужъ за старыхъ,
Що всякый часъ булы раденьки
Потишыть парнивъ молодыхъ;
И ти тутъ молодци стоялы,
Що недотепнымъ помогалы
Для ныхъ симейку росплодыть;
А диты гуртови крычалы,
Своихъ пань-матокъ проклыналы,
Що не далы на свити жыть.
Эней хоть сыльно тутъ дывывся
Такій велыкій новыни,
Та вже одъ страху такъ трусывся,
Мовъ сыдя охляпъ на кони.
Побачывшы жъ ище издали,
Яки тамъ дыва плазовалы,
Кругомъ куды не поглядышъ
Злякавсь, къ Сывылли прыхылывся,
Хватавсь за дергу и тулывся,

Мовъ одъ кота въ комори мышъ.
Сывылла въ дальній путь таскала,
Не баскалычывсь бы та йшовъ;
И такъ швыденько поспишала,
Эней не чувъ ажъ пидошовъ,
Хватаючыся за ягою;
Якъ-ось уздрилы предъ собою
Чрезъ ричку въ пекло перевизъ:
Ся ричка Стыксомъ называлась,
Сюды ватага душъ збиралась,
Щобъ хто на той бикъ перевизъ.
И перевизчыкъ тутъ явывся,
Якъ цыганъ, смуглой церы бувъ;
Одъ сонця ввесь винъ попалывся,
И губы, якъ Арапъ, надувъ.
Очыща въ лобъ позападалы,
Сметаною позаплывалы,
А голова вся въ ковтунахъ;
Изъ рота слына все котылась.
Якъ повстка, борода скомшылась,
Всимъ задававъ собою страхъ.
Сорочка звьязана узламы,
Держалась въ сылу на плечахъ,
Попрычепляна мотузкамы,
Якъ решето, була въ диркахъ;
Замазана була на палець,
Засалена, ажъ капавъ смалець,
Озутый въ драни постолы;
Изъ диръ онучи волочылысь,
Зовсимъ, хоть выжмы, помочылысь,
Пошарпани штаны булы.
За поясъ лыко одвичало,
На йому высивъ гаманець,
Тютюнъ и люлька и кресало;
Лежалы губка й креминець.
Харономъ перевизчыкъ звався,
Собою дуже велычався,
Бо и не въ шутку бувъ божокъ;
Съ крючкомъ весельцемъ погрибався,

По Стыксови якъ стрилка мчався,
Бувъ човенъ легкый, якъ пушокъ.
На ярмарку якъ слобожане,
Або на красному торгу
До рыбы товплятьця мыряне,
Було на сьому такъ лугу.
Душа товкала душу въ бокы
И скреготалы, мовъ сорокы;
Той пхавсь, той сунувсь, ынчый лизъ;
Вси мнялыся, перебиралысь,
Крычалы, спорылы и рвалысь
И всякъ хотивъ, його щобъ визъ.
Якъ гуща въ сыривци играе,
Шыплять, якъ кваснуть бурякы,
Якъ протывъ сонця рій гуляе,
Гулы си такъ неборакы;
Харона плачучы прохалы,
До його рукы простягалы,
Щобъ взявъ съ собою на каюкъ;
Но сей того плачу байдуже,
На бросьбы уважавъ не дуже,
Злый зъ сына бувъ старый дундукъ.
И знай що все весломъ махае
И въ морду тыче хочъ кому,
Одъ каюка всихъ одганяе,
А по выбору своему
Потрошечку въ човенъ сажае,
И заразъ човенъ одпыхае,
На другый перевозыть бикъ;
Кого не визьме, якъ затнетьця,
Тому сыдиты доведетьця
Гляды—и цилый може викъ...
Сывылла бачыть, що не шутка,
Бо дуже сердытьця Харонъ;
Эней же бувъ соби плохутка;
Дала старыганю поклонъ...
Потимъ все дрибно розказала,
Кого до пекла провожала,
До кого, якъ, про що, за чымъ.

Харонъ же заразъ схаменувся,
Развивъ съ чотыри погребнувся
И съ каючкомъ прычалывъ къ нымъ.
Эней съ Сывыллою своею
Не мишкавшы въ човенъ ввійшлы;
Кальною ричкою сіею
На той бикъ въ пекло поплылы;
Вода въ росколыны лылася,
Що ажъ Сывылла пиднялася,
Эней боявсь, щобъ не втонуть;
Но панъ Харонъ такъ потрудывся,
На той бикъ такъ перехопывся,
Що нельзя окомъ измыгнуть.
Прыставшы, высадывъ на землю,
Взявъ пивъ-алтына за труды,
За працьовыту свою греблю,
И ще сказавъ иты куды.
Пройтовшы видсиль гонивъ зъ двое,
Побравшысь за рукы обое,
Побачылы, що ось лежавъ
У бурьяни бровко муругый,
Тры головы мавъ песъ сей мурый,
Винъ на Энея загарчавъ.
Загавкавъ гризно въ тры языкы,
Уже бувъ кынувсь и кусать,
Эней пиднявъ тутъ крыкъ велыкый,
Хотивъ чымъ-дужъ назадъ втикать.
Ажъ баба хлибъ бровку шпурнула
И горло глевтякомъ заткнула,
То винъ за кормомъ и погнавсь;
Эней же зъ бабою старою,
То сякъ, то такъ, по-пидъ рукою
Тыхенько одъ бровка убравсь.
Теперъ Эней убрався въ пекло,
Прыйшовъ зовсимъ на ынчый свитъ;
Тамъ все поблидло и поблекло,
Нема ни мисяця, ни звиздъ;
Тамъ тильке туманы велыки;
Тамъ чутно жалобніи крыкы,

Тамъ мука гришнымъ не мала.
Эней съ Сывыллою глядилы,
Якіи мукы тутъ терпилы,
Якая кара всимъ була.
Смола тамъ въ пекли клекотила
И грилася все въ казанахъ,
Жывыця, сирка, нефть кыпила,
Палавъ огонь—велыкый страхъ!
Въ смоли сій гришныкы сыдилы
И на огни пеклысь, горилы,
Хто якъ, за вищо заслужывъ.
Перомъ не можна напысаты,
Не можна и въ казкахъ сказаты,
Якыхъ було багацько дывъ!
Панивъ за те тамъ мордували,
И жарылы зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы,
И ставылы йихъ за скотивъ.
За те воны дрова возылы,
Въ болотахъ очеретъ косылы,
Носылы въ пекло на пидпалъ.
Чорты за ными прыглядалы,
Зализнымъ пруттямъ пидганялы,
Колы якый зъ йихъ прыстававъ.
Огненнымъ пруттямъ оддыралы
Кругомъ на спыну и жывитъ,
Себе що самы убывалы,
Якымъ остывъ нашъ билый свитъ.
Гарячымъ дьогтемъ залывалы,
Ножамы пидъ бокы штрыкалы,
Щобъ не хапалысь умырать,
Робылы разныи йимъ мукы,
Товклы у мужчыряхъ йихъ рукы,
Не важылысь щобъ убывать.
Багатымъ, та скупымъ влывалы
Ростоплене срибло у ротъ,
А брехунивъ тамъ заставлялы
Лызать гарячыхъ сковородъ...
Всимъ старшынамъ тутъ безъ розбору,

Панамъ пидпанкамъ и слугамъ,
Давалы въ пекли добру хльору,
Всимъ по заслузи, якъ котамъ.
Тутъ всякіи булы цехмыстры,
И ратманы, и бургомыстры,
Судди, пидсудкы, писари;
Яки по правди не судылы
Та тильке грошыкы лупылы
И одбыралы хабари.
И вси розумни фылозопы,
Що въ свити вчылысь мудровать;
Ченци, попы и крутопопы,
Мырянъ щобъ зналы научать;
Щобъ не ганялысь за грывнямы,
Щобъ не возылысь съ попадямы,
Та зналы церкву, щобъ одну;
Ксьондзы до бабъ щобъ не иржалы,
А мудри звиздъ, що не знималы—
Булы въ огни на самимъ дну.
Жинокъ своихъ що не держалы
Въ рукахъ, а волю йимъ далы,
По весилляхъ йихъ одпуськалы,
Щобъ часто въ прыданкахъ булы,
И до пивночи тамъ гулялы,
И въ гречку де-колы скакалы,
Таки сыдилы вси въ шапкахъ
И съ превелыкымы рогамы,
Зъ зажмуренымы вси очамы,
Въ кыплячыхъ сиркой казанахъ.
Батькы, яки сынивъ не вчылы,
А гладылы по головахъ,
И тильке знай, що йихъ хвалылы,
Кыпилы въ нефти въ казанахъ;
Що черезъ йихъ сынкы въ ледащо,
Пустылыся, пишлы, въ нинащо,
А посли чубылы батькивъ,
И всею сылою бажалы
Батькы щобъ швыдче умералы,
Щобъ йимъ прынятысь до замкивъ.

И ти булы тамъ лыгомынци,
Пиддурювалы що дивокъ.
Що въ викна дралысь по драбынци,
Пидъ темный тыхый вечерокъ;
Що будуть сватать йихъ, брехалы,
Пидманювалы, улещалы,
Покы добралысь до кинця...
Булы тамъ купчыкы проворни,
Що йиздылы по ярмаркамъ,
И на аршынецъ на пидборный
Поганый продавалы крамъ.
Тутъ всякіи булы пронозы,
Перекупкы и шмаровозы,
Жыды, минялы, шынкари,
И ти, що фыгы-мыгы возять,
Що въ баклагахъ гарячый носять,
Тамъ вси пеклыся крамари.
Палыводы и волоцюгы,
Вси зводныкы и вси плуты;
Ярыжныкы и вси пьянюгы,
Обманщыкы и вси моты,
Вси ворожбыты, чародіи,
Вси гайдамакы, вси злодіи,
Шевци, кравци и ковали;
Цехы: ризныцькый, коневальськый,
Кушнирськый, ткацькый, шаповальськый;
Кыпилы въ пекли вси въ смоли.
Тамъ вси невирни и хрестьяне,
Булы паны и мужыкы,
Була тутъ шляхта и мищане,
И молоди, и старыкы;
Булы багати и убоги,
Прями булы и крывоноги,
Булы выдющи и слипи;
Булы тутъ штатськи и военни,
Булы и панськи и казенни,
Булы мыряне и попы...
Эней якъ видсиль видступывся
И дали трохы одійшовъ,

То на другее нахопывся,—
Жиночу муку тутъ знайшовъ.
Въ другимъ зовсимъ сыхъ каравани
Пиджарювалы, якъ у бани,
Що ажъ крычалы на чимъ-свитъ;
Оци-то галасъ исправлялы,
Гарчалы, вылы и пыщалы,
Писля кути мовъ на жывитъ.
Дивкы, бабы и молодыци
Клялы себе и ввесь свій ридъ,
Клялы вси жарты вечерныци,
Клялы и жысть, и билый свитъ;
За те йимъ такъ тамъ задавалы,
Що черезъ миру мудровалы
И верховодылы надъ всымъ;
Хочъ чоловикъ и не онее,
Та колы-жъ жинци, бачышъ, тее,
Такъ треба угодыты йій.
Булы тамъ чесни пустомолкы,
Що зналы ввесь святый законъ,
Молылыся безъ остановкы
И былы сотъ по пьять поклонъ;
Якъ въ церкви мижъ людьмы стоялы
Такъ головамы все хыталы;
Якъ же булы на самоти,
То молытовныкы ховалы,
Казылысь, бигалы, скакалы
И гирше де що въ темноти.
Булы и тіи тамъ панянкы,
Що наряжалысь на показъ;
Мандрьохы, хльоркы и диптянкы,
Що продають себе на часъ.
Си въ сирци та въ смоли кыпилы
За те, що жырно дуже йилы;
И що йихъ не страшывъ и пистъ;
Що все прыкушувалы губы,
И скалылы биленьки зубы
И дуже волочылы хвистъ.
Пеклысь тутъ гарни молодыци,

Ажъ жаль було на йихъ глядить:
Чорняви, повни, круглолыци—
И си тутъ мусылы кыпить;
Що замужъ за старыхъ ходылы
И мышакомъ йихъ поморылы,
Щобъ посли гарно погулять,
И съ парубкамы поводытысь,
На свити весело нажытысь
И не голоднымъ померать.
Якіись мучылысь тамъ птахы
Съ куделямы на головахъ;
Се честніи, не потипахы,
Булы тендитни пры людяхъ;
А безъ людей? — не можна знаты,
Себе чымъ малы забавляты,
Про те лышъ зналы до дверей.
Йдмъ тяжко въ пекли докорялы,
Смолы на щокы налиплялы,
Щобъ не дурылы такъ людей.
Бо щокы терлы маніею,
А блейвасомъ и нисъ, и лобъ,
Щобъ краскою, хочъ не своею,
Прычаровать къ соби кого-бъ;
Изъ рипы пидставлялы зубы,
Ялозылы все смальцемъ губы,
Щобъ пидвесты на грихъ людей;
Пындючылы якіи—сь бочкы,
Мостылы въ пазуси платочкы,
Въ которыхъ не було грудей.
За сымы по ряду шкварчалы
Въ роспаленыхъ сковородахъ
Стари бабы, що все ворчалы,
Базикалы о всихъ дилахъ;
Все тильке старыну хвалылы,
А молодыхъ товклы та былы,
Не думалы-жъ, яки булы,
Ище якъ сами дивувалы
Та зъ хлопцямы якъ гарцювалы,
Та й по дытынци прывелы.

Видьомъ же тутъ колесувалы
И всихъ шептухъ и ворожокъ;
Тамъ жылы зъ йихъ чорты моталы
И безъ ветушкы на клубокъ;
На прыпичкахъ щобъ не оралы,
У комины щобъ не литалы,
Не йиздылы бъ на упыряхъ:
И щобъ дощу не продавалы,
Въ ночи людей щобъ не лякалы,
Не ворожылы бъ на бобахъ.
А зводныцямъ таке робылы,
Що цуръ йому уже й казать,
На грихъ дивокъ що пидводылы
И сымъ учылысь промышлять;
Жинокъ одъ чоловикивъ кралы
И волоцюгамъ помогалы
Рогамы людськый лобъ квичать;
Щобъ не своимъ не торгувалы,
Того бъ на одкупъ не давалы,
Що треба про запасъ держать.
Эней тамъ бачывъ щось не мало
Кыпьящыхъ мученыць въ смоли;
Якъ съ кабанивъ, топылось сало,
Такъ шкварылыся си въ огни;
Булы и свитськи и черныци,
Булы дивкы и молодыци,
Булы и пани й панночкы;
Булы въ свыткахъ, булы въ охвотахъ,
Булы въ дульетахъ и въ капотахъ,
Булы вси гришни жиночкы!..

Ив. Котляревскій.

---

23. Цикавый и Мовчунъ.

Цикавый Мовчуна зустрившы разъ, спытавъ:
„Видъ чого голосный такъ дзвинъ той на дзвиныци?“
—„Видъ того, що (колы не втнешь сіи дурныци)
„Въ середыни, якъ ты, порожній винъ“,—сказавъ.

П. А.—Гулакъ.

---

24. Соловей.

„Хто не вгадае? я?
Отце плетуть дурныцю!
Щобъ не пизнавъ я Соловья,
Щобъ не пизнавъ сю гарну птыцю?
Якъ тильке окомъ наведу,
То и вгадаю, де спивака!“—
Такъ дядькови казавъ небижъ, Грыцько Пидсака.
„Ходимо, я тебе до лису поведу‘
Усякои тамъ птыци е багато.
Та буде соромъ, пане-брате,
Колы—бъ ты Соловья изразу не пизнавъ“.
Грыцькови дядько одвичавъ.
И ось воны дойшлы до гаю;
По гаеви усякый птахъ литае,
Щебече хто, хто свыще, хто гуде,
Ажъ округы луна иде.

Небижъ.

Ось—озь де Соловей! Якый червоногрудый!
А дметьця якъ, мабуть велыкый панъ!
Уже-то не спроста въ його такый жупанъ.

Дядько.

Та годи, годи. Грыцьку, буде
Ту погань Снигыря хвалыть!
Ся птыця не спива, а такъ усе щебече,
Вона въ гурти якъ-небудь засвыстыть;
А бильше, голову похнюпывшы мижъ плечи,
Насупывшысь сыдыть.

Небижъ.

Такъ цытьте лышень, ось я заразъ угадаю:
Я сучый сынъ, колы отце не винъ!
Увесь мовъ золотый, а крыльця чорни мае.

Дядько.

Та будешъ, Грыцьку, сучый сынъ:
Се просто иволга зоветьця;
Вона изъ саду въ садъ лита,
То вышни гарно объйида,
То оббыва горахъ, а въ спивы не вдаеться.

Небижъ.

Такъ ось колы побачывъ спивака!
Яка мальована та штучна птыця!
Вертыться, джеркотыть по дереву скака—
Отсе то Соловей.

Дядько.

Се нависна Сыныця!

И довго такъ небижъ дурненькый
Мижъ птыцямы знаходывъ Соловья;
А Соловей соби сиренькый
Надъ нымъ спивавъ, сховавшысь мижъ гилля.

Е. Гребинка.

---

25. Пьяныця.

Колысь у насъ
Портный Уласъ
Бувъ добрымъ чоловикомъ.
Одежу шывъ,
Що—дня робывъ —
Отакъ хочъ, бы й до-вику!
Неслы йому
Роботы тьму
И въ будень, и въ недилю;
И всякъ просывъ,
Щобъ швыдче шывъ,
И щобъ зробывъ додила.
За трудъ його
Неслы всього:
Мукы, пшона и грошей;
Бо справди въ насъ
Портный Уласъ
Бувъ добрый та хорошый!
Усякъ годывъ,

Щобъ лучше шывъ,
А щобъ добуты ласку,
За трудъ його,
Окримъ всього,
Неслы й горилкы пляшку:
Було жыття,
Було й пыття,
Якъ панови якому!
За що жъ то такъ
Годывъ усякъ
Уласови портному?
За те годывъ,
Що винъ робывъ,
Що день-у-день трудывся;
Святымъ трудомъ,
Своимъ горбомъ
И жывъ винъ, и кор-
мывся!
Що чесный трудъ
На ввесь нашъ людъ,
На всихъ бувъ пользовы-
тый;
Одно винъ знавъ:
Людей вдягавъ,
Та бувъ и самъ одитый!
Не довго такъ
Жылося всмакъ
Уласови портному:
Покы трудывсь,
Покы й кормывсь, —
Не кланявся никому!
Теперъ не те,
Мынулось все, —
Прыйшла пора другая:
И ремесло
Уласъ давно
Покынувъ,—знай, гуляе!
Якъ день наставъ,
Уласъ уставъ,
За пляшечку беретьця;
Плохи дила,
Якъ разивъ зъ—два
За день винъ не напьет-
ся!
Якъ кончывсь день,
Уласъ—якъ пень,
Або якъ та колода,
Де впавъ,—тамъ лигъ,
Лежыть безъ нигъ,
Хропе середъ города.
И такъ що—дня,
Не жысть—бредня,
И пьянство невсыпуще!
Нащо такъ пыть,
Нащо губыть
И жысть свою и душу?
Бувъ чоловикъ,
Теперъ на-викъ
Загынувъ самъ собою!
Не жысть, а тьма,
Колы нема
Ни щастя, ни покою!
Проснысь, Уласъ!
Наплюй хочъ разъ
На чортову горилку!
Бо пьяный ты
Будешъ хропты
Отакъ до суду й вику!

Александръ Пивень.

26. У колокола.

(Въ Кіевѣ, на Подолѣ, группа крестьянъ окружила выставленный для продажи колоколъ, осматриваетъ его и дѣлаетъ свои замѣчанія. Подходитъ прилично одѣтый господинъ, останавливается и слушаетъ).

Крестьянинъ 1-й.

Отъ дзвинъ, такъ дзвинъ! Якъ бы його повисыть на нашій дзвиныци у Козолупахъ, та добре бевкнуть, мабуть бы и куры зъ сидала попадалы!

Крестьянинъ 2-й.

Отъ-такъ пакъ! Уже жъ не те, що теперечкы у насъ: дзвинъ не дзвинъ, а яка-сь розбыта макитра повишена! Стара баба кашляне дужче, чымъ винъ бевкне...

Слушавшій господинъ.

Эхъ вы, несчастная деревенщина! Нашли невидаль! Да развѣ это колоколъ? — Это просто колокольчикъ, если сравнить его съ московскимъ царь-колоколомъ!

Крестьянинъ 1-й.

А той хиба буде ще бильшый?

Слушавшій господинъ.

Подъ нимъ помѣстится все ваше село вмѣстѣ съ вами, клунями, амбарами, сараями, скотомъ, и еще, пожалуй, просторно будетъ; вотъ каковъ тотъ колоколъ!

Крестьянинъ 2-й (лукаво).

Эхумм... Чы бачыте, братця, онъ на Братському монастыри, на самому хрести, муха лазыть!

Крестьянинъ 1-й.

Це московськый дзвинъ нагадавъ мени про Полтаву. Бачте, добри люде, у нашій Полтави стояла колысь на валу найпрывелыка гармата, така, що въ джерло цилу хату можна було вперты. И не стрилялы зъ неи годивъ мабуть изъ сто, або й того бильше. Тильке якось надалы въ Полтаву нового городнычого. Прыйихавъ винъ, подывывсь на ту гармату, тай каже до десятчыкивъ: „Зарядить йійи та выпалить, — почуемо, якый буде велыкый бахъ зъ неи". Пидбиглы москали, полапалы, поцмокалы,— заржавила гармата; ничого, заразъ добулы сала, вымазалы йійи у середыни добре, зарядылы, та заметушывшысь и не прымитылы, що голодна собака, бижучы мымо, почула сало, та въ гармату... зализла и вылызуе тамечкы. Пиднеслы до гарматы вогню, та якъ бебехнуть! якъ полетыть та собака въ гору, та бреше-бреше, тошнисинько такъ, якъ оцей панъ про московськый дзвинъ!

П. Р—скій.

---

27. Два кума.

— „Здоровъ, Васылю, пане—брате!"
— „Здоровъ, кумасю мій, Киндрате!"
— „Чы ты ще тамъ здоровъ та жывъ?"
— „Охъ, братику!"—Васыль завывъ—
Мого ты лышенька не знаешъ,
Що такъ пытаешъ!
Богъ покаравъ мене: я погоривъ;
Уся худибонька пропала,
Неначе языкомъ корова излызала"...
— „Отсе бакъ лыхо! глянь... колы жъ вои якъ?"
„А такъ!
Недиль вже, мабуть, зъ висимъ буде—
Святкамы до мене зибрались добри люде...

На беседи вже, звисно, попылысь...
Отъ, якъ уси вже розійшлысь,
Пишовъ я зъ каганцемъ до коней у повитку.
Бодай—бы й не ходыть!
Я, бачця, каганець усе ховавъ пидъ свытку,
Та яко—сь тее... зыркъ —горыть!
И, батечку! якъ обхопыло —
Усе до цурочкы згорило;
Самъ трохы—трохы не пропавъ...
Та се й тужу вже восьмую недилю...
Бодай бы я бувъ не диждавъ!..
Ты—жъ, куме, якъ?"—„Охъ, не пытай, Васылю!
И я чымъ—сь Бога прогнивывъ...
Колысь я, братику, правесенько ходывъ,—
Теперечкы, дывысь, до чого вже дожывся!
Зовсимъ каликою зробывся!..
До мене на святкахъ найихало гостей:
Дядькы, браты та де—хто изъ людей...
Якъ мылымъ гостямъ не радиты?..
Уся кумпанія гарненько пидпыла...
Полизъ у погрибъ я дуливкы, ще вточыты
(Дуливочка-первакъ—така смашна була!)...
Щобъ—иноди зъ вогнемъ биды не наробыты,
Полизъ я поночи, хоча й пьяненькый бувъ...
Що жъ, пане-брате! бисъ мене якъ пхнувъ—
Я й покотывсь... ще якъ не вбывсь—не знаю.
Теперечкы хочъ плачъ—не плачъ,
Отакъ, якъ бачъ,
На деревьянци шкандыбаю".
„Дурни!—Озвавсь до йихъ Трохымъ:—
Жалкуйте на себе, бо що за дыво въ тимъ,
Що въ Васыля все погорило,
А въ тебе ногу изломыло!
Погано пьяному и поночи й зъ вогнемъ".
— „Такъ що—жъ його робыты?
Не все—жъ ходыть и зъ лыхтаремъ!.."
— „О, быты—бъ васъ обохъ та быты!
Горилочкы не треба вельмы пыты".

А. Глибовъ.

---

28. Цыганъ.

Бувъ соби колысь якый—сь то цыганъ; та такый же то прегиркый пьяныця, що й не прыведы Господы! Чы йе въ його яка копійчына, — такъ и несе йийи у шынокъ; чы яка жупанына — винъ и йийи туды жъ пре!

А жинка зъ дитьмы, голи й боси, пропадають безъ хлиба. Танцюють — танцюють халяндры, такъ що—жъ бо? Народъ не дуже заглядуетьця на йихъ танци, бо вже воны никому не въ дывовыжу.

А батько, я жъ кажу, волочытьця по шынкахъ, та пье, та гайнуе, та бьетьця навкулачкы зъ кымъ попало. Побьють йому всю пыку, попидставляють, окуляры, порозрываютъ на йому одежу, спакостять ни на що чоловика! Отъ тоди вже винъ и тягне до господы та й лежыть пидъ шатромъ, якъ той кабанъ у берлози, покы йому одлыгне тамъ трохы на серци.

Такый-то вдавсь соби навиженный цыганъ!

Оттакъ разъ пизно ишовъ винъ зъ шынку додому. Чы йшовъ винъ, чы рачкы лизъ, сього вамъ не скажу, бо вже давно смерклось; чуты тильке було, що дуже кректавъ и спотыкавсь; дали впавъ, здыхнувъ разивъ зо—два, та й захрипъ на все поле.

На той часъ довелось йихаты тымъ шляхомъ якомусь панови. Ажъ ось кони—хвыть на бикъ! Трохы воза йому не перекынулы.

— „Стій! Що тамъ таке?“

Роздывылысь, ажъ пьяный цыганъ.

— Узять його зъ собою!—Каже панъ своему поганяйлови.

Узять, такъ и взять, — съ панськымъ, кажуть, свого языка не ривняй: колы довгый, то прыкоротчають, колы короткый—вытягнуть.

Машталиръ злизъ зъ воза, розштовхавъ пидъ бокы цыгана, та й пидвивъ до воза.

— Куды оце ты мене цупышъ? — Пытаетьця у його цыганъ.

— Лизь, кажуть тоби, на визъ!

— На визъ? Ну, се ще не велыка бида! — Каже цыганъ. Сивъ соби любенько коло пана, та й захрипъ зновъ на все поле.

Прокынувшысь на другый день, цыганъ якъ глянувъ, такъ и зомливъ!..

— Де оце я?.. Куды це я забравсь?.. Чы не въ шынку? Такъ ни жъ бо: у шынку викна не таки та й стольцивъ немае!.. Ну, не дай Боже, та хто застане мене у сихъ будынкахъ! Адже—жъ на мени й волосся не зоставлють, скажуть, — що я прыйшовъ красты¡ Отъ же колы прыйшло на мою голову лыхо!

Тильке що се сказавъ, ажъ ось двери—рыпъ! И увійшовъ якый—сь сынекаптанныкъ.

— Добродію! — Каже до його цыганъ: — колы я зайшовъ сюды красты, або чого другого,—то отъ чорна земля, щобъ я ище почорнійшавъ! Щобъ мени и рукы й ногы повсыхалы! Щобъ я заразъ сказывся! Щобъ я свиту Божого не побачывъ! — колы я знаю, де и що, и куды оце я зайшовъ...

— Що се вы, пане?—Каже дободій.—Чого се вы такъ божытесь?

— Якый я панъ? Я не панъ, а цыганъ!

— Господь зъ вамы, пане! Що оце вамъ прыснылось? Чы вы жъ такы на цыгана походылы?

— Що за мара така?—Думае цыганъ.— Чоловиче добрый! Каже:—годи тоби глузуваты! Выведы тильке мене изъ сихъ хатъ, такъ я твого й панства не хочу; та знайды мени мій брыль та свытку.

— Та що бо оце вы мени кажете, пане? Якъ бы я посмивъ надъ вамы глузуваты? Нате лышень одягайтесь, та ось прынесу вамъ чаю“.

— Що за дыво?—думае, цыганъ.— Справди винъ до мене такъ говорыть, якъ до пана. Надину вже, такъ и буть сей жупанъ: що буде, то буде!

Ажъ ось несуть йому чаю, — винъ пье; дають люльку,—винъ и люльку тягне; дають поросятыны,— йисть винъ и поросятыну. А потимъ зновъ чаю, а потимъ зновъ ковбасъ та поросятыны, такъ що ажъ жывитъ йому обдуло!

На другый день, ще винъ не просыпавсь, а тутъ йому уже й несуть чаю, горилкы, вареныкивъ, ковбасъ, сала, такъ що йому уже и въ пельку не потовпылось!

Отъ цыганъ бачыть, що вси йому кланяютьця у поясъ, та знай величають паномъ, — переставъ боятысь и давай орудуваты по своему: „Горилкы! Музыку!“ Гукнувъ винъ на прыслужныкивъ.

Заразъ вродылась и горилка и музыка.

Цыганъ дмухнувъ разомъ зъ пивкварты, покректавъ, закусывъ, та такъ повеселишавъ, що ажъ пидскочывъ.

— А нуте—горлыци!

Музыкы загулы, а цыганъ такъ и пишовъ кружка по мальованому помосту!

— А що—жъ вы не танцюете, вражи диты? — Гукнувъ винъ на людей. — Танцюйте! Пыйте! Йижте!—Я не жалую ничого!

Отъ и народъ давай выступаты по одному та по двое,—и пиднялы такый галасъ, якъ на весилли!

А цыганъ же то выскакуе, то выспивуе навпереймы; крычыть, гогоче, частуе народъ и самъ пье,—такъ що и перестання йому нема. Знай тильке погукуе:

„Гей, грай, колы граешъ,
Колы чорни бровы маешъ!..“

Вже й вечиръ, а цыганъ гвалтуе, а цыганъ коить лыху годыну! Та вже якъ зовсимъ осмеркло, винъ змигся, та и впавъ, якъ снипъ, пьяный на помистъ. Отъ тоди панъ звеливъ зновъ одвезты його, та й положыты на дорози.

Такъ и зробылы.

5*

Хропе цыганъ, неборакъ, на все поле, — ажъ воронння жахаютьця на березахъ! Вже й свитъ, а винъ спыть; вже люде й жать идуть,—а винъ почывае, якъ писля макивкы!

Отъ сталы його будыты:

— Вакуло! Уставай! Уставай!

— Пійдить вы соби къ дыяволу! — Загукавъ до йихъ Вакула.—Чаю, бисови диты!

— Тю! Навысноголовый! Тю! Га! Дурный!

И пишлы реготатысь та тюкаты на бидного Вакулу. Цыганъ пидвився и бачыть, що се вже щось не повчорашньому.

— А де музыкы?—Спытавъ винъ.

— Якы музыкы?

— Тю, навиженный! Що се тоби прыснылось?

Оторопивъ мій цыганъ, розставывъ ногы и вырячывъ на народъ очи. — „Може й справди се мени прыснылось?“ Думае винъ. Та й не ставъ никому розсказуваты, щобъ ще бильше зъ його не глузовалы та не прыложылы йому якого ымення.

П. Кулишъ.

29. Казка—не казка, а брехня не така.

Передмова.

Розказавъ—бы я вамъ казку,
Такъ не знаю якъ почать;
Розказавъ—бы хочъ брехеньку,—
Зроду я не вмивъ брехать!
Стану я казать вамъ правду,
Може скажете: брехня!
Колы въ правди нема ладу,
Буде гирше, чымъ брыдня!
Колы такъ, нехай вамъ грець!
Буду йихать навпростець!
Навпростець, та навмання:
Выйде правда,—хочъ брехня.

За горамы, за доламы,
За шырокымы морямы,
Противъ неба, на земли,
Де мы зроду не булы,
У якому—сь було царстви,
Та не въ нашимъ государстви,
Чы въ станыци, чы въ сели
Дидъ изъ бабою жылы...
Ой! Постойте!. Це я збывся!..
Не туды, якъ выдно, вшывся!
Хотивъ правду вамъ казать,
А ставъ казочку брехать...
Ну, такъ слухайте, прошу,
Заразъ правду розкажу я:
Скажу правду, хочъ былыцю,
За царя, та за царыцю,
Прошу слухать, та мовчать,
Та розказу не мишать...

Оце вамъ не казка—былыця:
Жылы соби царь та царыця,
Сыдилы въ дворци, у свитлыци
Та пылы горилку зъ барыльця;
Барыльце стоить та булькоче...
Нихто, мабудь, слухать не хоче?.
Лучше—жъ розкажу небылыцю:
Жывъ десь журавель та сыныця;
Сталы воны сино косыты,
Та на харчи въ ясла носыты;

Накосылы синця
Повни ясельця...
Упьять съ кинця
Начынаетьця,

Упьять такы та—жъ небылыця:
Жывъ десь журавель та сыныця,
Сталы воны сино косыты,
Та на харчи въ ясла носыты;
Накосылы синця
Повни ясельця...

Упьять съ кинця
Начынаетьця,
Упьять такы та жъ небылыця:
Жывъ десь журавель да сыныця,
Сталы воны сино косыты,
Та на харчи въ ясла носыты;
Накосылы синця
Повни ясельця...
Упьять съ кинця
Начынаетьця...
— Постой! Годи! Не брешы!
Лучше правду роскажы!..
— Оце лыхо, а не люде!
Мабуть дила въ насъ не буде!..
Це не гарне, те—не такъ,
Ну, такъ бросю—жъ я брехать...
Заразъ правдоньку почну
Про ту давню старыну,
Що колысь, давнымъ-давно
За дидивъ нашыхъ було:
Якъ жылы та пожывалы,
Та мижъ людьмы пробувалы...

. . . .

Було въ нашій сторони,
Чы въ станыци, чы въ сели:
Жывъ соби козакъ Бурлыма,
Та була въ його ряба кобыла
Та пишовъ винъ до Уласкы
Позычать соби каляскы:
—„Эй, чуешъ, куме Уласко!
Дай мени своеи каляскы“.
— Нащо тоби каляска?
—„Та повезу святыть паску“.
Запригъ Бурлыма рябу кобылу,
Та й пойихавъ по-узъ могылу,
Не дойихавъ ще й до мосту,
Якъ не стало у кобылы косту;
Каляска рострусылась,
Паска роскрышылась;

Пропало дило и робата!
Отаки зъ паскою хлопоты!
Зачавъ Бурлыма ту паску збирать,
Та заходывсь родычивъ спомынать.
Згадавъ винъ бабу Наталку,
Що былась тры—дни задомъ объ лавку,
Писля того титку Горпыну,
Що разъ його бухнула въ спыну,
Спомьянувъ тещу та сваху,
Що надилылы жинку-невдаху;
Згадавъ и ти чотыри,
Що на прыпичку горохъ молотылы,
Не забувъ и тихъ пьять,
Що пидъ прыпичкомъ у соломи сплять.
Прыйихавъ кой-якъ до тещи у гости,
Покы зростутьця у кобылы кости.
А теща зятя прыгостыла:
Дубовымъ прачемъ угостыла.
—„Оце тоби, затю, за дочку плата,
Посередъ спыны сыняя лата!
Що узявъ дытыну изъ дому,
Та наробывъ мени въ людяхъ сорому:
Скризь мене ходышъ та лаешъ,
Та все мене зломъ помынаешъ!
А ты—бъ лучше на себе подывывся,
Якый ты дурный уродывся!“
—„Ой, спасыби, тещенько!
— Ой, спасыби, матинко!
Покы жывъ буду,
Такъ не забуду,
А якъ де побачу,
Такъ ще й ласкою оддячу!“
Якъ зачавъ—же зять
Та одъ тещи тикать;
Захватывъ въ охапку
Батижокъ та шапку,
Выскочывъ одъ тещи зъ хаты,
Давай додому поспишаты!
Та не попавъ, куды люде ходять,

А попавъ, куды гусы лазять.
Якъ прыбигъ додому,
Наробывъ содому,
Наче зъ цепу зирвався,—
Такъ розлютувався!
А дали обдумавсь,
Що то усе значыть,
Та й соби надумавсь,
Якъ тещи оддячыть.
Писля того заразъ
Швыденько зибрався,
Для доброи тещи
Зъ обидомъ прыбрався.
Задумавъ изъ нею
Добре помыриться,
Поклыкать у гости
Та повеселытьця.
Якъ наловывъ мухъ,
Та напикъ пампухъ,
Якъ наловывъ комашокъ,
Та наварывъ галушокъ;
Якъ назбиравъ гнылыць,
Та напикъ паляныць.
А солому сиче,
Та пырогы пече;
А сино смажыть,
Та пырогы маже;
И гавьядыну варыть,
И дубыну парыть,
И батигъ суче,
Та все склада до кучи,
Щобъ угостыть неньку,
Та оддячыть гарненько!
Щобъ тямыла знала,
Зятя спомынала
Та до вику не забувала!
Якъ пишовъ же зять
Та тещу въ гости звать.
—„Ой, матинко, голубочко,

Прыйдить до мене въ гости,
На часъ, на годыночку,
У святу недилечку".
—„Ой, рада бъ я, затю,
До тебе пидты въ гости,
Такъ ни въ чимъ пидты,
Ничымъ пойихать:
Батько на сходци,
Кабыла въ толоци,
Дуга у лиси,
А хамутъ у стриси;
Спидныця въ кравця,
Чоботы въ шевця,
Сорочка у прачкы
А чепчыкъ у швачкы!"
А зять одно просыть,
Коло тещи голосыть,
Ажъ до нигъ прыпадае,
Та все тещу благае:
—„Ой, голубочко, ненько,
Наша матинка ридненька!
Де знайте, тамъ добудьте,
А до насъ у гости прыбудьте!"
Якъ зачала—жъ теща вдягатьця,
До зятя въ гости црыбыратьця!
Вырвала лопушыну,
Та зрбаыла хвартушыну,
Нарвала лободы
Та натыкала сюды й туды,
Хмелемъ пидперезалась,
Та такъ гарно прыбралась,
Що куды не крутнетьця,
Та все й усьмихнетьця,
Якъ усього добула,
Такъ до зятя въ гости пишла.
А зять тещу выглядае,
Та за воритьмы зустричае;
Веде йийи у хату,
Та сажае у кимнату.

—„Спасыби жъ вамъ, тещенько,
Спасыби вамъ, матинко,
Що прыйшлы насъ провидать,—
Давайте жъ зъ нами обидать!“
Якъ зачавъ же зять
Та тещу угощать!
Посадывъ за стилъ
До стины очыма,
До дверей плечыма,
Та й заставывъ тещу,
Щобъ мухъ личыла.
Наличыла теща
Тысячу й двисти,
Теперъ уже треба
Дать йійи йисты!
Дававъ зять тещи
Первую потравку:
Узявъ за ногы тещу,
Та мордою объ лавку!
Сорока „кре-че-че“,
А зять тещу сиче,
Тонесенькымъ дубцемъ,—
Оглоблею—кинцемъ!
—„Оце тоби, тещенько,
Пыва кирець,
Оце тоби, матинко,
Оглобли кинець.
Теперь уже, тещенько,
Хоть сядь та й плачъ,
Бо це тоби спомынкы
За дубовый прачъ!“
Пишовъ зять на часокъ
Въ дубовый лисокъ,
Щобъ нарвать зилля
Тещи для похмилля;
Та тильке жъ теща
Зятя не диждала
Та въ викно изъ хаты
Рака показала!

Прыбигла додому,
Насылу прылизла,
Та заразъ на пичь
Парытьця полизла.
—„Тикай, диду, зъ печи,
Я попарю спыну й плечи“.
А дидъ злазыть не хоче
Та все на бабу буркоче:
—„Добре тоби у зятя
Та медъ-пыво пыть,
А мени ніяково
На пичи сыдить“.
—„Ой, цуръ йому, диду,
До зятя ходыть,
Въ дочкы гостювать,
Та медъ-пыво пыть;
Бо зятнивъ медокъ
Дуже солодокъ,
А зятнее пыво
У ногы вступыло!“
Була въ бабы сучка,
А звалы—Кутючка;
Якъ сучка брехне,
А баба й затихне:
— Ой, матинко, лышечко,
Чы не зять иде?!
Викна зачняйте,
Двери засувайте,
Треклятого зятя
Въ хату не пуськайте!

Александръ Пивень.

---

30. Верша та болота.

Сміялася зъ болота верша:
—„Ты глянь на мене: я яка—
Билиша ще видъ молока,
А прыбрана, якъ въ мисти пани перша!

А ты? Ха, ха—яке гыдке,
Смердюче та брыдке..
Та що й казать—багно!“
Ажъ гулькъ,—сама вона въ болоти
На роботи,
Та ще й зализла ажъ на дно!

Я. Жарко.

---

31. Одбый назадъ!

Одынъ разъ сторожъ коло церквы ударывъ у дзвинъ дванадцять часивъ, а треба було ударыть тилька одынадцять.

— Що ты наробывъ,—каже другый сторожъ,— це ты ударывъ лышній разъ!

— Такъ що—жъ теперъ робыть?

— Отбый назадъ!

Такъ той прыбавывъ ище разъ, та й выйшло трынадцять.

Александръ Пивень.

---

32. Чупрына.

Стрився зъ кумомъ кумъ та й каже:
—„Що се, куме, за прычына,
Що у тебе незвычайно
Настовбурчена чупрына?
Одвичае кумъ до кума:
—„Тее значе, що згодывся
Я на ярмарокъ пойихать,
Та старій и похвалывся.
А вона за ту новыну
Ухопылась, якъ за витку,—
Тягне зъ прыскрынку дуката
Та й кладе въ мою калытку.
За сього мени дуката,
Каже, ты купы чоботы,

Та зъ сапьяну, та червони,
Та хорошойи роботы,
Щобъ блыщалы такъ, якъ сонце!
Не пропый же, та не гайся;
А процвындрышъ копытала,
Такъ до—дому не вертайся!
Я на ярмарокъ прыйихавъ,
А жывитъ и розходывся;
Люде кажуть, щобъ до шынку
Швыдче йихавъ, та личывся.
Тамъ, спасыби йимъ, давалы
Все якого-сь лику зъ перцемъ,
Покы й справди зъ того лику
Не полегшало пидъ серцемъ.
И зосталыся у мене
Копыталы невелыки,
Такъ, що жинци тильке й стало
На гарненьки черевыкы.
А вона на йихъ лукава
Й подывытысь не зхотила:
„Де чоботы? Де сапьянци?“
Та чупрыну и вхопыла...
И тебе, я, куме, раю:
Стане жинка турбоваты,
Щобъ купывъ ты йій чоботы,—
Не берыся куповаты!

Я. Щоголевъ.

---

33. Дядько на дзвиныци.

Излизъ мій дядько на дзвиныцю
Та знай гука: „Отце кумедія яка!
Вси люде на земли мовъ ти перепелыци:
Здаетьця, більшый зъ ныхъ не більшъ одъ пьятака.
Гай, гай! Яки жъ воны дрибненьки!

Такъ ось колы я йихъ якъ треба розибравъ!“
А мымо йдучы хтось на дядька показавъ
Та, далеби, мене спытавъ:
„Що то таке, чы щуръ, чы горобецъ маленькый?“

Е. Гребинка.

---

34. Глухый.

— Здоровъ, куме!
— На ярмарку бувъ.
— А кума жыва?
— Кобылу купывъ.
— Чы ты, куме, не ошалопутивъ?
— Та на выгони спутавъ.
— Та хай вона тоби здохне!
— Спасыби.

Александръ Пивень.

---

35. Весела писня.

Побреду, побреду
По колина въ лободу,
Ажъ до тіи дивчины,
Що хороша на выду.
Хорошая дивчына,
Хорошого стану,
А хтожъ-жъ йийи любыть
буде,
Якъ я перестану?
Ой, радъ бы я любыть,
Такъ товарышъ не ве-
лыть;
Якъ побачу, то й заплачу,
Ажъ жывитъ заболыть!
Изійду, изійду
На гору крутую:
Чы не йде, чы не йде,
Чы не перечую?
Ось иде, ось иде,
Ступае дрибненько,
Чомъ не парень, чомъ не
бравый
Дывысь, моя ненько!
Ой, маты моя люба,
Маты моя мыла!
Не дай мене за рудого,
Бо я чорнобрыва!
Оддай мене за такого,
Що чорныи вусы:
Винъ на мене заморгае,

А я й засміюся!
Ненька жъ просьби не вняла,
За рудого оддала,
Та ще й къ тому прыказала,
Щобъ я його шанувала.
Ой, я його не люблю,
Шануваты жъ мушу;
Ой, Боже мій мылостывый,
Выймы зъ його душу!
Ой, я мужа шаную,
Якъ собаку рудую;
На прыпони прыпынала
Зъ помыйныци напувала.
Прывьязала до стола,
А винъ зубы выскаля!
Скаль, скаль, бисивъ сыну,
Покы найду хворостыну;
Хворостыны не найшла,
Тай одсердылася,
Та на свого мыленького
Змылосердылася!
Шумыть витеръ, та гуде,
Дрибный дощыкъ иде,
Надъ ричкою, по бережку
Чорноморець иде.
Ой, здорова, дивчино,
Чы ты любышъ мене?
Чы ты мене вже забула,
Та другого прыгорнула?
Я чорнявого люблю,
За русявого пиду,
А чорнявого пидважу,
У болото запроважу.
Сыдыть чорный ще й гада,
Изъ болота выгляда,
А я зъ його посміялась,
До русявого пишла.
Ой, мій милый, русявый,
Якый же ты тай бравый!
Чорни бровы, якъ сметана,
Кучерявый, якъ свыня!
Полюбыла русявого,—
Така доля моя:
Я жъ думала—кучерявый,
Ажъ и чуба нема!
Одна була волосына,
Та й ту гныда откусыла,
А голова, якъ кавунъ,
Охъ ты, мылый мій джыгунъ!
Кучерявый мій джыгунъ,
Чомъ ты вчора не бувъ?
Я бъ и вчора прыбувъ,
Такъ чобитъ не добувъ;
А въ батьковыхъ не пишовъ,
Бо немае пидошовъ,
А въ братовыхъ не хочетьця,
Бо устилка волочытьця!
Борозенка узенька—
Не уляжемося,
Теперъ ничка невелычка —
Не награемося!
Ой, я награвся,
Я и нагулявся,
Якъ у саду соловейко,
Та й нащебетався!
А у саду соловейко
Щебече раненько,
А моему мыленькому
Гулять веселенько.
Зелененькый барвиночку,
Стелыся нызенько,

А ты, мылый-чорнобры-
вый,
Прысунься блызенько!
Зелененькый барвиночку,
Стелыся ще ныжче,
А ты, мылый-чорнобры-
вый,
Прысунься ще блыжче!
Такый дубъ молодый,
Такый зелененькый,
Такы бувъ, ночувавъ
Козакъ молоденькый.
Такый дубъ молодый,
А вже дупленатый,
Такы бувъ, ночувавъ
Козакъ бicнуватый!
Цилувавъ мене дякъ
Чорты—батька—зна якъ!
А теперъ мене цилуе
Черноморськый козакъ!
Ой до мене симъ ходыло,
Та й ничого не зробыло,
А теперъ одынъ ходе,—
Поясочокъ не заходе.
Поясочокъ симъ аршынъ,
Обiйшовся разъ одынъ,
Отакый то й козаченько,
Такый бесурськый сынъ!
Ой на гори витеръ
Макъ потолочывъ,—
Козакъ свойiй дивчыни
Щось наурочывъ.
Ой, хочъ урокы,
Хочъ не урокы
А тильке та дивчына
Узялась за бокы!

---

36. Купованый розумъ.

I.

Недалечко видъ якого-сь то города, чымаленького, що въ нимъ було ажъ тры церквы—одна каменна, а дви деревьянныхъ,—було село; а въ тимъ сели жывъ соби чоловикъ Демко. Винъ бы то и розумный, якъ и всякъ чоловикъ, такъ, по-трошку: знавъ и свое дило коло хлиба, вмивъ сбытку залататы, кожушокъ выхутруваты, усе знавъ, що доводылося; тильке, на лыхо соби, хотивъ крипко велычатыся, щобъ усякъ його почытувавъ, усякъ завыдувавъ. Гирше гиркои редькы досадно йому було, якъ де у кунпанiи, де зберутьця люде,—а якъ було биля города, то и хороши люде зиходылысь побалака ты де—про—що,—а не такъ побала-

каты, якъ послухаты дякивъ, що якъ зійдутьця, та стануть таке розказуваты, що намъ и у ви-сни не прысныться побачыты. Якъ же у городи було ажъ тры прыходы, а у кажному по два дякы, та сьомый сельскый, такъ де зійдуться—такъ, такъ! Йе чого послухаты, якъ стануть росказуваты.

Одынъ почне зъ Евреивъ, другый перехопыть, та прыйметьця за Бога и Магога; ыншый товкуе про „Обаче“,—то, я жъ кажу, нашого братчыка, неписьменного, слухаючы, ажъ сльоза пройме!.. Не даромъ сказано: письменный! А у такій кунпаніи кого посадыты на покути?—Дяка. Кому перша чарка?—Дякови. Передъ кымъ, хочъ ты и старый, а помовчы?—Передъ дякомъ. А усихъ прочихъ, другыхъ, хочъ бы й не було.

Черезъ тее Демкови крипко досадно було. Хочъ частисинько пидголювавъ чубъ и бороду, вдягавъ и сыній жупанъ и не пропуськавъ, де збиралыся почотни люде; то покы дякивъ нема, то и йому добре: обсядуть його старыкы, слухають що винъ розказуе про сарану, якъ колысь налитала у старовыну, а винъ се чувъ ще видъ батька. А якъ почне росказуваты, якъ вже винъ и самъ бачывъ, якъ шествувавъ самъ губернаторъ черезъ йихъ городъ, такъ—батечку! було чого послухаты! Божывся, що й передъ нымъ и за нымъ усе паны биглы тройкамы, то у брычкахъ, то у кибиткахъ, и инши и на простыхъ повозкахъ. А самъ, каже, губернаторъ йиде у калясци, що скризь у викнахъ, мовъ хата яка! А дзвоныкивъ-дзвоныкивъ! И у переднихъ дзвоныкы, и у заднихъ дзвоныкы, и у самого на калясци дзвоныкы... Та уси заразомъ якъ зателенькають, такъ ажъ увъ ушахъ лящыть!..

Оттаке усе якъ розказуе, що и у самого ажъ духъ радуетьця, и знай усы розглажуе та ще прыдумуе, що бъ то росказаты? А тутъ дякъ—рыпъ у хату! Заразъ хазяинъ до Демка:

— А устань, каже, Демку! Пусты пана дяка, нехай намъ де що зъ премудрости роскаже.

Отъ тоби Демкови й честь!.. Встане, мовъ оплёваный, на людей не гляне, заразъ за шапку—и хочъ и не просы, щобъ зостався, хочъ чого хочъ пидносъ йому, не хоче й не хоче, мерщій зъ хаты; тильке його й бачылы!

А то жъ и не досадно, скажете, якъ чоловикови дуже хочетьця повелычатысь, и щобъ його шанувалы, а тутъ нихто и не дывытьця на його, та пры йому величають другыхъ?

II.

— „Трывайте жъ! — Такъ соби подумавъ разъ у ночи, якъ не спавъ зъ нудьгы: Я васъ усихъ провчу! Будете тямыть Демка! Будете топтатыся не тильке въ хати, та й коло хаты, абы бъ якъ протовпытысь, та послухаты де—чого. Нехай тоди дякы сховаютьця зъ своимы премудростямы! Заткнемо йихъ за поясъ,—замовкнуть противъ насъ!"

Такъ подумавшы, та надумавшы що робыты, взявъ у ранци, та й видвивъ хлопця, свого такы сына, у науку попереду до пиддячого. Якъ же хлопчя узялось за письмо и стало не спотыкаючысь чытаты, ажъ по верхахъ, батько, нигде дитыся, хочъ зъ нуждою пополамъ, хочъ у позычку ускочывъ, а виддавъ хлопця у науку до дяка,—та ажъ до соборного, щобъ навчывъ, чого самъ зна. И щось не дешево и поеднавъ.

И не взявъ врагъ Харька, Демкового сына! Незабаромъ, годивъ черезъ симъ, понявъ добре и чытаты и пысаты; Ермолай увесь проспива, стыхыры усяки, якый бы то дякъ, видкиля—бъ то не явывся, що хочъ почынай, а Харько вже й тутъ: попереду окселентуе, а тамъ и пишовъ самъ горою; и переводы выводыть и на таке зведе, що хочъ бы тоби тутъ пьять дьякивъ спивало, то винъ усихъ зибье, замовкнуть; зостанетьця одынъ, та й докинча, якъ самъ зна.

Така-то розумна дытына була! Демко не нарадуетьця. Эге! Такъ що жъ бо: зъ кныжкы, що хочешъ, винъ тоби прочыта, а свого розумного слова не скаже—не выдума ничого.

III.

Якъ прыйшло хлопчя зъ наукы, — а вже такъ було йому годивъ висимнадцять, — батько и каже йому:

— А що, каже, Харьку, чы не зумивъ—бы ты якого розумного слова сказаты нашымъ дякамъ, щобъ не зналы якъ и розжуваты його; знаешъ, носа йимъ утерты, щобъ не дуже бровы пиднималы? Выдумай такы що-небудь! А я заклычу йихъ и другыхъ якыхъ людей, що тильке йихъ и слухають и поважають; а мы йимъ пры ныхъ и видрижемо, и прыстыдымо!

— Такъ що жъ, тату, каже хлопець: пися чого я розумне слово скажу? Адже я тильке вчывся у школи. Черезъ науку не станешъ розумнымъ. Хочъ уси кныжкы вывчы на память, а розуму не наберешся. Треба свита повыдаты, зъ людьмы поводытысь, тоди до розуму дійдешъ. Давай, тату, кошту, пиду по другымъ городамъ, запрымичатыму, де якъ поводытьця, а звернувшысь таке йимъ скажу, що уси дякы и старыкы наши тильке плямкатымуть, а не второпають ничого!

Ничого Демкови робыты. Хочъ и дуже потратывся на Харькове письмо, а треба жъ його и до розуму довесты. „Нехай свита побачыть, роздывытьця, якъ де у людей поводытьця, вернетьця до—дому, та и занге дякамъ карлючку, щобъ не дуже пащыкувалы!“ Здыхнувъ важко Демко, доставъ позычкою ще скильке тамъ десяткивъ карбованцивъ, виддавъ Харькови та й выпровадывъ його.

IV.

Два годы на третьому, прыйихавъ Харько до батька. Нанявъ чоловика зъ дальньои стороны, щобъ визъ його до дому; а якъ грошыкы процвындрывъ, такъ поеднавъ такъ, що, каже, батько заплатыть.

Чухався Демко довго,—ничого робыты, заплатывъ. А сына попереду, якъ увійшовъ, то й не пизнавъ: обстрыженый, пидперезаный не по—нашому, а чортъ зна по—якому. Розказуе—рукамы бовта, слова варнякае не наши, а на московськи закыда, та тилькс не до ладу. Батька не взыва, якъ законъ велыть: „батькомъ", або: „тату", а усе „старыкъ", та все прыдыраетьця: „У васъ, каже, усе не такъ, якъ у людей. Стыдно тоби, старыкъ, що йдоси не вміешъ жыты по-людськи!"

— Та то дарма! Каже Демко, навчымось опися. Ты тильке скажы мени, чы набрався ты, по чужыхъ сторонахъ ходючы, розуму, якого тутъ нема?

— Що се ты, старыкъ, росказуешъ! Старый, та не вміешъ розсудыты! (Трохы-трохы не сказавъ батькови у вичи, що „дурень есы"). Я тильке въ одну сторону ходывъ, такъ и розумъ бачывъ зъ одного боку. Постачай грошей ще, пиду у другу сторону, такъ ище розумнишымъ вернуся.

— Може хлопчя и правду каже, подумавъ Демко.

Сякъ—такъ, то просячы, то молячы, роздобувсь на гроши, виддавъ сынови, и выпровадывъ його у другу сторону мижъ чужи люде.

V.

Ледве-ледве на пьятый годъ вернувся нашъ Харько, и вернувся ще чуднишый. Не второпае що батько каже; батько стоить, а винъ передъ нымъ сыдыть и рукы йому не цилуе николы. Батько де—чого йому багато каже, а винъ видвернетьця, та й скаже: „му-

жыкъ!“ Оттакымъ розумнымъ вернувся нашъ Харько зъ чужыхъ людей!

— А що сыну! Каже батько: чы набрався дуже велыкого розуму? Чы задасы пынхвы нашымъ дякамъ? Такъ колы тее, такъ я зибравъ бы йихъ, попоштувавъ, чымъ ще ïе, та и прыстыдылы бъ йихъ!

— Ты-то думаешъ такъ и задаты йимъ пынхвы? Бачъ якый швыдкый! (Се-то сынъ на батька такъ каже! Знаете, вже винъ побувавъ по чужыхъ сторонахъ, такъ йому стыдно протывъ батька буты звычайнымъ. О, бодай васъ, зъ вашою наукою!)— Треба попереду довго думаты, покы що выгадаешъ до пуття сказаты. Учени люде завсегда такъ роблять. Купы, лышень, мени, старыкъ, за грывню свичокъ, такъ я ничъ посыжу, та й выдумаю щось розумне.

VI.

Купывъ Демко за тую грывню свичокъ, а Харько, повечерявшы добре, якъ звычайно вченый, сивъ думаты та выдумуваты розумне слово. Свичкы позасвичувавъ, сивъ за стилъ, голову пиднявъ, у стелю дывытьця вывалывшы очи, рукамы розводыть; то палець у лобъ ткне, то на нисъ положыть, то у ротъ всуне,—а сопе ажъ свыще, мовъ на сопилку гра; то разомъ зскочыть зъ лавы, стане ходыты по хати, рукамы бьетьця объ полы, здыхне,—та впьять сяде за стилъ.

Та таку кумедію строивъ черезъ усю ничъ; свичкы догорилы, ставъ свитъ. Харько знемигся, звалывся на лаву, та й захрипъ.

— А що, мылый мій сыну! Що розумне выдумавъ? Чы зизваты на-завтра дякивъ, щобъ твого розуму дозналы? Пытавъ батько у ранци.

— Потрывай! Спишачы „Миколу звалишъ!“ Каже Харько: якъ кажуть мужыкы таки розумни, якъ и ты. Такъ-то увъ одну ничъ и выдумаешъ! Купуй ще на грывню свичокъ, колы хочешъ до мого розуму добратьця.

Купывъ батько свичокъ; попалывъ йихъ сынъ, якъ и въ перву ничъ, а все-такы не прыдумавъ ничого, бо крипко розуму набрався по чужымъ сторонахъ.

Пропала батькова ще одна грывня на свичкы попалывъ и йихъ Харько... Эге, Та трохы лышень чогось то не выдумавъ, бо лигъ спаты веселенькый и рано зскочывъ.

— А що, сынашу!—пытаетьця батько,—чы заклыкаты дякивъ?

— Кличъ, старыкъ, хочъ усе село,—каже Харько: Я йимъ такого всучу, таке скажу, що и черезъ десять годъ не розжують уси дякы, скильке йихъ йе!

— Отце добре, сыну! Каже батько: такъ на—завтра и поклычемо.

VII.

Почалы муку сіяты, птыцю ризаты, горилку добуваты... Извисне дило, письменни люде будуть обидаты,—не мало йимъ треба прыдбаты!..

Батько земли пидъ собою не чуе! Збигавъ у городъ по дякахъ, по пиддячыъ; кого знавъ и у себе по селу, усихъ просыть побуваты до його, хлибасолы покушаты, сына, що звернувся зъ чужои стороны, побачыты и послухаты його розуму.

Усякъ, поглажуючы себе по череву, усякъ обищався,—та такы и зійшлось чымаленько.

Посидалы за стилъ. Звисне дило, дякы на покуть, а прочи усякъ по почоту. Демко знай частуе гостей; а дякы, штрыкаючы себе то въ лобъ, то по-носу, то стукаючы кулакамы по столу, товкують промижъ себе, що то означа „виспрь", чы воно птыця, чы звиряка, чы—мисто свято пры насъ?—Та спорять, та крычять на всю хату! А прочи, неучени, сыдять та слухають, роты пороззявлявшы,—звисно, що нашъ братчыкъ скаже протывъ такои премудрости?

Тутъ же дякы спорять, а свого такы не забувають: те й дило, що наньмычкы Демкови мыскы

зъ стравою подають, та зновъ долывають и печеного пидкладають. А Демко, знай, зъ чаркамы обходыть усихъ, веселенькый, усьмихаетьця та дума соби: „Мудритесь, мудритесь! Сьогодня вамъ пущення: забудете брышкаты! Замовчыте, якъ де у беседи явыться мій Харько! Винъ вамъ забье бакы своимы словамы, що набрався у розумныхъ людей!“...

А Харько, позакладавшы рукы у кытаеви штаны, ходыть соби по хати, дметьця, якъ той индыкъ! Не дывытьця ни на кого, не помага батькови, щобъ кого почастоваты, або чымъ кого прыпоштуваты; не чуе, що коло його говорють, и дума: „Тутъ усе не такъ, якъ бачывъ я по чужыхъ сторонахъ. Нехай, лышень, послухають и мого, що йиимъ скажу. Помнуть соби чубы, якъ помьявъ и я свій добре, покы выдумавъ!“

VIII.

Дякы и гости пообидалы... чы то пакъ вычыстылы хазяйську посуду добре, до тла,—ажъ выскромадылы; кисточкы пересмокталы; а що напыткивъ, такъ и крапелыны не зоставылы—такы такъ упоралыся, якъ звычайно вчени люде, що ажъ спотыкаютьця, уставшы изъ-за столу. Заразъ—бы то за шапкы, та за палычкы, а за чымъ прошени, того и позабувалы: такъ Демко изупынывъ и попросывъ посидаты впьять, та послухаты, що скаже сынъ його, що навыдався свиту и видъ людей наслухався усього розумного.

Посидалы зновъ дякы и опрочи гости; головы понурылы, палычкамы попидпыралысь и налагодылысь слухаты.

— А скажы намъ, сыну! Чы не знаешь чого розумного?—Почавъ Демко, и самъ, узявшысь у—бокы видъ хвастощи передъ дякамы, що отъ-отъ посміетьця надъ нымы.

А Харько и гукнувъ:

— Оттакъ пакъ! Отце я ходючы буду вамъ казаты? Ни,—нехай выяснятьця! У тихъ сторонахъ, де я бувавъ, такъ тамъ хто хоче що розумне сказаты, такъ його сажають на покути. Пустить и мене на покуть, а то не скажу ничого!

Порозсовувалыся дякы, пустылы Харька на покуть, и мовчять, налагодывшыся слухаты.

Сыдыть Харько на покути, выкашлявся, усы розгладывъ, зирнувъ окомъ на всихъ, та й каже:

— А що, панове дякы, и вы, стари люде! Вамъ и не прысныться тамъ буты, де я побувавъ; николы и на думку вамъ не спаде, що я выдавъ! Набрався такы розуму,—буде зъ мене! Що я и скажу вамъ, такъ вы не второпаете. Одначе спытаю у васъ чого-сь, а вы—колы достане у васъ розуму—скажить, що и якъ чому буты! Та наврядъ скажете!.. Вы дальше свиту не бачылы, якъ у своему сели, не такъ якъ я. А скажить мени: якъ згорыть батькова хата, де будуть тоди горобци водытьця? Га?.. А скажить, хто зна?

Дякы и вси люде, що слухалы, ажъ почервонили видъ сорому за таку нисенитныцю, и ще ныжче головы понурылы; а старый Демко якъ сплесне рукамы, якъ схопыть себе за волосся, якъ крыкне:

— Пропалы свичкы!.. Пропалы и гроши за свичкы! Пропалы гроши й за науку!.. Лучче бъ ты, сякыйтакый сыну, дурнемъ рисъ бы дома, нихто бъ и не знавъ, що ты есы дурень; а теперъ усякъ бачыть, що ты вернувся бильшымъ дурнемъ, а нижъ бувъ!..

Гмъ! надогадъ!.. Се-бъ то протывъ... Та вы и сами, здорови, знаете. Ось и нашъ Харько йиздывъ далеко розуму купуваты!..

Гр. Квитка.

37. Навыворотъ.

Борщивъ якъ тры не поденькуешъ,
На моторошни засердчыть;
И заразъ тягломъ закышкуешъ
И въ буркоти закендюшыть.
Колы жъ що напхомъ зъязыкаешъ,
И въ теребъ добре зжывотаешъ,
То на весели занутрыть;
Объ лыхо вдаромъ заземлюешъ,
И ввесь забутъ свій зголодуешъ
И бигъ до горя зачортыть.
Та що абыщоти верзляломъ,
Не казку кормомъ соловьять:
Ось ну закалыткуй брязкаломъ,
То радощи заденежять.
Колы давало спьятакуешъ,
То може чуло зновынуешъ,
Якъ що съ тобою спередыть...

Ив. Котляревскій.

38. Я с л а.

Бувъ на сели козакъ Кырыло Яловець,
Щаслывый, дякуючы доли:
Хазяйство добре мавъ и повный гаманець—
Всього було доволи;
И ще одно винъ щастя мавъ—
Розумну жинку Богъ пославъ;
Безъ неи чоловикъ—неначе блынъ безъ масла,
Якъ прымовляе кумъ Гордій.
Отъ заходывся разъ Кырыло мій
Плесты у хати ясла.
На що, на що,—на се дотепный бувъ.
Ще и лозы червонои добувъ;
Щобъ выплитать у перемежку
И на краяхъ зробыть мережку.

Радіе винъ—плете,
Не думае про те,
Що ясла будуть на пивъ-хаты—
Таки, що й въ двери не пропхаты.
Винъ може—бъ такъ и не рабывъ,
Такъ хто-сь изъ-за угла мишкомъ його прыбывъ.
„Отъ ясла встявъ! такыхъ нихто не мае!
Чы такъ?“ У жинкы винъ пытае.
А Мотря каже: „такъ-то такъ,
Та тильке зъ хаты якъ?“
Кырыло засміявсь: „мы знайдемо дорогу!
Поклычемъ кума на пидмогу“.
А жинка зновъ йому: торохъ!
Якъ по стини горохъ...
„Ты—жъ роздывыся—ясла на пивъ хаты!
Куды жъ йихъ вынесты? Стину рубаты?“
И справди—кынулысь несты—
Бодай було—бъ и не плесты:
Ніякъ не вылизуть изъ хаты!
Прыйшлося ясла розибраты,
У клуню однесты
И на—ново плесты.

Робы розумно, кажуть люде
Не такъ, якъ робыть Яловець,
Миркуй про те, що зъ тобго буде,
Якый кинець.

Л. Глибовъ.

---

39. Пшеныця.

Я бачывъ, якъ пшеныцю мылы:
То щонайкращее зерно
У воду тильке плысь!—якъ разъ пишло на дно,
Полова—жъ нависна плыве соби по хвыли.

Прывивъ мене Господь побачыть и панивъ:
Мовъ простый чоловикъ тамъ иншый панъ сыдивъ,
Други, задравшы нисъ, роспрындывшысь, ходылы.
И здумавъ заразъ я, якъ тильке поглядивъ,
Що бачывъ, якъ пшеныцю мылы.

Е. Гребинка.

40. Грай, колы граешъ, а то струментъ побью!

Усимъ звисно, що Павливка дуже торгова станыця,—на ввесь Ейськый оддилъ. На базари десятькивъ пьять, або й бильше, лавокъ; хлибныхъ конторъ та ссыпокъ бильше десятка; а ще, окримъ того, скильке тыхъ лисныхъ складивъ, майстерськыхъ, кузень то—що! Усього и не переличышъ. Багацько усякои всячыны продаетьця на базари, чого твоиій души угодно, абы тильке гроши.

Зъ усихъ окружныхъ станыцъ и хуторивъ зъйизжаютьця у Павливку люде, продають хлибъ и купують, що кому треба. А якъ справлять уси дила, тоди, звисно, захочетьця кажному трудящому чоловикови пидкрипыть сылы, та трошкы душу одвесть за пляшкою горилкы. Зберетьця отакъ кумпанія, накуплять горилкы, хлиба, оселедцивъ або ковбасы, посидають де небудь у кружокъ коло пидводъ, та й продовольствуютьця, чымъ Богъ пославъ; страву йидять потрошку, а горилкы пьють, скильке душа прыйма, отъ воно и добре выходыть! Посыдять отакъ якый небудь часъ и уже, дывысь, начынають крычать, спорыть, а якъ де, такъ спивають або й танцюють.

Одынъ разъ зибрався отакъ у одному мисти на базари чымалый кружокъ людей: и козакы, и нагородни и усяки найизжи люде. Сыдять соби, пьють та йидять, та балакають на ввесь базарь. Колы ось пидійшовъ до того гурту одынъ козакъ... забувъ,

якъ його на прозваніе... Сторчакъ,—не Сторчакъ; Закруты-Хвистъ,—не Закруты-Хвистъ... одно слово—забувъ! Пиднеслы йому чарку горилкы, а потимъ другу, а дали й третю,—винъ пье, не одказуетьця, бо вже бувъ и пьяненькый. Посыдилы ище трохы. Уся кумпанія уже була дуже весела, бо кой-яки сталы затягать и писню. Колы той козакъ... отъ ніякъ не згадаю, якъ його прозывають!.. Прыставывъ до рота пальци та й ставъ такъ хытро выгравать на губахъ, якъ неначе на труби, та ще такои веселои писни, що уся кумпанія такъ и покотылась зо смиху, — такъ весело усимъ стало! А дали выскочывъ изъ гурту одынъ чоловикъ, та недовго думавшы, пидобравъ свои полы та й пишовъ на вытребенькы!

Танцюе винъ, добре танцюе, а уся кумпанія у долони плеще та прысвыстуе. Тильке той танцюра розійшовся добре, та уже бувъ ударывся навпрысядкы, колы грачъ узявъ та зразу и переставъ. Розсердывся танцюра, що той бросывъ грать, пидскочывъ до його, замахнувсь кулакомъ, та якъ крыкне:

— Грай, колы граешъ, а то струментъ побью;

Александръ Пивень.

41. Въ гостяхъ у Дидоны.

Эней прочумався, проспався,
И голодрабцивъ позбиравъ,
Зовсимъ зибрався и уклався
И, скильке выдно, почухравъ.
Плывъ, плывъ, плывъ, плывъ, що ажъ обрыдло
И море такъ йому огыдло,
Що бисомъ на його дывывсь.
„Колыбъ, каже, умеръ я въ Трои,
Уже бъ не пывъ сеи гиркои,
И марно такъ не волочывсь“.

Потимъ до берега прыставшы
Зъ Троянствомъ голымъ всимъ своимъ,
На землю съ човнивъ повстававшы,
Спытавсь, Чы йе що йисты йимъ?
И заразъ чогось попойилы,
Щобъ на пути не ослабилы;
Пишлы, куды хто запопавъ.
Эней по берегу попхався,
И самъ не знавъ, куды слонявся,
Ажъ гулькъ—и въ городъ прычвалавъ
Въ тимъ городи жыла Дидона,
А городъ звався Карфагенъ,
Розумна пани и моторна,
Для неи трохы сихъ именъ;
Трудяща, дуже працьовыта,
Весела, гарна, сановыта,
Бидняжка,—що була вдова:
По городу тогди гуляла,
Колы Троянцивъ повстричала,
Таки сказала йимъ слова:
„Видкиль таки се гольтяпакы?
Чы рыбу зъ Дону везете?
Чы може выходци бурлакы?
Куды, прочане, вы йдете?
Якый васъ врагъ сюды направывъ?
И хто до города прычалывъ?
Яка жъ ватага розбышакъ!“
Троянци вси замурмоталы,
Дидони нызько въ ногы палы,
А, вставшы, йій мовлялы такъ:
„Мы вси, якъ бачъ, народъ хрещеный
Волочымся безъ талану,
Мы вь Трои, знаешь порожденни,
Эней пустывъ на насъ ману;
Далы намъ Грекы прочухана,
И самого Энея пана
Въ тры-вырвы выгналы видтиль;
Звеливъ покынуты намъ Трою,
Пидмовывъ плаваты съ собою,

Теперъ, ты знаешъ, мы видкиль
Помылуй, пани благородна!
Не дай загынуть головамъ,
Будь мылостыва, будь не злобна,
Эней спасыби скаже самъ.
Чы бачышъ, якъ мы обидралысь!
Убрання, постолы порвалысь,
Охлялы, нибы въ дощъ щеня!
Кожухы, свиты погубылы,
И зъ голоду въ кулакъ трубылы,
Така намъ лучылась пеня".
Дидона гирко зарыдала,
И зъ билого свого лыця
Платочкомъ сльозы обтырала:
„Колыбъ, сказала, молодця
Энея вашого злапала;
Уже—бъ тоди весела стала,
Тоди велыкъ—день бувъ бы намъ!"
Тутъ плюсь Эней, якъ будто зъ неба:
„Ось-озьде я, колы вамъ треба!
Дидони поклонывся самъ".
Потимъ зъ Дидоною обнявшысь,
Поциловавшысь гарно въ смакъ,
За рученькы биленькы взявшысь,
Балакалы то сякъ, то такъ.
Пишлы къ Дидони до господы
Черезъ велыки переходы,
Ввийшлы въ свитлыцю, та й на пилъ;
Пылы на радощахъ сывуху
И йилы симьяну макуху,
Покиль клыкнулы йихъ за стилъ.
Тутъ йилы разныи потравы
И все съ полывьяныхъ мысокъ,
И сами гарныи прыправы,
Зъ новыхъ кленовыхъ тарилокъ;
Свынячу голову до хрину
И локшыну на перемину,
Потимъ съ пидлевою индыкъ;
На закуску кулишъ и кашу,

Лемишку, зубци, путрю, кашу
И зъ макомъ медовый шулыкъ.
И кубкамы пылы слывьянку,
Медъ, пыво, брагу, сыривець,
Горилку просту и калганку,
Курывсь для духу яловець.
Бандура „гарлыци“ брынчала,
Сопилка „зуба“ затынала
А дудка грала „по балкахъ“;
„Санжаривкы“ на скрыбци гралы,
Кругомъ дивчата танцювалы,
Въ дробушкахъ, въ чоботахъ, въ свыткахъ.
Сестру Дидона мала Ганну,
Навспражкы дивку, хоть куды,
Проворну, чепурну и гарну;
Прыходыла и ся сюды,
Въ червоній юбочци баевій,
Въ запасци гарній фаналевій,
Въ стьожкахъ, въ намысти и квиткахъ;
Тутъ танцювала выкрутасомъ,
И предъ Энеемъ выхылясомъ
Пидъ дудку была трепака.
Эней и самъ такъ расходывся,
Якъ на аркани жеребець,
Що трохы не увередывся,
Пишовшы зъ Ганзею въ танець;
Въ обахъ пидкивкы забрязчалы.
Жыжкы одъ танцивъ задрыжалы,
Выстрыбовавшы гоцака.
Эней, матню въ кулакъ прыбравшы
И не до солы прымовлявшы,
Садывъ крутенько гайдука.
А посли танцивъ варенухы
По фылыжанци пиднеслы;
И молодыци цокотухы
Тутъ баляндрасы понеслы;
Дидона крипко заюрыла,
Горщокъ зъ вареною розбыла,
До дуру вси тоди пылы.

Ввесь день весело прогулялы,
И пьяни спаты полягалы!
Энея—жъ ледве повелы.
Эней на пичь забрався спаты,
Зарывся въ просо, тамъ и лигъ;
А хто схотивъ, побривъ до хаты,
А хто въ хливець, а хто пидъ стигъ.
А де—яки такъ,—такъ хлыснулы,
Що де упалы, тамъ заснулы,
Соплы, харчалы и хроплы;
А добри молодци кружалы;
Покы ажъ пивни заспивалы —
Що здужалы, то все й тяглы.
Дидона рано исхопылась,
Пыла съ похмилля сыривець;
А писли гарно нарядылась,
Якъ бы въ оренду на танець.
Взяла караблыкъ бархатовый,
Спидныцю и карсетъ шовковый
И начепыла ланцюжокъ;
Червони чоботы обула,
Та и запаскы не забула,
А въ рукы зъ выбiйкы платокъ.
Эней же съ хмелю якъ проспався,
Иззивъ солоный огырокъ;
Потимъ умывся и убрався,
Якъ парубiйка до дивокъ.
Йому Дидона пидослала,
Що одъ покiйныка украла,
Штаны и пару чобитокъ;
Сорочку и каптанъ съ кытайкы,
И шапку,—поясъ съ каламайкы,
И чорный шовковый платокъ.
Якъ одяглысь, то изiйшлыся,
Съ собою сталы розмовлять;
Найилыся и прынялыся,
Щобъ по вчорашньому гулять.
Дидона—жъ тяжко сподобала
Энея, такъ, що и не знала,

Де дытыся и що робыть;
Точыла всякіи балясы,
И пидпуськала разни лясы,
Энею тильке—бъ угодыть.
Дидона выгадала грыще,
Эней щобъ веселишый бувъ,
И щобъ вертився зъ нею блыжче
И лыха щобъ свого забувъ:
Соби очыци завьязала,
И у панаса граты стала,
Энея бъ тильке уловыть:
Эней же заразъ догадався,
Коло Дидоны терся, мнявся,
Иійи щобъ тильке вдоволныть.
Тутъ всяку всячыну игралы,
Хто якъ и въ вищо захотивъ;
Тутъ ынчи журавля скакалы,
А хто отъ дудочкы потивъ.
А въ хрещыка, и въ гарюдуба,
Не разъ доходыло до чуба,
Якъ загулялыся въ джгута;
Въ хлюста, въ пары, въ виска игралы
И дамкы по столу совалы;
Чортъ—мавъ порожнього кутка.
Що день було у йихъ похмилля;
Пылась горилка якъ вода;
Що день бенькеты, мовъ весилля,
Вси пьяни, хоть посунсь куда.
Энееви такъ якъ болячци,
Або лыхій осинній трясци,
Гадыла пани всякый день.
Булы Троянци пьяни, сыти,
Кругомъ обути и обшыти,
Хоть голи прыбрелы, якъ пень...

Ив. Котляревскій.

---

42. Катерына.

У тыеи Катерыны
Хата на помости;
Изъ славного Запорожжя
Найихалы гости:
Одынъ—Семенъ Босый,
Другый—Иванъ Голый,
Третій—славный вдовыченко
Иванъ Ярошенко.
Зъйиздылы мы Польшу
И всю Украину,
А не бачылы такои,
Якъ ся Катерына.—
Одынъ каже: „Брате!
Якъ бы я багатый,
То оддавъ бы все золото
Оцій Катерыни
За одну годыну“.
Другый каже: „Друже!
Якъ—бы я бувъ дужый,
То оддавъ—бы я всю сылу
За одну годыну
Оцій Катерыни“.
Третій каже: „Диты!
Нема того въ свити,
Чого—бъ мени не зробыты
Для сіеи Катерыны
За одну годыну“.
Катерына задумалась
И третьому каже:
„Есть у мене братъ едыный,
У неволи вражій —
У Крыму десь пропадае.
Хто його достане,
То той мени, запорожци,
Дружыною стане“.
Разомъ повставалы,

Коней посидлалы,
Пайихалы вызволяты
Катрыного брата.
Одынъ утопывся
У Днипровимъ гырли;
Дрогого въ Козлови
На килъ посадылы;
Третій—Иванъ Ярошенко,
Славный вдовыченко,—
Зъ лютои неволи,
Изъ Бахчысараю,
Брата вызволяе.
Заскрыпилы рано двери
У велыкій хати.
„Вставай, вставай, Катерыно,
Брата зострічаты!“
Катерына подывылась,
Та й заголосыла;
— Се не братъ мій, се мій мылый,
Я тебе дурыла. —
„Одурыла!“ й Катерыны
До-долу скотылась
Головонька... „ходимъ, брате
Зъ поганои хаты!“
Пойихалы запорожци
Витеръ доганяты.
Катерыну чорнобрыву
Въ поли поховалы;
А славныи запорожци
Въ степу побраталысь.

Т. Шевченко.

43. Писня.

—„Жинко—жъ моя, Грыгоровно,
Що будемъ робыты,
Що не хоче куцый вилъ
Въ череду ходыты?

Ряба курка на городи
Ходе, шкандыбае,
Чы вона чего объйилась,
Чы ногы не мае?
Та й кабанъ нашъ щось насупывсь
Не ходе, не хрюка;
Чы його корчій напавъ,
Чы, мо, хто давъ дрюка?
Де це нашъ Рудько пропавъ,
Де це винъ дивався?
Чы не сала въ клуни вкравъ,
Та въ муштру попався?
Та й китъ нашъ десь пропадае,
Чы мо зайцивъ лове?
Одвичай—же, Грыгоровно,
А то буде горе!"—
А вона соби байдуже
Варенычкы варе,
Та зъ кумою Кылыною
У чарочкы грае.
—„Такъ оце жъ тоби, падлюко,
У спыну, и въ бокы!
Щобъ знала, якъ пыть горилку,
Колы буде й покы!
Спыну тоби всю стовкмачу,
Морду сковерзую,
Чабанськымы галушкамы
Тебе нагодую!"—

---

44. Судди.

Ото и пытае Охримъ у Кузьмы:
— „Чы то—жъ то, Кузьмо, одынъ чынъ,
Що суддя мыровый и що суддя сельскый?"
А Кузьма и каже: „Тожъ то мени и чудасія,
Що есть трошкы разноція;
Вона тамъ не дуже и велыка,

Якъ ременець одъ лыка.
Я йихъ добре роспизнавъ,
Бо у обохъ побувавъ.
Бувъ я въ того мырового
За отого Панька Крывого;
И бувъ у оцихъ суддивъ сельськыхъ,
За отихъ мотивъ жыдивъ канальськыхъ.
Такъ у отого мырового,
Якъ у Бога Святого,
И „ты“ не скаже ни на кого.
У його вси ривни:
Що бидолаха,
Що сиромаха;
Хочъ и багатый наврапытьця,
Такъ тамъ заразъ и покорытьця.
А у нашихъ суддивъ сельськыхъ,
Хочъ ты якъ докажешъ правду,
А якъ бидный, такъ будешъ ззаду.
Такъ и крыкне: „Цыть! не базикай!
Ты оскорбывъ чоловика!
Винъ—хазяинъ, а ты—ледащо;
Хочъ и бывъ тебе, такъ знае за—що!“
Та й свидытыливъ твоихъ почнуть штрахуваты
Та пидъ арестъ засажаты;
А сопирныкъ твій Киндратъ
Сыдыть изъ суддямы пидъ рядъ;
Та шурхоне руку въ кышеню,
Та вытягне грошей жменю,
Та й побрязкуе, буцимъ то невзначай,
Та й дякуе суддивъ за обычай.
Я, каже, прыйихавъ здалека,
Ходимъ, погладымъ дорогу,
Куплю кварту, йій—же—Богу!
А судди не змагавшысь,
За шапкы побровшысь,
Ище зъ старшыною не розпростылысь,
А ажъ у шынку опынылысь;
Та тамъ до тыхъ пиръ кружають,
Що вже у свій двиръ не попадають.

А де кому впасты прыйдетьця,
Тамъ йому добре й заснетьця;
Та якъ проснетьця
Та й до—дому поберетьця.
То жинка и зачне його пытаты:
„Де це ты мусывъ ночуваты?“
— „Э, дила багацько наскладалы,
Що ажъ до самого свита розбыралы!“
— „Не повирю цьому!
Бо й товарышъ твій Кырыло
Обдутый, мовъ барыло!
Винъ бувъ умисти съ тобою,
А спавъ на гребли пидъ вербою.
А ты мабуть у будякахъ,
Бо вся голова у рыпьяхахъ!“
— „Оце, зла лычына!
Посміялась за очыма!
Оце, якъ я законъ толкувавъ,
Такъ хто-сь у шапку рыпьяхивъ наклавъ;
А я иты поспишывъ,
Та ото не гледя й наложывъ“...
— „Годи тоби оправдатьця,
Лизь на пичь высыплятьця;
Бо до тіеи суботы
Ище бильше буде роботы!
Щобъ ище бильшого смиху не наробылы!
Щобъ усього чысто у рыпьяхы не облипылы!“

---

45. Гандзя.

Чы йе въ свити молодыця,
Якъ та Гандзя билолыця?
Ой, скажить вы, добри люде,
Що зо мною теперъ буде?
    Гандзя цяця, Гандзя птычка,
    Гандзя гарна молодычка!
    Гандзя—розовый цвиточокъ,
    Бровы чорни, якъ шнурочокъ!

Гандзя, серце, молодычко,
Яке въ тебе биле лычко,
Очкы, бровкы, губкы, зубкы,
Ще й дрибненьки нижкы, рукы!
Чы я сходывъ мало. свита,
Чы я бачывъ мало цвита?
Чымъ калына найкрасниша,
Моя Гандзя наймылиша?
Де—жъ ты, Гандзя, вродылася,
Де ты чаривъ навчылася?
Що якъ глянешъ ты очыма,
Я заплачу, якъ дытына!
Гандзя, котку, не цурайся,
Та на волю Божу здайся:
Прыгорнысь до серця мого,
Та й не зважуйсь ни на кого!
Колы жъ моя така доля,
Що ты мене не злюбыла,
Лучше—бъ мене така доля,
Щобъ взяла мене могыла!

46. Драбына.

Постановывъ хтось биля тыну
Высоку лыпову драбыну;
Драбына якъ драбына: ривни та прями уси щабли
Одъ верху ажъ унызъ булы.
Горишній—же щабель пышався надъ всима,
Що выще за його ни одного нема.
А чоловикъ вхопывъ, ни нащо й не дывывся,
Драбыну круть;—внызу горишній опынывся!

Такъ мижъ людьмы бува: той высоко стоить,
Пышаетьця, ажъ гулькъ, а винъ унызъ летыть!

Я. Жарко.

47. Черевычкы.

Якъ до мылого ходыла,
Черевечкы я купыла,
Черевычкы зъ пидкивкамы,
Та й натерпилась я зъ вамы!
Чорнобрыва й билолыця,
Якъ прыйду, було, до Грыця,
Черевычкы тильке рыпнуть,—
Вже у його й двери скрыпнуть.
Винъ ти двери видчыняе,
А на мене поглядае.
Черевычкы зъ пидкивкамы,
Та й натерпилась я зъ вамы!
Якъ иты, було, зберуся,
Все немовъ чого-сь боюся;
А моя, тымъ часомъ, маты
Почына мени казаты:
„Доню, доню, въ темни ничкы
Знапастышъ ты черевычкы!“
Маты правдоньку казала:
Черевычкы я стоптала.
Вже жъ у йихъ не стало рыпу,
А у Грыця въ дверяхъ скрыпу;
Що жъ подiялося зъ вамы,
Черевычкы зъ пидкивкамы?
Покы вы булы новеньки,
Бувъ до мене й Грыць любенькый;
Зъ того жъ часу, якъ стопталысь,
Щось то инше зъ Грыцемъ сталось.
Черевычкы невелычки,
Вы стопталысь въ темни ничкы
Та и все стопталось зъ вамы,
Черевычкы зъ подкивкамы!

Я. Щоголевъ.

---

48. Сира кобыла.

Ни вже, куме, що не кажы, а якъ заець перебижыть дорогу, то вже безъ халепы не обійдетьця. Хочъ бы въ тебе голова була зъ вынныцькый казанъ, а очи зъ видра, вже якъ схоче зла лычына поглумытысь надъ тобою, — бисивъ сынъ, що и не зуздрышъ, видкиль и лыхо складетьця. Я жъ такы, мовлявъ, чоловикъ не абы якый, зъ глузду, бачця, ще не зсунувся; та бачъ, яка-то прычта кумедна мени втрапылась! Далеби, що брыдко й людямъ казаты. Эге!

А дже ты, куме, знавъ мою сиру кобылу?.. Та якъ йийи й не знаты? Йийи зналы вси. Що-то вже була за кобыла добра, що за працьовыта, то чортъ його й бачывъ пидъ еи! Хочъ якъ було навантажышъ визъ снопамы, — чы на гору, чы въ долыну, йій все одно що по ривному. А лошя було якъ прыведе, то, бисивъ сынъ, якъ годованый пидсвынокъ, або добрый назымокъ. Э, що то вже за кобыла була добра, то грихъ и казаты! А пидъ справныкомъ, онъ тымъ такы, що все зъ дзвоныкомъ йиздыть, ганя, мовлявъ, якъ собака, та заказуе, щобъ шляхы ривнялы пидъ губернатора та мисткы малювалы... Э, була вона, куме, и пидъ справныкомъ, та й пидъ нымъ выдержала, не такъ, мабуть, якъ Свырыдова, або Стецькова, що гонивъ зъ десять якъ побасувалы, то й ногы видкыдалы, ажъ шкура на йихъ порепалась, такъ що й на гаманъ не выберешъ. Э, що-то вже була за кобыла добра! та ба... Такъ уже йшло йій, голубочцi, на лыхо, а мени на журьбу та на тугу. Що хто жъ його знавъ? И сама Пазька знахурка того—бъ не вгадала, що йій складетьця! Бо бачъ, куме, що-то за прычта мени втрапылась.

II.

Адже ты, куме, знавъ мій лисокъ? Онъ тамъ такы биля Нечыпорового, надъ Сулою. То такы лисокъ мій, батькивськый. Та якъ—бы ты його й не знавъ, що тамъ дубъ стоявъ, якъ дзвиныця, высокый-высокый, що й сказаты не можна; а товстый-товстый бо, бисивъ сынъ, що, мабуть, удвое товщый одъ Ярошаньського отамана. Та де? певно, кажы, що, мабуть, обіймыщивъ двое, або трое. Отъ же тамъ, якъ по-мижъ хатамы церква, такъ по-мижъ хворостныкомъ мій дубъ манячывъ. И хто його зна, колы винъ и вырисъ такый товстый та высокый и хто, його тамъ посадывъ, надъ самисинькою кручею та глыбыною такою, що, мабуть, тамъ зъ-роду й дна не було (мабуть, тамъ колысь було море). А на те ще гемонське гайвороння якъ понасида, то мій дубъ такъ и гнетьця и хылытьця на Сулу, мовъ зовсимъ пада въ кручу.

Такъ ото, бачышъ, я соби помиркувавшы и зъ старою такы порадывшысь, кажу соби та й думаю, що справди, якъ бисове гайвороння, колы все зъ свита зберетьця та понасида на дуба (бо бачышъ, бисъ його батькови, такъ гемонськи твары полюбылы на дубови сидаты, що буцимъ йимъ и систы нигде, буцимъ йимъ бильше й лису нема), такъ кажу, якъ понасида багацько,—якъ-разъ звалять дуба, въ кручу. Тогди що хочъ, те й кажы. Пропаде зовсимъ дубъ, и гылля й цивка. Такъ ото, кажу, помиркувавшы и зъ старою порадывшысь, кажу соби й думаю:—„Пиду, матери його чортъ, та зрубаю, покы жывый, бо вже йому, мабуть, довго не жыты; мабуть, чортякы, пидъ кручею жывучы, усе кориння йому пидгрызлы; а надто ще чортове гайвориння—якъ разъ звалытьця въ Сулу!“ И що жъ тутъ довго думаты?

Въ понедилокъ раненько, поснидавшы гарненько, запригъ покійнычку кобылу, взявъ сокыру та й

пойихавъ, та, бачь, я такы й бачывъ, якъ заець шмыгнувъ попередъ мене по-за клунею Омелька Кабанця. И що—бъ було дурному вернуты я додому, та пойихаты ыншымъ часомъ? Такъ ни! Кажу, якъ пиде вже на лыхо та на безголовья, то й розумъ видступыть.

Та й жинка такы мовъ знала,—казала: „Э, каже, чоловиче, колы—бъ—у добрый часъ казаты—не було намъ якои прытычыны, бо вже зузуляста курка не дурно, мовъ пивень, спивае“.—Такъ що жъ, кажу? Якъ мае вже що скластыся, то де той и розумъ динетьця! Пойихавъ, та й пойихавъ на лыху годыну.

III.

Прыйихавъ у лисъ, спасыби Богу, гарненько; выпригъ кобыльчыну, та й пустывъ по зрубови пастысь, а самъ, понюхавшы табакы, за сокыру, та и до дуба. Колы до його, ажъ мій дубъ зовсимъ похылывся на воду, ледви не звалытьця въ Сулу; мовъ самъ просытьця, щобъ його зрубалы. „Э, кажу соби, думаю, що воно буде, якъ я його пидотну? Адже якъ-разъ винъ у Сули опынытьця?“ Що—жъ тутъ робыты? Порадытысь ни съ кымъ; треба до свого розуму братысь. Та й розумъ—же, бачышъ, у мене не въ кышени,.. Що тутъ довго думаты? Добре, що взявъ бечивку: прывязаты, матери його чортъ, однымъ кинцемъ за дуба, а другымъ до другои якои деревыны. Та ще й те, помиркувавъ соби, думаю: „Якъ—бы такъ, щобъ, якъ пидотну и стане дубъ хылытысь на воду, потягнуты його до себе, та никому. Гей його кату? що жъ тутъ будешъ робыты? Прывьяжу, матери його чортъ, до кобылы, та й буду помаленьку цюкаты. Якъ уже добре пидотну и стане дубъ хылытысь на Сулу, то ньокну на сиру, то вона його сюды й перехылыть“. Добре. И справди, вже мабуть й самъ Засульскый дякъ, або й самъ Крутькивськый голова розумнійше не выдумае.

Прывьязавъ однымъ кинцемъ за дуба, ажъ за верхивья, а другымъ за шыю кобылу, а самъ узявъ сокыру та й цюкаю. Цюкаю, цюкаю — мій дубъ стоить, мовъ и не його цюкають. Колы се — вже такъ, що ось-ось перетяты, — якъ заскрыпыть, якъ загуде, якъ зашумыть мій дубъ, якъ хватыть мою кобылу вгору, мовъ пружыною; такъ я, бисивъ сынъ, що думавъ?.. Та що? Ничого не думавъ. Я й не тямывъ, чы я жывый стоявъ, чы мертвый? Тильке, вылупывшы банькы, дывлюсь, та „косю, косю!“ та полою трушу, мовъ бачъ вивса даю. Такъ ни! Небижка и не оглянулась, и не заржала, и мобуть, дуже небижка злякалась, бо мени здалось, якъ йійи пидхватыло, то мовъ дощъ зъ горы льетьця и блыскавка блыщыть. Якъ поперло, чуешъ, мою кобылу, такъ я й не тямывъ, чы я жывый бувъ, чы мертвый? Колы се—разомъ, мовъ зъ неба, шубовсть у Сулу, у кручу, и дубъ, и кобыла! Та ще здалось, мовъ кобыла попереду, а йійи дубъ мовъ зверху прыгнитывъ. И не заржала бидна на прощання; тильке хвыля въ кручи роздалася, мовъ пекло закыпило. Ище тоди було рано, такъ якъ ранній косарськый обидъ, а якъ видійшовъ я, то вже зовсимъ вечиръ— отъ-отъ сонечко заховаетьця. Мабуть, и на страшнимъ суди, або въ самимъ рекрутськимъ набори не було такъ страшно, якъ мени тоди було.

IV.

„Що оце воно буде?“ Кажу соби й думаю. „На що се похоже? Пропавъ и дубъ, и кобыла, та ще въ хомутци! Що—бъ було, дурному, хочъ хомутець скынуты! „Гай-гай! сказавъ соби, та й заплакавъ“. Що мени теперъ на свити робыты? Якъ мени до жинкы доступыты? Що йій казаты? Лучче-бъ бувъ одрубавъ соби палець, або ногу перетявъ, якъ оце мало зо мною складтысь. Жинка, бачъ, подума — скаже, що я дурный, що въ мене розуму не стало, що прывьязавъ дуба до кобылы. А того й не знае,

що въ мене його бильше, а нижъ мени треба. Вона, бачъ, скаже: „Щобъ було другою вырьовкою прывязаты ще кобылу до дерева (та й вырьовка, бачъ, друга була)? вже бъ такы деревыны зъ кориннямъ не вырвало!“

Такъ що жъ, кажу, маешъ робыты? Якъ мае вже що скластыся, то де той и розумъ динетьця! Чы я такы соби ворогъ? Думавъ, якъ лучче, та й наробывъ теперъ, що брыдко и людямъ казаты... Я оце тоби тильке, куме й хвалюся, яка-то мени прычта кумедна втрапылась. Будь ласкавъ, не кажы вже никому. Ходимъ до шынкарькы та помьянемъ небижку. Эхъ, що то вже була за кобыла добра! Нехай теперъ годуе ракивъ, та возыть тыхъ, що пидъ кручею жывуть.

П. Кулишъ.

---

49. Купыла соби биду.

Купыла соби биду,
Та за свои гроши;
Кажуть биду любыты,—
Бида не хороша:
И крывый, и слипый
Та ще и горбатый,
А на выдъ такый страшный,
Хочъ тикай изъ хаты!
Невелыкый, круглопыкый,
Вусы якъ щетына,
Подывытьця, такъ похожый
На скурвого сына!
Якъ мени його любыть,
Якъ мени корытьця,
На такого чоловика
Не можу й дывытьця!
У досвита встае рано,
Прясты заставляе,
День настане — буркотыть,
Въ роботу ганяе.
Добре зроблю, якъ и слидъ,
И дякы не мае,
Скверно зроблю, попобье,
Та цилый день лае!..
Я въ недилю була пьяна,
Въ понедилокъ спала;
А въ вивторокъ снопивъ сорокъ
Пшеныци нажала;
А въ середу молотыла,
А у четверъ віяла,

А въ пьятныцю прода-
вала,
А въ суботу пропыла.
Чомъ я въ мужа не жона,
Чомъ не господыня?
Тыждень хаты не мела,
Смиття не носыла.
Хочъ и буду месты,
Такъ не хочу несты,
Купы, мужу, визочокъ,
Будемъ сииття везты.
Купы, мужу, визочокъ,
И кобылу сыву.
Та вывеземъ смиттячко
Всимъ людямъ на дыво.
Ой, вымела разкомъ,
Та вывезла визкомъ,
Та повезла на базарь
Смиття продаваты.
Якъ вывезла на базарь
Смиття продаваты,
Прыступылы купчыкы
Смиття торгуваты.
Якъ узялысь коло смиття,
Та й сталы пытаты:
„Ой, що—жъ тоби, джын-
джурыхо,
За смиттячко даты?“
Сюды хипъ, туды хипъ,
За смиттячко девьять
кипъ,
А десята кипка,
Що вымела титка.
А за тіи кипкы
Червони чобиткы.
Чоловиче, чоловиче,
Чоловичечку!
Купы мени льонку
За копіечку.

Не хочетьця спаты, —
Буду прясты-ткаты.
Не сама жъ я пряла,
Кума помогала;
Дала куми мыску пшона,
Та ще й кусокъ сала!
Не сама жъ я пряла,
Булы й помишныци:
За хлибъ, за пшоно,
Та за паляныци!
Не довго я пряла,
Увесь льонъ попряла,
Та ще зъ льону остан-
камы
И верхъ затыкала.
За що мене, мужу, бьешъ,
За якіи вчынкы?
Чы я тоби не напряла
За годъ тры почынкы?
Одынъ пряла до Риздва,
Другый до Мыколы,
А якъ третій почала, —
Хватыть до Покровы!
Ой, защо—жъ ты мене
бьешъ?
Якъ бы я робыла?
Купывъ кучу веретенъ, —
Нема мотовыла.
Ты самъ пьешъ, мене
бьешъ,
Скажы—жъ мени защо?
Хочъ и ты, хочъ и я —
Обое ледащо!
Де я зросла, де ты зрисъ
А насъ чортъ до купы
знисъ!
Та не вміемъ мы жыты,
Не уміемъ робыты,
Тильке вміемъ гуляты

Та горилочку пыты!
На базарь я иду
И оснивку несу,
А за мною дытынята
Тырють клубенята.
Оснивочку пропыла,
Клубкы на похмилля.
Нехай въ скрыни не лежыть
Отаке бездилля!
Чоловика нема дома,
Теперъ мени своя воля;
Ой, я ципъ продала,
Та музыку наняла.
Музыканты мои,
Вы заграйте мени,
Бо я въ свити сырота
Веселого жывота!

---

50. Сусиды.

Такъ писля полудня, у свято,
Зійшлысь сусиды два пидъ хату—
Уласъ та Опанасъ,
Щобъ побалакаты у двохъ якый тамъ часъ.
Сыдять, балакають... Колы погляне
Уласъ на небо,—суне хмара...
„Ой, лышенько! Це Божа кара,
Ця хмара грядъ на насъ несе,
Побье усе:
Ни хлиба, ничого не стане!
Пропалы мы! Якъ и торикъ
Голодный знову буде рикъ“.
„Тю-тю на тебе! Що верзешъ?„ — Йому одмовывъ Опанасъ—
„То хмара дощова до насъ
Иде, то Божа благодать:
Уроде хлибъ—намъ краще буде,
Повеселишають вси люде.
Буде соби, буде й продать,
Кажу, це Божа благодать!“
— „Грядъ буде!“—Каже зновъ Уласъ.
— „Ни, дощъ!“—Одмовывъ Опанасъ.
— „Та брешешъ — грядъ!“ — „Самъ брешешъ ты,

Дощъ буде зъ хмары цій иты!“
— Що ты змагаешся зо мною!..
— „Зъ тобою? —
Не хочу зъ дурнемъ я й змагатысь...“
— „Самъ дурень ты и батько твій...“
— „Такъ батько дурень, кажешъ, мій!?„
Та ляпъ по пыци винъ Уласа...
Уласъ схопывся — Опанаса.
Давай за чуба вдвохъ тягатысь,
Волосся навколо летыть,
Кровъ изъ носивъ ажъ цебеныть,—
Такъ бьютьця Опанасъ зъ Уласомъ;
А тымъ часомъ,
Геть хмару витромъ пронесло,
Ни гряду, ни дощу изъ неи не було,
Уласъ—же до крови побывся зъ Опанасомъ.

А. Жарко.

---

51. Рыбалка.

Хто знае Оржыцю? А нуте, обзывайтесь!
Уси мовчать. Гай—гай, яки шолопаи!
Вона въ Сулу тече у нашій сторони·
(Вы, братця, все такы домивкы не цурайтесь!)
На ричци тій жылы батькы мои,
И панства чортивъ тыскъ: Васыль, Иванъ, Мыкола,
Народъ письменный—страхъ.
Бувавъ у всякыхъ школахъ,
Одынъ балакае на сотни языкахъ;
Арабську цыхвыру, мовлявъ, законъ турецькый,
Все тямлють, джеркотять, якъ гусы, по нимецькій.
Подумаешъ чого то чоловикъ не зна!
Да не про те, бачъ, ричь. Усю торишню зиму
Рыбалка ятиромъ ловывъ въ тіи ричци рыбу;
Рыбалка байдужé, ажъ ось прыйшла весна,
Прыгрило сонечко и съ поля снигъ погнало;
У ричку снигъ побигъ, и Оржыця заграла,

И ятиръ граючы, водою занесла.
„Уже жъ вона мени отутъ сыдыть въ печинкахъ.
Ся ричка каторжна!“—Рыбалка ставъ казать.
„Куць выгравъ, куць програвъ, ось слухай лышень,
жинко:
Пиду я до Сулы скажену позывать!„
И розни де-яки казавъ сердега речи,
Изъ злосты, якъ москаль, усячыну гукавъ;
А дали почепывъ соби саквы на плечи,
У люльку пхнувъ огню, ципокъ у рукы взявъ
И ричку позывать до ричкы почвалавъ.
Чы довго винъ ишовъ, чы ни, того не знаю;
Про те николы самъ Рыбалка не казавъ;
А тильке винъ дойшовъ, якъ слидуе, до краю.
Сула шумыть, гуляе по степамъ.
Рыбалка дывытьця и очи протырае:
Не вирыть самъ своимъ очамъ,
Бо по Сули—чорты-бъ йихъ мучывъ матиръ! —
Плывуть хливци, стижкы, дижкы, усякый крамъ,
И бидного його ныряе ятиръ!
Здыхнувъ рыбалочка та и назадъ попливсь
А що, земляче, пожывывсь?

Ось слухайте, паны, бувайте вы здорови!
Эге, Охрименко дурный:
Пишовъ прохать у повитовый,
Що обидравъ його нашъ пысарь волосный!

Е. Гребинка.

---

52. У Вильни.

У Вильни, городи преславнимъ,
Оце случылося недавно,
Ще бувъ тоди (отъ якъ на те
Не вбгаю въ виршу сього слова)...
Тоди здоровый прездоровый
Зробылы зъ його лазаретъ,

А бакалярив розигналы
За те, що шапкы не ламалы
У Острій Брами... дурня знать
По походу. Отъ же назвать,
Йій-Богу, я його не вмію
Того студента. Що жъ намъ діять?..
То сынокъ бувъ лытовськои
Гордои графыни:
И хороше и богате,
И одна дытына,
И учылось не паначемъ,
И шапку знимало
Въ Острій Брами. Добре було,
Та лыхо спиткало:
Улюбылося сердешне
(Було молодее)
У Жыдивку молодую,
Та й думало зъ нею,
Щобъ сього не знала маты,
Звычайне побратысь,
Бо не можно рады даты.
Що то за проклята!
Мовъ змальована сыдила
До самои ночи
Передъ викномъ и втырала
Заплакани очи:
Бо й вона такы любыла!
И страхъ якъ любыла!
Та на бульваръ выходыла,
И въ школу ходыла
Усе зъ батькомъ, то й не можно
Було рады даты;
И банкырь якый-сь изъ Любська
Жыдивочку сватавъ.
Що тутъ на свити робыты?
Хочъ иты топытысь
До Закрету: не хочетьця
Безъ жыдивкы жыты
Студентови. А жыдъ старый, —

Нибы тее знае,
Дочку свою одыноку
Въ хати замыкае,
Якъ иде до лавокъ въ-ранци,
И найма сторожу—
Стару Рухлю. Ни, небоже,
Рухля не поможе!
Уже де вона на свити
Романъ сей чытала
Зъ шовковою драбынкою!
И Рухля не знала, —
Може сама догадалась;
Тильке заходылась
Та сплела й соби такую,
И въ ночи спустылась
До студента на улыцю.
И де-бъ утикаты,
А воны (звычайне, диты)
Любо цилуватысь
Коло воритъ заходылысь.
А жидъ изъ на-двору,
Мовъ скаженый, выбигае
Зъ сокырою. Горе!
Горе тоби, стара маты!
Нема твого сына:
На улыци валяетьця
Убыта дытына
Убытая жыдовыномъ.
Горе тоби, маты!
Жыдивочка (де та сыла
Взялася въ дытяты?!)...
Выхватыла ту сокыру
И батькови въ груды
Ажъ по обухъ вгородыла!
Оттаке то чудо
У тимъ мисти преславному,
У тій Вильни сталось.
Дывувалысь довго люде,
Де вона сховалась,

Жыдивочка та гадюча,
Що батька убыла?
А вона въ ночи любенько
Въ Виліи втопылась,
Бо найшлы йийи въ Закрети,
Тамъ и поховалы.
А графыня безъ дытыны
Сердешна осталась.
Пойихала у Рымъ, кажуть,
Та десь опынылась,
Та зъ маркызомъ якымсь голымъ,
Кажуть, одружылась.
Може й брешуть, бо, звычайне,
На те воны люде:
И вдовыцю не забудуть,
И тую осудять.

Т. Шевченко.

53. Спрятались.

(Три крестьянина работали въ полѣ возлѣ колодца, глядятъ— скачутъ къ нимъ татары: крестьяне спрятались: одинъ изъ нихъ спрятался въ травѣ, другой взлѣзъ на дерево, третій зарылся въ стоящей копнѣ сѣна. Подъѣхали къ колодцу татары и одинъ изъ нихъ вытянулъ воды и началъ пить).

Крестьянинъ 1. *(Выглядывая изъ травы).*

— Здоровъ пывъ, татарыне!

(Татаринъ мигомъ набрасываетъ ему на шею арканъ).

Крестьянинъ 2. *(Съ дерева).*

— Грыцьку, Грыцьку, круты головою!

(Та же участь постигаетъ и другого крестьянина).

Крестьянинъ 3. *(Высматривая изъ копны).*

— Дурни, дурни! Мовчалы бъ такечкы, якъ и я мовчу!

(Тотъ же арканъ прекращаетъ рѣчь и третьяго).

П. Р.....ій.

---

54. На зміиному острови.

(Отрывокъ).

На свитъ займалось, якъ наши козакы, зпустывшысь зъ кручи, опынылись биля Сульського залыва, що оточуе Зміиный островъ. Посередыни того залыва було плесо, а зъ берега позаростало очеретомъ, рогизомъ и оситнягомъ. По той бикъ залыва пидіймалась высока гора, вкрытая одвичнымъ лисомъ и, скильке окомъ кынуть, мрила темною полосою, мижъ густою зарослею чагарныка. По симъ боци залыва, по надъ самымъ берегомъ, простяглась дорижка, по котрій стричкою сунулысь козакы пиши и конни, а за ными, за кожною ватагою, везлы на пидводахъ мишкы зъ борошномъ, сухарямы, ризаныхъ кабанивъ, и другу харчъ и гналы скотыну на тежъ. Тыхенько подвыгались ватагы по дорожци, не чутко було ни гомону, не бряжчала й броня, неначе чорни хмары передъ бурею, сунулысь воны и збывались до купы...

Оттакъ дойшлы воны до перевоза, де въ завшыршкъ залыва було шыроке плесо. Конни козакы переходылы у плавъ, а пишыхъ и запасы перевозылы лоцманы на човнахъ и каюкахъ. По той бикъ перевоза, на острови, выднилысь розкаты и редуты, насыпанныи пидъ горою, по обомъ бокамъ дорогы...

Довгенько такы простоялы наши сиромы биля перевозу, вже й сонечко зійшло, вже и поснидалы чымъ знайшлось, покы дійшла до йихъ черга переправлятьця. Переплывшы на той бикъ, ажъ здывувались воны, побачывшы таку сылу народу. Скрызь, де воны не проходылы, пидъ кожнымъ деревомъ, кущемъ, кышило людомъ.

На гилляхъ высилы обидрани волови и баранячи туши, ризалы мнясо и клалы въ казаны; по-пидъ горою повыкопувани булы печи; де замишувалы

кисто, а де печеный вже хлибъ шматувалы на сухари и роскладувалы на ряднахъ сушыть. Инши збылысь биля кузень, лагодылы броню, гострылы шабли, насажувалы на спысы ратыща и вылывалы кули. Булы тамъ молодыци и дивчата: де-яки поралысь биля печей и кабыць, а други шылы козакамъ сорочкы и одежу, та зшывалы лантухы на сухари. Де-не-де спивалы кобзари про Вынцеслава, що нагнавъ жыдивъ у Польщу, та малого Гырею... Мисцямы вывишувалы на спысахъ свыткы и запрошувалы прыбулихъ козакивъ поснидать. На прогалынахъ выгравалы скрыпьщи и сопилкы, торохтивъ бубенъ, и козацьтво, ударывшы лыхомъ объ землю, садыло гайдука и выбывало тропака. Вешталысь тутъ попы й дякы, що покыдалы свои парахвіи, втикаючы одъ дряпижныхъ ксьондзивъ; булы й крамари, цехови, чумакы и запорожчыкы въ червоныхъ жупанахъ и кабардынкахъ; не було тильке панивъ, бо тоди ще на Вкраини не було й чуткы про йихъ. Пройшовшы килька гонивъ, Кобза ставъ роспытувать—де Крывонисивъ куринь?

— Ажъ тамъ, на самимъ кинци острова, — одказувалы люде, усмихаючысь, — де печеры, тамечкы осацывся винъ зъ своимы вовхурянцямы, та й глыта ляхивъ, неначе той змій, що колысь тутечкы ховавсь та людей йивъ.

— Та кумедно-жъ и граетьця винъ зъ ляхамы,— додавалы други,—неначе китъ зъ мышою.

— Хто - жъ тутъ у васъ порядкуе? — спытавъ Кобза.

— Нема ще никого, загомонилы козакы,—Крывонисъ прыйма до свого загону тильке богатыривъ, дакъ оце, теперычкы, збираемось обрать соби свого ватажка, такъ нема-жъ у насъ на прымити такого, якъ бы намъ треба.

— Дурный, бачу, вашъ Крывонисъ,—озвався Барыло,—навищо теперычкы богатыривъ? куля й вола повалыть!

— Та вже-жъ його не навчышъ, — бубонилы люде, — завзятый такы винъ зъ биса чоловьяга.

Роспытавшы дорогу, наши козакы, а за ными и други, рушылы до Крывониса по протоптаной стежци...

Въ найдальшимъ кути острова, высока гора шпылемъ подралась до неба, а зъ того шпыля выдко було Лубны и Кыйивськый шляхъ, що по той бикъ Сулы простягся и къ замку князя Вышневецького. У сій-то гори, съ пидъ кручи, неначе скеля, вытрищылысь килька печеръ, де колысь, якъ росказують стари люде, ховався страшенный змій. Одъ сихъ печеръ, полою розляглась чымала поляна, оточеная лисомъ и густою зарослею чагарныка, а тамъ зновъ круто спуськалась гора и обрывыстымъ берегомъ оточувала шыроке плесо и байракъ. На сій то поляни росташовався Крывонисъ зъ своимъ загономъ. Атаманивъ куринь стоявъ посередыни, а на около, мистылысь де прыпало вовхурянци: хто збудовавъ соби зъ лободы та нехворощи халабудку, хто напьявъ на ратыще керею, або свытыну, а деяки, неначе звирря, вызыралы зъ печеръ. Недалечко одъ куреня стрымилы понаставлювани пали зъ зализнымы спысамы и шыбеныци. Бильшъ може, якъ двадцять чоловика ляхивъ, сыдило на тыхъ спысахъ, а де-яки, зачеплени крюкомъ за ребро, моталысь на шыбеныцяхъ. Вси воны булы ще жыви и, въ невтерпучыхъ мукахъ, стогналы и крычалы, благаючы, щобъ йихъ дорizалы, добылы и збавылы одъ лютыхъ мукъ. Страшно розносывся той галасъ по гаю и одклыкався на около луною. На деревахъ тежъ высило килька трупивъ, неначе волови тушi, обидранныхъ ляхивъ; де зъ якыхъ, зъ жывыхъ, здыралы ще шкуру, и тымы шкурамы вовхурянци вкрывалы атаманивъ куринь и свои халабудкы, щобъ заборонытьця видъ доща.

Крывонисъ сыдивъ биля свого куреня, пидкорючывшы ногы, смоктавъ люльку и втишався, дывлячысь на мукы ляхивъ... Бувъ зъ його козарлюга

забисованый. Глыбоко позападалы у лобъ його очи и хыжо, нечоловичымъ поглядомъ, вызыралы зъ ямокъ. Довгый, кистлявый нисъ його якось погнуло на-бикъ, а бороду и шыроку челюсть выперло напередъ. Не пидголене и розпатлане волосся, жорстке, якъ кнуряча щытына, стрымило догоры и закрывало лобъ и товсту шыю. Широки плечи, высоки груды выявлялы въ йому велыку сылу; зъ себе бувъ высокый, кистлявый, мовъ выплавленный зъ самого чугуна. Одягтый винъ бувъ, якъ и прости козакы, тильке въ жовтихъ чоботяхъ, на срибнихъ пидковахъ, мабуть стягнутыхъ зъ замордованного ляха.

Кожный зъ загону Крывониса, що поралысь биля ляхивъ и швендялы по поляни, бувъ зъ себе, тежъ, высокый, гладкый, мордатый, вусатый, и хыжо выглядавъ зъ пидъ-лобья; выдко було що кожного прынялы до гурту зъ пробы, и не дарма прозывалысь воны вовхурянцямы...

Було ще рано, а народу вже чымало такы зибралось биля Крывонисового куриня; не забарылысь и наши сиромы. Ажъ на выду змынылысь воны, глянувшы на мукы ляхивъ и почувшы йихъ галасъ. Хочъ скрывдылы ляхы украинськый людъ и напойилы йихъ нестерпучею, однакъ не втишалысь воны мукамы своихъ ворогивъ, бо ще не загубылы воны свого серця и не стратылы жалю до блыжнього, якъ дряпижни ляхы и патеры, що мордовалы неповынныхъ соби на втиху и на змину виры...

— Здоровъ бувъ, пане-отамане!—поважно промовывъ Барыло, пидходячы до Крывониса, а за нымъ и вся ватага обизвалась, и, знявшы шапкы, вклонылась отаманови.

— Спасыби, паны-молодци, — прогугнивъ Крывонисъ, глянувшы зъ пидлобья на козакивъ,—а чого вамъ треба?

— Та того-жъ, чого й тоби,—одказавъ Барыло,— позбавытьця одъ яропужыхъ ляхивъ и забороныть

святу виру, и наше жыття, и наши козацькыи вольности.

— Добре, паны-молодци, добре; спробуйте-жъ, чы йе у васъ сыла заборонить те, що кажете... Обнесить отси каменюкы,—Крывонисъ показавъ на два камини, обвязани верьовкамы, щобъ латвій було йихъ захопыть, — такъ колы хто зъ васъ обнесе йихъ трычи кругомъ куриня...

— Чулы вже мы про си каминюкы,—перехопывъ Барыло,—ничого розказувать, ничого вже й уверджуватьця. Такъ выбирають не людей, а воливъ, бачъ якый бильшъ потягне, той и дорожчый.

— Батька свого навчы... — прошопотивъ Крывонисъ, насупывшысь.

— Зъ того часу, якъ выгадалы рушныцю и пистоль,—казавъ Барыло,—той ставъ моцнійшый, хто не зхыбыть стриляючы, а колы винъ ще розумный, то сховае тебе у кышеню, дарма що ты уродывся такый запеклый и здоровый козарлюга. Ось подывысь лышень, якъ у насъ сичовыкы стриляють!

Барыло выхопывъ изъ-за пояса пистоль, навивъ на ляха, що одъ мукъ корчывся на пали, выпалывъ — и ляхъ схылывся на бикъ, а зъ про-мижъ очей задзюрчала кровъ...

— Що ты зробывъ, необачный?! — скрыкнувъ Крывонисъ, схопывшысь,—чы ты знаешъ, шо винъ у мене сыдыть вже зъ тыждень на пали? я-бъ йому ще на кильке днивъ протягъ мукъ!..

— Якъ тыждень сыдивъ, —перехопывъ Барыло,— то пора йому вже и вмерты!.. Буде зъ ляха и того, колы винъ видкыда ногы!..

— Чого-бъ ще й бажать!—зареготавшысь, озвалысь де якi.

— Такъ бачу, вамъ иродамъ жаль ляхивъ,—грымнувъ Крывонисъ, пидступаючы до Барыла...

— Нехай воны до твого крывого носа попрылыпають!— одказавъ Барыло, узявшысь за пистоль,— та не дуже, отамане, й грымай; не за тымъ мене

зъ сичи сюды прыслалы, щобъ корыть ляхамы, а щобъ помогты вамъ, дурнямъ, йихъ лущыть...

Крывонисъ, побачывшы що сичовыкъ не дуже його злякався, та й завзятый такы, бо вже й за пистоль хапаетьця, одийшовъ одъ його. Дали, зъ перегодомъ, озырнувся на козакивъ и вже безъ сваркы промовывъ:

— Ось що прыходытьця, паны-молодци: мени треба не розумныхъ, а дужыхъ!.. Мабуть, мижъ вамы нема и одного такого, щобъ, не то що обнисъ каминюкы кругъ куриня, а й зъ мисця йихъ не зворухне?

— Чомъ нема, — озвався Кобза, — може и такый знайдетьця, що й обнесе и занесе твои каминюкы.

— Чы не ты той, що занесешъ? — Спытавъ Крывонисъ, глянувшы на Кобзу.

— Може й той!

— Спробуй, побачымо!

Тымъ часомъ, на той гоминъ, повылазылы зъ своихъ ниръ и халабудокъ вовхурянци и чымала йихъ купа зблызылась до куриня; де-яки посидалы, а други попростягалысь черевомъ на трави, мовъ ти кабаны, и палылы люлькы. Кобза пидийшовъ до каминюкъ, оглядивъ, позамотувавъ рукы у веревкы и твердымъ поступомъ понисъ каминня. Обнисъ кругъ куриня разъ, въ друге и въ третье...

— Глянь, глянь, загомонилы вовхурянци, — не взявъ його катъ, добре пре!.. Пославъ намъ Господь товарыша, — гукалы де-яки, и зъ радощивъ ажъ посхоплювалысь.

Не запынывся Кобза одъ сього покрыку и ще трычи обнисъ каминня кругъ куриня.

— И мени Господь пославъ побратыма, загугнивъ Крывонисъ, — пидходячы до Кобзы, — колы ты такый удався, такъ побратаемось, кажы, якъ ты прозываешся?

— Павломъ, та ще й Кобзою, — додавъ Кобза, трохы запынывшысь...

— Хто-жъ се тоби таке прозвыще прыложывъ?

— Запорожци...

— Яка-жъ съ тебе Кобза? Та й не Павломъ тебе звать, ты будешъ у насъ Павлюгою прозыватьця... Правда, паны-товарыши?—Крывонисъ скынувъ окомъ на своихъ вовхурянцивъ.

— Правда, пане-отамане, такъ, такъ,—загукалы вовхурянци,—нехай буде Павлюга, Павлюга!..

— Пострывай, пане-отамане, — одказавъ Кобза, пыльно глянувшы на Крывониса, — тоди мы зъ тобою побратаемось, и я прыстану до тебе, якъ ты усихъ насъ прыймешъ до свого загину.

— Выбачай, козаче, не то для тебе, и за для ридного батька не змиию своеи регулы.

— Якъ не змынышъ, такъ и не треба,—одризавъ, Барыло,—винъ и у насъ буде Павлюгою. А що, хлопци, такъ, обираете його на ватажка?—скрыкнувъ винъ, озырнувшысь до свого товарыства.

— Такъ, такъ,—гукнулы козакы, нехай буде нашымъ отаманомъ! Нехай буде Павлюгою!..

— Отъ и добре, нехай буде по-вашому, загугнивъ Крывонисъ,—теперычкы вже не обрыдатымуть мени, щобъ прыймавъ до свого загину, буде до кого прыставать, буде кому й людъ той збыть до купы, що вештаетьця по острову, неначе отара безъ вивчаря...—Однакъ козаче, Крывонисъ зблызывся до Павлюгы,—усе-жъ такы мы зостанемся побратымамы и запрысягнемся передъ Господомъ не вложыты въ пыхву нашихъ шабель и не покынуть спысивъ, покы не выкоренымъ на Враини усихъ ляхивъ и ксьондзивъ!

— Та вже-жъ, бачъ, одказавъ Павлюга,—не зъ тымъ и узялысь за шабли, щобъ тее укладуватъ, колы Господь поможе, то й выкоренымъ...

А. Стороженко.

---

55. Ой бувъ, та нема.

Ой, бувъ, та нема,
Та пойихавъ до млына,
Бидна моя головонько,
Сама спаты лягла.
И учора не бувъ,
И сьогодня не бувъ,
Ой, мабуть ты, серденько,
Мене вовси забувъ.
Ой, я не забувъ,
Та розсердывся бувъ,
Та за тіи пырогы,
Що пойилы ворогы.
Ой, я не забувъ,
Та чобитъ не добувъ,
А въ батьковыхъ не пишовъ,
Бо немае пидошовъ.
А въ братовыхъ не хочетьця,
Бо устилка волочытьця;
Сестра-жъ своихъ не дала,
Бо сама гулять пишла.
Ой, де-жъ ты була,
Моя, не чужая?
За яромъ брала льонъ,
Такы не гуляла.
Ой, де-же ты була,
Забарылася?
На дирявимъ мосту
Провалылася!
Ой, бисъ тебе нисъ
На дирявый мистъ,
Ты-бъ була ухватылась
За собачый хвистъ!
Хто-жъ тебе завалывъ?
Та козакъ Северынъ!
Хто-жъ тебе рятувавъ?
Чорноморецъ Иванъ!
Ой, чы винъ, чы не винъ,
Не ходы-жъ ты у двиръ,
Та не ходы въ ворота,
Та не сушы жывота!
Ой, буду ходыть,
Буду вирно любыть,
Бо безъ тебе мени
И на свити не жыть!
Ой, дивчыно моя,
Ты же моя маты!
Дай мени вечеряты
Хочъ середъ хаты.
Я-жъ не топыла,
Я-жъ не варыла,
Якъ по воду ишла,
Видра побыла.
Видра побыла,
Пичь розвалыла...
Ой, дивчыно-любко,
Що-жъ ты зробыла?..
На базари була,
И горилку пыла,
И росады накупыла,
У горо́ди насадыла.
И росада моя
Добре прынялася,
Хорошая дивчына
Полюбылася!
И капуста моя
И качаннячко,
Вирнее зъ козакомъ
Женыханнячко.
Не ходы-жъ ты на лидъ,
Бо завалышся,

Чы ты мене вирно лю-
бышъ,
Чы ты чванышся?
Ой, пиду по льоду,
Та й не завалюся,
Бо я тебе вирно люблю,
Та й не прызнаюся!
Не ходы по-пидъ тыномъ,
Бо я тебе перекыну;
Перекыну я тебе,
Що не любышъ мене.
На горóди огиркы,
Сами пупьянкы,
Чортова парубота,
Сами шушвалкы!
На горóди огиркы
Тонко стелятьця,
Чортова парубота
Довго сердытьця!
Серебряный перстинь,
Золотая проба,
Изсушыла, сокрушыла
Молодця до гроба.
Ой, дивчыно моя,
Переясливко,
Дай мени вечеряты,
Моя ластивко!
Ой, я-жъ сьогодня
Въ хати не топыла,
Якъ по воду ишла,
Видра побыла.
Я-жъ не побыла,
Постановыла,
Изъ горы скотылись,
Та сами й побылысь.
Ой, дивчынонька моя
Та розгнивалась була,
Розсердылась, розгнива-
лась,
Вечеряты не дала.
А хочь дала вечеряты,
Та не дала ложкы,
Насыпала въ черепочокъ,
Якъ собаци трошкы.
Я пойивъ, похлеставъ,
Та й голодный уставъ,
Писля того розсердывся,
Лаять дивчыну ставъ.
Ой полаялысь мы,
Та посварылысь,
А якъ ляглы удвохъ
спать,
Тоди помырылысь.
Ой, дивчыно моя,
Переясливко,
Поцилуй-же мене,
Моя ластивко!
Ну, такъ що-жъ, ну, такъ
що-жъ,
Заразъ поцилую,
Та у твою губоньку,
Та у золотую.
Уа у твій усочокъ,
Якъ у колосочокъ,
Та у твои бривонькы,
Чорни, якъ шнурочокъ!

56. Якъ лучше въ свити жыть.

(Водевиль.)

Прокипъ.

Хто добре пье, той знай все спыть;
А хто все спыть, той не гришыть.
Чого-жъ намъ тутъ вередуваты?
Прыньмимось лыша кулыкаты,
То й вродытьця добро той часъ.
Не буде сваркы,
Не буде лайкы,—
Горилочка зупыныть насъ,
Якъ напьемось та й полягаемъ,
Прокынувшысь, давай зновъ пыты;
Та такъ соби и прогуляемъ.
А що, Тымоше, якъ?

Тымишъ.

Такъ-такы, такъ.

Прокипъ.

Колы-жъ тутъ лаятысь и бытысь?
Зъ горилкою намъ добре жыты!

Прокипъ.

Хоромъ. Вмѣстѣ.

Колы-жъ тутъ лаятысь и бытысь?
Зъ горилкою намъ добре жыты!

В с ѣ.

Оттутъ то лаятысь и бытысь!
Зъ горилкою намъ лыхо жыты!

Одарка.

Якъ жинка стане мужыка
Товкты и вчыты, часто быты,—
Тоди намъ добре буде жыты!

Теперъ-же правда въ васъ яка?
Куды не повернысь, старши воны,—
Мужыкъ дуріе,
На все винъ сміе,
Не слухае ни въ чимъ жоны.
Ось нуте лышень намъ пиддайтесь,
Пидъ нашу дудку гоцака
Скачить, мовчить и не брыкайтесь,
А що, Тымоше, якъ?

Тымишъ.

Такъ-такы, такъ.

Одарка.

Нехай вчыть жинка мужыка,
То й правда буде не така.

Одарка.

Хоромъ. Вмѣстѣ.

Нехай вчыть жинка мужыка,
То й правда буде не така.

В с ѣ.

Не вчыты жинци мужыка!
На свити правда не така.

Олексій и Уляна.

Тоди на свити правда стане,
Тоди добро мижъ насъ прогляне,
Якъ щыра буде въ насъ любовъ,
Не буде лайкы, ни розмовъ.
А що, Тымоше, якъ?

Тымишъ.

Такъ-такы, такъ.

Олексій и Уляна.

Якъ станемо уси любытысь,
За що намъ буде вже сварытысь?

В с ѣ.

Якъ станемо уси любытысь,
За що намъ буде вже сварытысь?

Скорикъ.

Въ паходахъ всюды пабувавъ,
Какыхъ земель не павыдавъ!
Такъ знаю всё, и вотъ порада:
Впередъ всево такъ треба—нада
Увесь народъ ва фрунтъ паставить,
Меня фельдфебелемъ наставить.
Муныцю бережы,
Аль пряжку падвяжы,
Кагда-жъ судьямъ тутъ браты взяткы?
И лѣкарямъ народъ морыть?
Кагда женамъ мужей, дурыть?
Кагда матать вамъ безъ аглядкы?
На зло не будетъ часу: вирно!
Чуть што не такъ, каманда „смирно“!
И фуктель наказалъ имъ бравой,
И „съ мѣста маршъ всѣ: лѣвой, правой!“
И въ ногу будутъ всѣ хадить,
Кагда-жъ тутъ ссоры завадить?
А што, товаришъ, какъ?

Тымишъ.

Такъ-такы, такъ.

Скорикъ.

Ахъ, матушка, военна служба!
Въ тебѣ одной любовь и дружба!

В с ѣ.

Ахъ, матушка военна служба!
Въ тебѣ одной любовь и дружба!

Стецько.

Ось и я до васъ вернувся,
Ось и я вже схаменувся;
И женытыся не буду,
Ни до вику, ни до суду,
Своимъ дитямъ закажу:
Не казитесь,
Не женитесь.
Такъ и батькови скажу:
А чому винъ оженывся?
Я-бъ безъ його народывся.
Всякъ про щастя все пытае,
А того нихто не знае,
Що тоди-бъ прыйшло добро,
Якъ-бы не женывсь нихто.
А що, Тымоше, якъ?

Тымишъ.

Такъ-такы, такъ.

Стецько.

Хоромъ. Вмѣстѣ.

Оттоди-бъ прыйшло добро,
Якъ-бы не женывсь нихто.

В с ѣ.

Отъ и згынуло-бъ добро,
Якъ-бы не женывсь нихто.

Тымишъ.

Гай, гай, товкуете объ чимъ!
Тоди добро мы будемъ знаты,
Якъ що небудь не такъ зовсимъ,—
А намъ не спорыть, а казаты:
Та такъ-такы, такъ.
Хочъ луплять волость пысари;
Жинкы у гречку знай все скачуть,

Въ горилку воду шынкари
Знай льютъ; та що робыть? вси кажутъ:
Та такъ-такы, такъ.
Багатый дметьця, мовъ шкуратъ,
И часомъ бреше, пальци знаты!
Самъ бачышъ,—винъ чортяци братъ,—
Не треба спорыть, а казаты:
Та такъ-такы, такъ.

(Къ зрителямъ).

А що чы можна васъ спытать?
Чы сватаннямъ вамъ не остылы?
Якъ ничого про те сказать,—
Плеснить, панове мои мыли!..
Оттакъ, оттакъ!

(Ф и н а л ъ).

В с ѣ.

Покы добра на свити ждаты,
Такъ намъ оттутъ хиба дриматы?
А ну! Почнимъ лышень гуляты!
Горилка йе, музыка гра.
Дивчата! Нуте танцюваты!
Тра-ра ра-ра, тра-ра ра-ра!

(Общіе танцы).

(Изъ оперы „Сватання на Гончаривци").

Гр. Квитка.

---

57. Любовь за гроши.

Мавъ я жинку, мавъ я любку,
Мыла та вродлыва!..
Докы мавъ я гроши въ банку,
То мени годыла!..
Було тулытьця гарненько
День и ничъ до мене:
„Ходы сидай, поцилую,
Мій любый Семене!

Якъ пойидемо до миста,
Що хоче—купуе,
А я платю, та й байдуже,
Що жинка пустуе!
Гарне було пожывання...
Що-сь рокивъ съ чотыри!
Схаменулыся лышъ тоди,
Якъ гроши спустылы!
Кажу: жинко моя мыла!
Що-жъ будемъ робыты?..
Я задумавъ на роботу
Въ панськый двиръ ходыты;
Ты жъ уміешъ дуже гарно
Шыты, гаптуваты,—
Давай будемо у двохъ мы
Хлиба заробляты.
Якъ почала моя жинка
Нибы щось робыты,
То тоди вже перестала
Мыло говорыты!
Тильке й чуты, що проклены,
Сварка та стогноты,
Якъ було прыйду до-дому
Ввечери зъ роботы.
А теперке—рикъ мынуло,
Якъ йийи немае...
Подалася соби въ городъ!
И тамъ... вышывае!
Допытався я до неи,
Кажу: йидь до-дому,
Бо ты жинка моя ридна,
Не робы сорому!..
(Проза): А вона мени й каже:
„Не пойиду! Не пойиду!..
Ты брыдкый для мене!
Бо я люблю тильке гроши,
Отъ и знай, Семене!
Бо я жинка молодая,
Гарни очи маю,

И карбованцивъ по десять
Що - дня заробляю!..
Маю йисты, маю пыты,
Ни чымъ не журюся!..
Колы схочу, тоди встану,
Модно одягнуся!..
И теперъ усе паны, бачъ,
Коло мене бродять!
Одни выйдуть!.. Други прыйдуть!..
А трети надходять!..“
Склавъ я рукы, та й подумавъ:
Шкода жъ мени, шкода!
Що—жъ подіешъ, люде добри,
Така теперъ мода!

Ив. Бездольный.

---

58. Цапъ.

„Мабуть нема уже на свити правды!
Мабуть вона уже за море утекла!
Чымъ я одъ Муцыка поганьшый справди?
А пани те щеня учора прывезла, —
Сьогодня вже йому и дзвоныкъ почепылы.
Та якъ моторно винъ бряжчыть,
Якъ Муцыкъ, бублычкомъ задравшы хвистъ, бижыть
Та гавкае на мыръ, що сылы!“
Такъ навиженный Цапъ на ввесь окилъ гукавъ.
Хазяинъ, ричь таку почувшы,
(А по цапыному винъ де—що розмышлявъ)
Йому на шыю дзвоныкъ намотавъ.
Здуривъ скаженый Цапъ, рижкы назадъ загнувшы,
Махнувъ боридкою, замекавъ, заскакавъ
И геть-то честію такою запышався;
Та швыдко ставъ йій и не радъ:
Бо тильке Цапъ стрыбне у панськый садъ,
На шыи дзвинъ—дзень, дзень! Народъ заворушывся,
И гостя въ тры—шыя въ кошару мусять гнать.

Прыйшлось бидаси пропадать!
Пройшло йому те времня, що бувало,
Махнувъ де здумавшы, куды—бъ то ни попало,
Пойивъ, пообгрызавъ—и слидъ пропавъ,
А выбига и долынкы и горы,
Де бувъ-то пожывывсь, нихто того не знавъ.

Эге, я правду вамъ казавъ:
Нащо було Паньку прохатьця въ прокуроры!

Е. Гребинка.

59. Зеленый дубъ.

Сивъ батько зъ двома сынамы обидаты у лиси.

Узялыся до гарячого борщу. Покуштувавъ одынъ сынъ — пече.

— Та й дубъ—же!—Каже.

И другый сынъ покуштувавъ:

— Та ще й зелененькый,—каже.

А батько заслухавсь, про що воны балакають, та якъ сьорбоне тоди повнымъ ротомъ того борщу, якъ пидскочыть:

— А що—бъ же вы, сынкы, на тому дубови повыслы!

Б. Гринченко.

60. Батько та сынъ.

У буденный день зайшовъ батько зъ сыномъ у кабакъ горилкы выпыть; выпылы добре та й идуть додому, обнявшысь, а назустричъ йиде сусидъ, везе косаривъ на степъ.

— Хазяйинуемо мы, тату, — каже сынъ — бодай чортъ нашого батька попохазяйинувавъ!

— Чіего, сынку, батька?

— Та якъ що жалко вамъ, тату, свого, такъ нехай мого!

Александръ Пивень.

61. Сины.

Вси спивають: сины, сины!
Тильке кажный на свій ладъ.
Ось и я вамъ про ти сины
Де—що маю заспивать.
Якъ у васъ гроши позычають,
То готови душу вамъ виддать,
А якъ прыйдешъ получаты,
Кажуть: въ синяхъ пидождать.
Аблакатъ за васъ хлопоче,
Скризь прошенья подае,
На суди винъ гарно бреше,
А вже въ синяхъ продае.
Заведить вы въ клуби бучу,
До васъ гарно пидойдуть.
И попросять зъ залы выйты,
А вже въ синяхъ накладуть
Я багацко вамъ, панове,
Де - чого тутъ набрехавъ,
Треба видсиль утикаты,
Щобъ хто въ синяхъ не наклавъ.

---

62. Гарасымъ.

Ой, якъ клыкавъ мене,
Гарасымъ, Гарасымъ,
Гарасымъ, Гарасымъ,
Щобъ я пишла
Гулять зъ нымъ, гулять
зъ нымъ,
Гулять зъ нымъ, гулять
зъ нымъ,
Щобъ я пишла
Гулять зъ нымъ.
А я Гарасыма
Не люблю, не люблю,
Не люблю, не люблю,
И гулять зъ нымъ
Не пиду, не пиду,
Не пиду, не пиду,
И гулять зъ нымъ
Не пиду.
Ой, мыленькый мій
Грасымочку, Грасымочку,
Грасымочку, Грасымо-
чку,

Пусты коня
Въ долыночку, въ долыночку,
Въ долыночку, въ долыночку,
Пусты коня
Въ долыночку.
Якъ пустывъ коня
Бъ долыночку, въ долыночку,
Въ долыночку, въ долыночку,
А самъ запывъ
Горилочку, горилочку,
Горилочку, горилочку,
А самъ запывъ
Горилочку!
Якъ запывъ Гарасымъ
Горилочку, горилочку,
Горилочку, горилочку,
Та на цилую
Недилочку, недилочку,
Недилочку, недилочку,
Та на цилую
Недилочку!
Ой, пидъ лисомъ
Дубыною, дубыною,
Дубыною, дубыною,
Косывъ ячминь
Сокырою, сокырою,
Сокырою, сокырою,
Косывъ ячминь
Сокырою!
Ой, тамъ дивкы
Громадылы, громадылы,
Громадылы, громадылы,
Гарасыма
Прынадылы, прывадылы,
Прынадылы, прывадылы,
Гарасыма
Прынадылы!
Та воны-жъ його
Пидманылы, пидманылы,
Пидманылы, пидманылы,
Горилкою
Пидпойилы, пидпойилы,
Пидпойилы, пидпойилы,
Горилкою
Пидпойилы!
И каптанъ йому
Пидризалы, пидкройилы,
Пидризалы, пидкройилы,
Каптанъ йому
Обризалы, обкройилы,
Обризалы, обкройилы,
Каптанъ йому
Пидкройилы!
Ой, ты, хлопче
Чорноусый, чорноусый,
Чорноусый, чорноусый,
Чого въ тебе
Жупанъ куцый, жупанъ куцый,
Жупанъ куцый, жупанъ куцый,
Чого въ тебе
Жупанъ куцый?
Вражи кравци
Не вгодылы, не вгодылы,
Не вгодылы, не вгодылы,
Та жупанъ мій
Вкоротылы, вкоротылы,
Вкоротылы, вкоротылы,
Та жупанъ мій
Вкоротылы!
Ой, якъ зароблю я
Купу грошей, купу грошей,

Купу грошей, купу грошей,
Та пошыю
Каптанъ довшый, каптанъ довшый,
Каптанъ довшый, каптанъ довшый,
Та пошыю
Каптанъ довшый.
Та якъ надину
У недилю, у недилю,
У недилю, у недилю,
Скажуть люде,
Що до-дила, що до-дила,
Що до-дила, що до-дила,
Скажуть люде,
Що до-дила!
Та усимъ хлопцямъ
На досаду, на досаду,
На досаду, на досаду,
А дивчатамъ
На прынаду, на прынаду,
На прынаду, на прынаду,
А дивчатамъ
На прынаду!
А дивчына Дунька
Вкохаетьця, вкохаетьця,
Вкохаетьця, вкохаетьця,
Та зо мною
Звинчаетьця, звинчаетьця,
Звинчаетьця, звинчаетьця,
Та зо мною
Звинчаетьця!

---

63. Будякъ та коноплыночка.

„Чого ты такъ мене, ледащо, въ бокы пхаешъ?“
На коноплыночку въ степу Будякъ гукавъ.
— „Та якъ росты мени? и самъ здоровъ ты знаешъ,
Що землю въ мене ты съ пидъ коринця забравъ“.

Бува и чоловикъ сьому колючци пара:
Людей товче, та й жде, щобъ хто його кохавъ!
Я бачывъ самъ такыхъ, и може-бъ показавъ,
Та цуръ йому! боюсь: росержу комысара.

Е. Гребинка.

64. Старшына.

Разъ обралы соби люде старшыну. Отъ и запышався новый старшына; зробывся такый пановытый, що й пидступыты до його страшно. Сыдыть яко-сь новый старшына на рундуци и бачыть, що хтось йиде селомъ. Погукнувъ старшына на свого небожа:

— Бижы мерщій та спытайся, що воно за птыця така йиде черезъ мое село.

Кынувся хлопець мыттю доганяты; бижыть та гука на пройизжачого, щобъ пидождавъ. Стало. Пидбига хлопчыкъ.

— Чого тоби треба?—пыта пройизжачый.

— Та нашъ новый панъ-старшына звеливъ спытаты, що вы за птыця така тутъ йидете?

— Скажы своему новому старшыни, — озвавсь пройизжачый, — що и ты дурень, и старшына дурень.

Вернувся хлопець. Старшына пыта:

— А що?

— Та то якый-сь знайомый.

— Якъ?

— Та такъ: и васъ знае, и мене знае.

— Якъ-же винъ знае?

— Та казавъ, що й вы дурень, и я дурень.

— Замовкъ старшына. Съ того часу вже никого не пытався.

Б. Гринченко.

65. Закоханый!

Любывъ, любывъ! Любыть тебе я буду...
Моя! Моя! Моя будешъ по-викъ!
По-викъ, по-викъ я мылу не забуду!
Повирь! Повирь! Я честный чоловикъ.

Не йимъ, не сплю, ходыты вже не можу...
Тебе лышъ жду!.. Тебе все выглядаю...
Нема, нема! И серце я тревожу!..
Прыйды! Прыйды!—безъ тебе помыраю.
Якъ мы удвохъ въ садку, або въ хатыни,
Никымъ, никымъ тоди я такъ не радъ!..
Тоди! Тоди! — Одній мойій дружыны
Оддавъ давно кохання свого чадъ!
О—будь, о будь по всякый часъ ты повна...
Коханнямъ! Й я безъ миры нымъ упьюсь!
Головочка твоя для мена такъ чаровна,..
А шыйка биленька, до неи прыхылюсь!
(Выймае зъ пазухы бутылочку монопольки).
Теперъ мы вдвохъ съ тобой, моя биленька,
Не дамъ, не дамъ никому я тебе!..
Такая ты для мене солоденька!..
Тоби одній ввиряю я себе!
И тило, и душу на-викъ тоби ввиряю,
И въ серци безъ тебе чую якъ-бы кольку!
Тоди лышъ счаслывый, колы я выпываю
И билу, и чысту нашу монопольку!

Ив. Бездольный.

---

66. Якъ два кума кожухъ пропылы.

Ишлы одынъ разъ два кума изъ города додому, у свое село. Ишлы воны довгенько и дуже поморылысь. Зъ утра було холодно и падавъ снигъ, а къ обиду зробылось тепло та соняшно. Одынъ зъ йихъ бувъ не дуже удягнутый, а другый убехався у ватяну одежу, та ще й кожухъ зверху здоровый надивъ, такъ йому идты було дуже важко,—не пидъ сылу.

— Охъ, куме Овсію, якъ же-жъ и важко! каже винъ.—Оцей кожухъ у мене усю сылу вымотае!

— А вы-бъ, куме Гордію, його скынулы!

— Та й я такъ думавъ, та де-жъ його динешъ? Адже-жъ все равно треба його несты?

— Та давайте, я понесу! У мене одежа легка, а вы бачъ якъ одяглыся, що й не пидийдете.

— Отъ спасыби вамъ, куме Овсію, за вашу ласку! каже той. Скынувъ винъ кожухъ та й оддавъ кумови.

Идуть воны та й идуть, колы ось надъ дорогою стоить кабакъ, що добри люде зайизжають зъ дорогы перегритьця та чарку горилкы выпыть зъ морозу.

— Эхъ, добре було-бъ, якъ-бы оце зъ дорогы чарку горилкы выпыть, та трохы виддыхнуть,—каже кумъ гордій, — та тильке грошей катъ-ма, якъ на грихъ.

— Та ничого. Хочъ и грошей нема, а такы зайдемо,—каже кумъ Овсій.

Зайшлы. Посидалы на лави, а кумъ Овсій и каже до шынкаря:

— А ну, всыпте намъ пивкварты горилкы, та чого-небудь и закусыть подайте, бо, прызнатьця, мы такы дуже голодни.

Той подавъ йимъ горилкы и кой якои стравы.

Выпылы воны горилку, закусылы добре, а кумъ Овсій упьять гукае на шынкаря:

— А подайте намъ ище пивкварты!

Зачалы воны упьять пыть горилку, а дали кумъ Гордій и пытае кума Овсія:

— Чы у васъ-же, куме, гроши йе?

— Нема.

— Ну, и въ мене-жъ нема! Чымъ-же платыть будемъ?

— Ничого, куме, не журитьця, чымъ-сь заплатымо! Мовчить, лышень! Я самъ про те знаю. Найдемо що-сь лышнье та шынкарю й заставымо, а колысь, якъ будуть гроши, вернемо назадъ.

Не розчовпавъ добре кумъ Гордій, що йому плете кумъ Овсій, та й каже:

— Чы такъ, то й такъ! Ну, такъ выпьемо, куме!

Выпылы воны и другу пивкварту та потребувалы третю. Скоро обыдва воны поробылысь пьяни и, обънявшысь на лави, спивалы писню. Черезъ якый часъ и третя пивкварта була пуста, а кумы попростягалысь пьяни, одынъ на лави, а другый на доливци, и харчалы якъ коты на ввесь кабакъ.

Довгенько воны спалы, бо на двори уже й звечерило. Кумъ Овсій прочумався первый. Схватывся винъ, пидійшовъ до шынкаря та й оддавъ йому Гордіивъ кожухъ за страву та за выпыту горилку. Выпросывъ винъ за кожухъ ище одну пивкварту, щобъ похмелытьця, та тоди збудывъ и кума Гордія. Выпылы воны и цю пивкварту, похмелылысь добре та й пишлы тоди додому. Идуть та й идуть. Изразу кумъ Гордій забувъ про свій кожухъ, такъ горилка забыла йому паморокы! А дали, якъ пройшлы воны уже чымало и сталы пидходыть до свого села, згадавъ винъ про кожухъ, та й пытае:

— Куме Овсію! А де-жъ це мій кожухъ?

— Якый?

— Та мій собственный!

— Не знаю.

— Та якъ-же не знаете? Аже-жъ мы, куме,-сьогодня зъ вамы изъ города йшлы?

— Йшлы.

— И до кабака прыйшлы?

— Прыйшлы.

— Мени-жъ стало жарко?

— Жарко.

— Я-жъ кожухъ изъ себе знявъ?

— Знявъ.

— И вамъ отдавъ?

— Оддавъ.

— А де-жъ винъ?

— Та хто?

— Та кожухъ мій?

— Якый?

— Та мій-же риднесенькый! Той що на мени бувъ?

— Та не знаю.

— Оце, лыхо! Якъ же вы не знаете? Аже-жъ мы зъ вамы сьогодня изъ города йшлы?

— Ишлы.

— И до кабака пидійшлы?

— Пидійшлы.

— Мени-жъ стало жарко?

— Жарко.

— Я-жъ кожухъ изъ себе знявъ?

— Знявъ.

— И вамъ оддавъ?

— Оддавъ.

— Та де-жъ винъ?

— Э, такъ постойте, куме... Я щось забувъ... Дайте мени подумать...

Заходывсь кумъ Овсій чухать и спыну и потылыцю, та все думавъ; а дали пидійшовъ блыжче до Гордія, та й каже:

— Теперъ знаю, де кожухъ!

— А де?

— Аже-жъ мы, куме, до кабака дійшлы?

— Дійшлы.

— И въ кабакъ увійшлы?

— Увійшлы.

— Вамъ же, куме, выпыть зъ дорогы захотилось?

— Захотилось.

— Мы-жъ тамъ йилы и пылы?

— Иилы и пылы.

— И пьяни булы?

— Та й пьяни булы.

— А грошей за горилку мы-жъ не оддалы?

— Ни, не оддалы.

— Такъ ото-жъ мы, куме, и не вчулысь, якъ мабуть вашъ кожухъ пропалы!

Александръ Пивень.

---

67. Гей, послухай, жинко моя!

Гей, послухай, жинко моя,
Не лайся зо мною!
Ты такъ дурно коверзуешъ,
А сама выною!
Не потурай, щобъ ты була
Старше чоловика,
Бо за це тоби, йій—право,
Я вкорочу вика!
Всѝ бебехы обибью,
Общыпаю парши,
А все-такы докажу,
Що я тебе старшый.
Якъ апостолъ пры вйнчанни
Намъ про це толкуе:
Жинка мужа шануючы
Зодягне, зъобуе.
Та й прылипытьця вона
До своего мужа,
Якъ до вбога-сыротыны
Лыпне всяка нужа!
И составлять плоть едыну,
Щобъ законнымъ диломъ
Изъ ребра достать дытыну,
Назвать Самуиломъ.
И любыты, и кохаты
Тее анголятко
Звисно такъ, якъ його люблять
И маты, и батько.
Ой, покы я не женывся,
Поты й не журывся:
Ложкою та мыскою,
Чашкою, колыскою.
Ой, якъ оженывся,
Тоди й зажурывся:
Оттоди вже якъ та пташка
У клитци, забывся!

Треба й качалочкы,
Треба й кочережкы,
Щобъ то жинка не дала
По плечахъ мережкы!

---

68. Жытейськый досвидъ.

На свити такъ усе бувае:
Якъ задзвенить, такъ и лунае,
Чого насіявъ, те й пожнешъ,
Чого надбавъ, те й пожывешъ.
    Яке въ земли бува кориння,
    Таке въ рослыны и насиння,
    Яка земля, така й бакша,
    По очахъ знать, яка душа.
Якый пастухъ, така й скотына,
Яки батькы, така й дытына;
Яка ступня, такый и слидъ;
Якый заводъ, такый и плидъ.
    Якый салдатъ, така и бытва,
    Якый молець, така й молытва;
    Якый купець, такый и крамъ;
    Якый слуга, такый и панъ.
По ликарю бува и зилля;
Яке выно, таке й похмилля;
По кухарю бува й кулишъ:
Якъ наварывъ, такъ самъ и зйижъ...
    Яка вода, така и крыга!
    Якый письмакъ, така и кныга;
    По розуму бува и смихъ,
    А по робитныкови й спихъ!
Шевця вже выдно й по халяви;
Суддю мы знаемъ по розправи,
А къ тому ще мовлявъ мудрець:
Якый почынъ, такый кинець!

Ц. Билыловськый

---

69. Чы высоко до небо?

Що пьять верстовъ, то й коршомка:
Ничого й личыты!..
Бо пьять верстовъ якъ пройидешъ,
Треба й видпочыты!..
Ото йидуть изъ ярмарку
Двое господаривъ.
У кожного визъ порядный,
Волыкивъ по пари.
Йидуть соби помаленьку,
Грошенята мають,—
Полягалы на соломи
Та й думу гадають...
Дали одынъ пробудывся
Зъ глыбокои думы,
Повернувся на соломи:
— Чы спышъ, каже, куме?
— Що говорышъ?—другый каже!
— Чы спышъ? я пытаю.
— Та не сплю ще, каже, куме,
Тильке що дримаю.
— Не дримай же на годынку,
Та глянь противъ неба.
Скильке-бъ верстовъ такъ до неба
Пройихаты треба?
— Та Богъ його Святый знае
И добріи люде!
Я думаю, що не бильше,
Якъ пьять верстовъ буде.
— Гуттю, куме! та се баба
Тоби набрехала:
То якъ-бы пьять верстовъ було,
Тамъ коршма бъ стояла!

С. Руданськый.

---

70. Вулыця.

Ой, пье, гуде вся вулыця,
До кобзаря всякъ тулытьця;
Кобзарь писень вышукуе,
Та голосно выгукуе:
„Гей, парубкы, дивчатонька,
Отсе вамъ вся порадонька!
Я спивамы й музыкою
Все горе вамъ розмыкаю!“
Ой гра кобзарь, не журытьця,
А дидъ Петро знай хмурытьця,
Бо тихъ писень про кралечку
Не любыть дидъ ще змалечку.
Въ школи вчывъ винъ указныкы,
Де пысано, що въ празныкы
Не можна, бачъ, пидъ хатамы
Водыть танкы зъ дивчатамы.
Ой, гра кобзарь, трындыкае,
А дидъ Петро выклыкуе.
„Кобзарю, цыть зъ музыкою,
Бо чубъ тоби обсмыкаю!
Нехай народъ послухае,
Та правдонькы понюхае,
Якъ я скажу зъ Пысанія
Про бисовськи плясанія“.
Почавъ дидусь росказувать,
Та ще й лысты показувать,
Що буцимъ винъ для памьяты
Спысавъ колысь изъ граматы.
Стоить Петро, росказуе,
Та мовъ квачемъ розмазуе.
А парубокъ русявенькый,
Молоденькый та жвавенькый
Край дида ставъ та дывытьця —
Тай крывытьця, тай крывытьця.
Отъ-отъ бы вже розрюмався...
А дали мовъ роздумався:

Вхопывъ лысты попысани
Та й лясь Петра по лысыни!
„Отсе тоби, дидусеньку,
Та за мою Марусеньку,
Щобъ не втишавъ сопилкою,
Не частувавъ горилкою!“

Н. Шамраевъ.

71. Шынокъ.

Не велыку й не багату
Чоловикъ постройивъ хату,
Та й поставывъ у сели,
Коло миста, на шпыли.
Потимъ винъ, якъ въ клитци пташку,
Надъ викномъ повисывъ пляшку,—
И якъ витеръ похытне,
Пляшка визьме та й кывне.
И хиба-жъ воно одъ вику
Тее можна чоловику,
Щобъ, якъ пляшка закыва,
Не здурила голова?
Отъ якъ пляшка закывае,
Винъ до шынку й повертае;
Сяде, гляне въ постовець, —
Та й потягне гаманецъ,—
И вже грошей и не личе...
Чоловиче, чоловиче!
Що въ тій бочци он-де йе,—
Все воно до дна твое!
Тамъ сыдыть твій заробитокъ,
Тамъ лежыть худоба дитокъ,
Сино те, що ты косывъ,
Жыто те, що Богъ вродывъ;
Тамъ твоя свытына сира.
Хомуты, ярмо, сокыра;
Дрова ти, що ты продавъ,

Садовына, що збиравъ;
Сылы ти, що йихъ не стало,
Те здоровья, що пропало;
Сльозы жинкы, серця мичь,
Пьяна лайка день и ничъ...
Все воно туды пирнуло,
Все въ тій бочци потонуло;
А вона все тежъ одна—
И безъ верху, и безъ дна!
Чую—витеръ повивае,
Пляшку хылыть та хытае;
А вона соби кыва
Та до шынку зазыва.

Я. Щеголевъ.

---

72. Панъ.

Якый-сь десь панъ ясновельможный,
И гордый и заможный,
(А може бувъ то й ляхъ),
Якъ-разъ утрапывъ на свій шляхъ,
У пекло до Плутона.
Не вспивъ видважыть ще й поклона,
Якъ тутъ спытавъ його Еакъ:
— „Ну, на тимъ свити що ты, якъ,
Чымъ бувъ ты, де родывся?
Якъ жывъ и чымъ жывывся?
Ты передъ намы не гришы,
Кажы лышъ правду, не брешы!“
Панъ глянувъ: передъ нымъ мужыкъ!
А панъ нашъ не прывыкъ,
Щобъ такъ мужыкъ зъ нымъ объяснявся.
„Я зъ польскего йестемъ панства“.
Вельможный дызомъ видповидавъ:
„ До пивдня спавъ, до пивночи обидавъ,
Бувъ властнымъ паномъ на Волыни“.
— „За сее тоби пасты свыни!“

Еакъ такъ пану прысудывъ
И вельмы сымъ Плутонови вгодывъ.
Якъ-бы и въ насъ такымъ судомъ судылы,
Багацько—бъ свынопасивъ наробылы!

П. Гулакъ-Артемовськый.

---

73. Северинъ.

(Эта хоровая пѣсня поется слѣдующимъ образомъ: хоръ, состоящій изъ мужчинъ и женщинъ, раздѣляется на двѣ части: по одну сторону становятся мужчины, по другую—женщины; одна изъ женщинъ, ставши спереди, исполняетъ роль запѣвала; одинъ изъ мужчинъ, также ставшій спереди другихъ, изображаетъ Северина и простой, разговорной рѣчью (октавой) отвѣчаетъ каждый разъ на припѣвы запѣвала.)

Запѣвало.

Северинъ, Северинъ,
Севериночку!

Северинъ.

Чого?

Запѣвало.

Посватай у насъ
Та дивчыночку!

Северинъ.

На биса вона мени здалась!

Х о р ъ.

Северинъ, Северинъ
Севериночку!
Посватай у насъ
Та дивчыночку!

Запѣвало.

Въ нашои дивчыны
Карыи очи.

Северинъ.

О-ба, яки кари, якъ у жабы!

Запѣвало.

Вона гуляе
Ажъ до пивночи.

Северинъ.

Нехай гуля, абы добра була!

Х о р ъ.

Въ нашои дивчыны
Карыи очи,
Вона гуляе
Ажъ до пивночи!

Запѣвало.

Вона до церквы
Що недили йде.

Северинъ.

Богомольна, якъ той жыдъ!

Запѣвало.

Мижъ дивкахъ вона
Такъ якъ макъ цвите!

Северинъ.

Або якъ макуха пидъ лавою!

Х о р ъ.

Вона до церквы
Що недили йде,
Мижъ дивкахъ вона
Такъ якъ макъ цвите.

Запѣвало.

Вона предъ всымы
Тай смыряетьця.

Северинъ.

Якъ вовкъ передъ вивцямы!

Запѣвало.

И до всыхъ вона
Прытуляетьця.

Северинъ.

Якъ горбатый до стины!

Х о р ъ.

Вона предъ всымы
Тай смыряетьця,
И до всихъ вона
Прытуляетьця.

Запѣвало.

Наша дивчына
Смырна та тыха.

Северинъ.

Эге! Въ тыхому болоти й чорты сыдять!

Запѣвало.

Биды не знае,
Не знае й лыха!

Северинъ.

Може лыхо йійи жехаетьця, якъ чортъ ладану!

Хоръ.

Наша дивчына
Смырна та тыха,
Биды не знае,
Не знае й лыха!

Запѣвало.

Зъ досвитокъ ишла,
Та втомылася.

Северинъ.

Бо дуже поспишала!

Запѣвало.

До-дому прыйшла,
Та й звалылася!

Северинъ.

Бо може, стерво, пьяне було!

Хоръ.

Зъ досвитокъ ишла,
Та втомылася,
До-дому прыйшла,
Та й звалылася!

Запѣвало.

Вона не впылась,
А захворяла.

Северинъ.

Зъ хлопцямы казылась, такъ мабуть простудылась!

Запѣвало.

Та цилый тыждень
И пролежала!

Северинъ.

Эге! Довгенько виддыхала!

Х о р ъ.

Вона не впылась,
А захворяла,
Та цилый тыждень
И пролежала.

Запѣвало.

Якъ одужала
Ще покращала.

Северинъ.

Куды-же пакъ! Така стала гарна,
Якъ свыня въ дощъ!

Запѣвало.

Якъ рожевый цвитъ
Лычкомъ зацвила!

Северинъ.

Эге! Пыка красна, якъ бурякъ!

Х о р ъ.

Якъ одужала
Ще покращала,
Якъ рожевый цвитъ,
Лычкомъ зацвила!

Запѣвало.

Северинъ, Северинъ,
Севериночку!

Северинъ.

Чого?

Запѣвало.

Чомъ не сватаешъ
Ты дивчыночку?

Северинъ.

Одчыпитьця зъ нею!

Х о р ъ.

Северинъ, Северинъ,
Севериночку!
Чомъ не сватаешъ
Ты дивчыночку?

Запѣвало.

Не хочешь сватать,
Плюнь на дивчыну!

Северинъ.

Тьфу на неи!

Запѣвало.

И побый йійи,
Якъ злу лычыну!

Северинъ.

Хай йійи злыдни побьють!

Хоръ.

Не хочешъ сватать
Плюнь на дивчыну,
И побый йійи,
Якъ злу лычыну!

---

74. Господарь хаты.

Мужыкъ лыха наробывъ
А жинкы боявся,—
Сюды - туды по куткахъ
Та й пидъ пилъ сховався.
Та—лопатою пидъ пилъ:
— А вылизай враже!
А той дали у кутокъ
Та до неи й каже:
— Геть, погана сатано!
Геть, бисова маты!
Теперь мене не займай,
Я—госпадарь хаты!

С. Руданськый.

---

75. Що то гроши.

Колы у тебе гроши йе,
Тоди тебе вси люде знають,
Зустрившыся шапкы здіймають,
Пипъ въ церкви проскуру дае,
Колы у тебе гроши ей;
А якъ нема...
То люде наче и не знають,

Зустрившысь, мовъ не добачають,
Про тебе вси тоди дарма,
А чомъ?..
Та въ тебе—жъ грошей бо катма!

* * *

Колы у тебе гроши йе,
То всякъ тоби спуска, корытьця,
Зъ дорогы смырно сторонытьця;
Здалека каженъ пизнае,
Колы у тебе гроши йе;
А якъ нема...
Нихто на тебе и не зглянe,
А зачепы, то ще и гане.
Послидній ты мижъ усима.
А чомъ?
Та въ теб-ежъ грошей бо катма.

* * *

Колы у тебе гроши йе,
Що не скажы, всякъ потурае:
Брехню за правду всякъ прыймае,
И виру всякъ тоби дае,
Колы у тебе гроши йе;
А якъ нема...
То иншымъ ладомъ всякъ миркуе,
За правду зъ тебе ще й кепкуе,
На смихъ ни-защо пидійма.
А чомъ?
Та въ тебе-жъ грошей бо катма!

* * *

Колы у тебе гроши йе,
То й мисце йе и мижъ панамы;
Найрозумнійшый ты мижъ намы;
Тоби панъ руку подае,
Колы у тебе гроши йе;
А якъ нема...
То заховайся и не рыпайсь!

Куды нечля, то вже й не тыкайсь;
Тоди шкода й твого ума,
    А чомъ?
Та въ тебе-жъ грошей бо катма!

* * *

Колы у тебе гроши йе,
То и дивкы тоди лестятьця
И молодыци чепурятьця,
А инша й душу виддае,
Колы у тебе гроши йе;
    А якъ нема...
Гай-гай! Дивчата дули тычуть,
На вчерныци вже не клычуть;
Сыдышъ ты дома, якъ тума...
    А чомъ?
Та въ тебе-жъ грошей бо катма!

А. Перейма.

76. Ой, пойихавъ мій мыленькый.

Ой, пойихавъ мій мыленькый
  До млына, до млына,
Я-жъ до себе парубка
  Прынняла, прынняла!
Ой, прыйихавъ мій мыленькый
  У ночи, у ночи,
А я сыжу съ парубкомъ
  На пичи, на пичи!
Ой, хто-жъ тоби мій мыленькый,
  Це сказавъ, це сказавъ,
Що у мене парубокъ
  Ночувавъ, ночувавъ?
Ой, сказалы блызкіи
  Сусиды, сусиды,
Що у тебе парубокъ
  Ночуваты буде.
Такъ не хочу-жъ, колы такъ,
  Ни топыть, ни варыть,
Такъ не хочу-жъ я до тебе
  Говорыть, говорыть!
Ой, пойихавъ мій мыленькый
  У торжокъ, у торжокъ,
Купывъ мени гостынчыка—
  Батижокъ, батижокъ!
Наступае русу косу
  Чобиткомъ, чобиткомъ,

Потягае часто, густо
Батижкомъ, батижкомъ!
Теперъ буду я топыть,
И топыть, и варыть,
Теперъ буду викъ прыязно
Я до мужа говорыть!
Теперъ буду цилувать,
Цилувать, обнимать;
Буду мужа до серденька
Прыгортать, прыгортать!
Наиихалы купчыкы
Изъ Лубенъ, изъ Лубенъ,
Торгувалы курочку
Цилый день, цилый день!
Я-жъ вамъ тіи курочкы
Не продамъ не продамъ,
Бо у мене пивнычокъ
Господарь, господарь!
На улыци смиттячко
Громадыть, громадыть,
И додому курочокъ
Провадыть, провадыть.
Ципу,-ципу, курочкы,
Додому, додому!
Не робить вы шкодонькы
Никому, никому!

---

77. Макивка.

У лузи Макивка весною зацвила,
Промижъ квитокъ якъ жаромъ червонила;
До йей разъ-у-разъ лита бджола,
Бабокъ, метелыкивъ надъ нею грае сыла.
Мынувъ день, два, и зъ неи цвитъ опавъ,
И Макивка осыротила:
Бджола на иншій квитци сила,
Ту пóгань, метеливъ, мовъ-бы лыхый збравъ!

Дивчыно, серденько! Жартуй, покы йе времня,
Жартуй, та не глузуй изъ бидныхъ парубкивъ;
А то мыне весна твоихъ годивъ,
Покыне и тебе діяволове племя.

Е. Гребинка.

---

78. Писня про Гарбуза.

Ходывъ Гарбузъ по городу
Пытаючы свого роду:
—„Ой, чы жыви, чы здорови
Вси родычи гарбузови?“

Обизвалась жовта Дыня,
Гарбузова господыня:
— Де ты въ биса волочывся?
Видь симьи зовсимъ одбывся,
Жыты вкупи не схотивъ,
Мало викъ мій не зайивъ.
Видчепыся-жъ, не горныся,
Та й на себе подывыся:
Бачъ онъ якъ увесь обдувся...
Десь хворобы роздобувся.
Ставъ товстый, мовъ тая бочка;
Ажъ порепалась сорочка;
Лыстя стало ажъ колюче
И огудиння товстюче.
Де ты въ гаспида и рисъ,
Видкы впьять до насъ прылизъ?"
—„Годи, мамо, верещаты,
Треба правду росказаты".
Обизвалысь Огырочкы,
Гарбузови сыны й дочкы.
—„Здрастуй тату! Видкы взявся?
Гей пизненько ты прыпхався,
Бо вже стала пани Дыня
Кавунова господыня.
Самъ ты выненъ, що вона
Покохала Кавуна".
— Цуръ же вамъ, ридня проклята!
Щобъ вамъ свыни й поросята!
Геть пиду-жъ я зъ огороду
Иншого шукаты роду".
Съ тымъ Гарбузъ соби й попхався,
Зъ усима розродычався
И покынувъ паню Дыню,
Кавунову господыню;
Тильке зъ Хмелемъ побратавсь
Лазыть по тынахъ прынявсь.

В. Александровъ.

---

79. Благословить баби Палажцы скоропостыжно вмерты.

Люде добри! Що мени на свити божому робыты! Не можна мени черезъ бабу Параску не то що на сели вдержатысь, не можна мени черезъ неи на свити жыты. Набрихуе на мене, судыть мене по селу й по хуторахъ; якъ скажена собака, бигае по дворахъ, по хатахъ та выгадуе на мене таке, що и купы не держытьця. Що-божого дня бигае до попа, до дяка й до проскурныци. Въ попа вже йійи садовлять на стильцяхъ, горилкою частують, а мене и въ сины не пускають. Господы мылостывый та мылосердный! И що я людямъ заподіяла? Сыжу соби въ хати тышкомъ, нышкомъ та Богу молюся. Моя стежка тильке одъ хаты та до церквы. Я николы не зачепыла малои дытыны, за всихъ молюся Богу, ще й Параску, стару суку, помынаю въ молытвахъ. А вона за те пидняла на мене всю громаду; якъ бы могла, здаетьця, нацькувала бъ мене всимы собакамы на сели. Теперъ вси люде на сели чого-сь вызвирылысь на мене: вже не просять мене на обиды трапезуваты, не здоровкаютьця зо мною. Збунтувала проты мене ввесь мій ридъ: намовыла мого чоловика, й пасынка, и його жинку, и мою дочку, що держыть Тымишъ, йійи небожъ, навить мого сына, малого хлопця. Вся ридня мене кляне, товче, якъ жыды Гамана. Вже насылу душа моя держытьця въ тили. Я не знею, що вже дали буде. Неможна мени не то що на сели вдержатысь, неможна мени вже на свити жыты. Люде добри! благословить мени скоропостыжно вмерты. Нехай мій грихъ побье Парасчыну душу.

Що вона на мене понабрихувала! Я сяка й така, и носата, и зубата, и горлата, и задрипана, и лыса ще й до того видьма. Боже мій! Тильке до Тебе здіймаю рукы. Я соби молюся Богу, а Параска

бреше по селу, що роблю чары. Чы въ недилю, чы въ свято иду до церквы та гляну, що въ мене нечысти руки, та й зайду до крыници й помыю соби рукы й ногы. А Параска бреше, що я коло крыныци набираю землы, нашиптую та роблю чары. Якъ выхожу зъ хаты по воду, то беру видра на плечи та й почынаю на синешньому порози: „Мья-ца й сына"; йдучы стежкою, перемолюсь и „Оче нашъ, оже есы"... и „око на небесы и око на земли"... и „избавы насъ одъ лукавого святого"... а прыйду до крыныци, то якъ разъ домолюся до „Прыйдимо поклонимося", та стану на колина коло крыныци та й кладу поклоны на чотыри углы. А Параска плеще громади, що я видьмыла, кругомъ крыныци лазыла навколишкы и была лобомъ въ колючкы. Якъ-бы я справди була видьма, я-бъ попередъ усього показала тоби, Парасю, свои чары коло твоихъ воритъ, а не коло крыныци. Я соби, якъ выхожу зъ церквы перецилую вси святи иконы та й выхожу позадъ усихъ, бо не хапаюсь попередъ усихъ людей, якъ дурна Параска, що бижыть зъ церквы, якъ та вивця, попередъ малыхъ хлопцивъ. Якъ выйду зъ церквы, вдарю передъ порогомъ поклона та й двери поцилую, а выйду на цвынтарь, то й стину проты престола поцилую. Параска усимъ бреше, що я видьма, бо замкы въ церкви цилую! Се чыста сатана, не пры людяхъ згадуючы! Неможна мене черезъ неи, якъ слидъ, по божому закону, и Богу помолытысь. И покiйна моя маты булы таки богомильни: цилувалы въ церкви двери й стины. Мабуть Параска черезъ те и мою матирь зве видьмою: оббрехала мене на все село, а теперъ мене и мали диты дражнять видьмою, а сусиды поробылы нови двери въ хливахъ, ще й замкамы замыкають на ничъ коровы. Оттакый соромъ на старисть, якъ бачыте, зъ доброго дыва!

И. Нечуй-Левицькый.

80. Чыжыкове весилля.

Ой, чыжыкъ маленькый
Думае, гадае,
Думае, гадае,
Женытыся мае.
Пославъ орла, пославъ орла
Всю птыцю збираты,
А орелъ напавъ гусей,
Та й ставъ мордуваты!
Сыдыть чыжыкъ на пеньку,
Та крыльцямы плеще,
А горобци у конопляхъ:
Упиймося еще!
Чапелька пидласа,
До весилля ласа,
Летыть, крычыть, выгукуе:
„То утиха наша!“
Сорокы-прыданкы
Скачуть поверхъ лавкы:
„Бидна-жъ наша головонька,
Що нема кибалкы“.
Горобци пидпилы,
Чыжыка побылы,
А вороны на той часъ
Коровай злипылы.
Чыжыкъ забродывся
По сами колинця,
Шукаючы на сыныцю
Доброго полинця.
Якъ ставъ йийи быты,
Не на лыхо вчыты:
„А ты навчы, шуличенько,
Якъ курей давыты“.
Шулика зъ похмилля
Обидравъ все пирья;
А що-бъ вона про те знала,
Яке буде зилля.
А чаечка зъ кулычкомъ
На весиллячко разкомъ:
„Скорій-скорій, рыстячкомъ,
Ты свашкою, я дружкомъ“.
А перепелычка
Хату замитае,
Сыдыть сова за столомъ,
Скоса поглядае.
Оса изъ бджолою
Покусалы вутку,
Довго-довго сумувалы,
Яку зробыть шутку.
Дятелъ изъ жовною
Давай йихъ клюваты,
Тутъ-бы вже и не годылось
Отакъ шуткуваты!
Журавель зъ индыкомъ,
Весели галанци,
Взялы вывелы зозулю
Зъ чыжыкомъ у танци;
А сыныця на полыци
Ниженькамы тупъ-тупъ,
Якъ-бы далы горилочкы,
То мы-бъ пылы тутъ-тутъ!
Научывся вражый шулыкъ
Хвататы курчата,
Ходыть чапля надъ водою,
Хапае качата.
А жукъ якъ мазныця,
И то-жъ такы птыця,

Якъ де найде сырый кырпычъ,
Тамъ и становытьця.
Комарыкъ у лиси
Лыстя побывае,
А чмиль меду додае,
Хто занозы мае.
Журавель упывся,
Зъ дрохвычомъ побывся,
Де ны взявся жвавый пивень
До йихъ прычепывся!
Вороны засилы,
Та й кобылу ззилы...
Якъ дочулысь про те галкы,
Дуже голосылы.
Чорногузъ у лузи
Ящирокъ збирае,
Старыхъ жабивъ на обидъ
До себе прохае.
Заець куцохвостый
Въ лысыцю влюбывся,
Якъ дознавсь про те йижакъ,
Зъ заздросты сказывся!

Индыкъ дуже що-сь надувсь,
Все лае индычку,
Шпакы въ походъ збираютьця,
Роблять переклычку.
Посмитюха чубатенька
Павыча кохае,
Качуръ качкы на весилля
Гулять не пуськае.
Жовтобрюшка, старша дружка,
Важно похожае,
А китъ сыдыть у куточку
Та въ скрыбочку грае.
А вороны, гарни жоны,
Пишлы танцюваты,
Злетивъ крюкъ, схватывъ дрюкъ,
Пишовъ пидганяты!
Злетилася уся птыця,
Зачалы сміятьця:
„Ой, чудне-жъ яке весилля,
Бодай йому трясця!“

---

81. Попури зъ байокъ.

Сусидъ до себе клыкавъ кума:
— Прыходь лышъ, брате, на часокъ—
По чарци выпьемъ, сальця ззимо шматокъ.
А справди такъ не те винъ дума;
То кумови сказавъ винъ тильке такъ:
Хотилося-жъ, щобъ похвалытьця—
Якыхъ винъназбиравъ спивакъ.

Колысь то Лебидь, Ракъ та Щука
Прыставыть хуру узялысь.
Отъ трое разомъ запряглысь,
Смыкнулы—катма ходу...
Що за морока? Що робыть?
Сыныця славу распутыла,
Що хоче море запалыть,
Що море буцимъ-то згорыть.
Така бачъ йе у неи сыла...
Якъ разъ на ту биду
И соловей тутъ опынывся,—
Воны до його: „Ну, мастакъ,
Ты здорово спивать навчывся,—
Кажы по правди, що и якъ?“
— А що-жъ, винъ каже, выбачайте,
Ни те, ни се:
Хочъ десять разъ пересидайте,
Немае хысту, отъ и все!
„Розумна ричь!“ вси зачалы гукать.
Послухалы лысычку
И щуку кынулы у ричку.
И я тамъ бувъ и прыдывлявся,
И крывду вылаять хотивъ,
Левъ зарычавъ, а я злякався
И прыказку десь загубывъ.

О. Теплынськый.

---

82. Мирошныкъ.

На ричечци якій-сь маленькій
Стоявъ соби млынокъ, и въ нимъ Мирошныкъ жывъ.
Хочъ невелычкый млынъ, да, знаешъ, чепурненькый,
Разъ-по-разъ, день-у-день крутывсь и гуркотивъ
И хлиба выстачавъ хозяину чымало.
Колы ни забредешъ къ Мирошныку, бувало,
У його йе и хлибъ, и силь, и сало,
Чы то въ скоромный день—изъ масломъ буханци,

Кныши, вареныкы и всяки лагомынкы;
У пьятныцю—просилъ, зъ олiею млынци,
Пампушкы зъ часныкомъ, гречаныкы, стовпци.
Обидать винъ, було, не сяде безъ горилкы,
А въ празныкъ пиднесе и чарку калганивкы.
Мирошныкъ паномъ дило жывъ!
И треба-жъ, на биду, позаторишню весну
Його лыхый понисъ чого-сь за Десну.
Хочъ не багацько проходывъ,
За те багато бачывъ свита:
Побачывъ винъ, якъ Сеймъ лютуючы шумивъ,
И якъ Десна ревла несамовыта,
Мабуть, ворочавшы не пьятдесятъ млынивъ.
Вернувсь Мирошныкъ нашъ додому,
До церквы прямо почухравъ,
Та Богу молытьця Святому,
Щобъ винъ акахвысты його прынявъ
И ричечку його зробывъ Десною,
Або хоча якъ Сеймъ, такою.
„Й тоди-бъ то я вже панувавъ!"
Молебни день-у-день Спасытылеви правыть,
У ставныкы свичкы по десять хунтивъ ставыть,
Все молытьця, не йисть, не пье, не спыть...
Земляче! Богъ съ тобою!
На тебе десь туманъ у Лытви навелы.
Хиба забувъ ты, що велыкою водою,
Ворочають велыкыи млыны?
Йихъ нимци будувать умiють,
А вже не зляпае нашъ братъ;
Вона сами товчуть и вiють,
И мелють борошно, и сiють,
Здаетьця, що самы й йидять.
А млынъ хочъ чепурный у тебе,
Та не для быстрыны".—„Балакайте про себе!"
Мирошныкъ забурчавъ и рукавомъ махнувъ.
Його молытву Богъ почувъ:
По небу витерець дмухнувъ.
Якъ воронъ небо почорнило,

Шварнула блыскавка—гримъ грюкнувъ и загувъ;
Изъ хмаръ, якъ зъ лотокивъ, водою зашумило.
Маленька ричечка, що такъ тыхенько йишла,
Заклекотила, заревла
И черезъ греблю покотыла.
Якъ на осыци лыстъ, тремтыть млынокъ одъ хвыли.
Вода напре, дывысь, то выскочыть гвиздокъ,
То паля триснула, то заставкы розбыло,
А дали и знесло млынокъ.
Схопывсь Мирошныкъ, та пизненько:
Що покы йшла вода маленька,
Що-дня винъ хлиба мавъ шматокъ.

Литъ зъ десять бувъ у насъ суддею Глыва.
Та, знаешъ, захотивъ на лакомый кусокъ,
Въ Полтаву перейшовъ: тамъ, кажуть, йе пожыва.
Велыка тамъ вода, хочъ йе багато млыва...
Глядить, добродію, чы вашъ мицный млынокъ?

Е. Гребинка.

---

83. Дуже гарна.

— Чы гарна у йихъ дивка?

— Була-бъ тоби хороша, та дали никуды! По йійи выду чортъ симъ кипъ гороху змолотывъ; теперъ тильке й годытьця хринъ терты!

— Ой, лыхо, яке страховыще! Такъ одъ неи ноччу й перелякатьця можна!

— Де тамъ ноччу! Вона днемъ якъ выгляне въ викно, такъ наши собакы ажъ три дни брешуть! А одна собака якъ добре на неи прыдывылась, такъ и сказылась!

Александръ Пивень.

84. Абы душа чыста.

Два злодіи въ опивночи
Костьолъ обкрадають.
Обшарылы вси скарбоны,
Святыхъ обдырають.
И забралы, яки булы
Свичкы зъ лихтарямы.
Дали одынъ на олтарыкъ
Пнетьця зъ постоламы.
— Та що-жъ бо ты, брате, робышъ?!
Ставъ одынъ казаты.
Якъ то можна святе мисто
Постоломъ каляты?!
— Мовчы, брате, другый каже,—
Мы тутъ передъ Богомъ:
Абы душа чыста була,
Постолы—ничого!

С. Руданськый.

---

85. Писенька.

Разъ я въ волости судывся
Зъ нашымъ сельскымъ адвокатомъ.
Катомъ, катомъ, катомъ, катомъ...
Зъ нашымъ сельскымъ адвокатомъ.
Насъ судылы судди вбрани
Въ сукни й чоботы сапьяни.
Пьяни, пьяни, пьяни, пьяни...
Въ сукни й чоботы сапьяни.
Воны совисти й закону,
Якъ скризь водытьця, служылы.
Жылы, жылы, жылы, жылы...
Якъ скризь водытьця, служылы.
Дуже довго клопоталысь,
Покы дило розибралы.

Бралы, бралы, бралы, бралы...
Покы дило розибралы.
Потимъ, добре розибравшы,
По закону все зробылы.
Былы, былы, былы, былы...
По закону все зробылы.
И заставылы у ногы
Уклонытысь адвокату.
Кату, кату, кату, кату...
Уклонытысь адвокату.
Тяглы дило, грихъ брехаты,
Довго, ну а помырылы.
Рылы, рылы, рылы, рылы...
Довго, ну а помырылы.

М. Кузьменко.

---

86. Помьянувъ.

— На вареныка, та помьяны чоловика Каленыка.
— Бодай чорты твого батька зъ Каленыкомъ, попикъ рукы вареныкомъ!

Александръ Пивень.

---

87. Въ счасти не брыкай.

Пархоме! Въ счасти не брыкай!
Въ нудзи прытьмомъ не лизь до неба,
Людей пытай, свій розумъ май,—
Якъ не мудруй, а вмерты треба!
Чы коротаешъ викъ въ журби,
Чы то за поставцемъ горилкы
Въ шынку наризують тоби
Цымбалы, кобзы и сопилкы;
Чы пьяный пидъ тыномъ хропешъ,
Чы до господы лизешъ рачкы

И жинку макогономъ бьешъ,
Чы самъ товчешся навкулачкы;
Оры и засивай ланы,
Косы широки перелогы,
И грошыкы за баштаны
Лупы,—та все одкынешъ ногы!..
Покынешъ все: стижкы й скырты,
Вси ласощи: паслинъ, цыбулю...
Загарба иншый все, а ты
Ззисы за гирку працю дулю!
Чы соцькымъ батько твій въ сели,
Чы самъ на панщыни працюе,
А смерть зривняе всихъ въ земли—
Ни зъ кымъ скажена не жартуе!
„Чы читъ, чы лышка?“—Загука;
Ты крыкнешъ: „Читъ!“... Ба, брешешъ, сыну!“
Озветьця паплюга зъ кутка,
Та й сцупыть зъ печи въ домовыну!

П. Гулакъ-Артемовськый

---

88. Кучерявый Иванъ.

Кучерявый Иванъ
На капусту оравъ,
Чорноброву дивчыноньку
Поганяты наннявъ.
Поганяй, дивчыно,
Поганяй, рыбчыно,
Щобъ моя капуста
Головатая була!
Ой, Иванъ на току,
Рушныкъ на килочку,
Ой, хто-жъ мене поцилуе,
Пошыю сорочку!

И тонесеньку,
И билесеньку,
Ой, хто-жъ мене поцилуе
Молодесеньку!
Цилувавъ мене дякъ
Чорты-батька зна якъ!
Нехай мене поцилуе
Черноморськый козакъ!
На городи бузына,
Витеръ не продуе—
Тяжко, важко ночувать,
Якъ не поцилуе.
На городи бузына,
Витеръ не нахыле,—
Невесело ночувать,
Якъ не перекыне!
На городи бузына
Непидсапаная,—
Не цилуй ты мене,
Бо засватана я.
Треба тую бузыну
Заразъ пидсапаты,—
Якъ зъ дивкою ночувать,
Треба цилуваты!
На городи бузына,
На йій лысту нема;
Не цилуй, не мылуй—
Въ тебе хысту нема!
На городи бузына,
Ще й чорне насиння;
Ой, хто мене поцилуе,
Заробыть спасиння!
На городи будякъ,
Полюбывъ мене дякъ,
Купывъ мени черевычкы —
Закаблучкы рыплять!
Закаблучкы рыплять,
А переды вьютьця,
А за мною, молодою,

Два козакы бьютьця.
Ой, не лайтеся,
И не быйтеся,
И на мене, молодую,
Не надійтеся!
На городи ямка,
За городомъ ямка,—
Чортъ тебе поберы,
Що я не панянка!
На городи тычка,
За городомъ тычка,
Чортъ тебе поберы,
Що я невелычка!
И дощыкъ иде,
Ажъ изъ стрихы капотыть,
А мій мылый розсердывся,
Ажъ ногамы тупотыть!
И сердытьця,
И не дывытьця,
А якъ гляне, серце вьяне,
И въ його, и въ мене!
И кумочко,
И голубочко,
Звары мени чабака,
Щобъ и юшка була!
И юшечка,
И петрушечка,
Ой, кумочко, моя мыла,
Кума-душечка!
Я до тебе, кумо,
Я не пыты прыйшла,
Я-жъ до тебе, кумо,
Я робыты прыйшла!
Изъ днышечкомъ,
Зъ гребеныщечкомъ,
Ой, выпыймо, кумо моя,
Соби нышечкомъ!
Окуни въ пелени,
Свойій ридній куми!

Визьмы, кумо, оцю рыбу,
Звары йисты мени.
Полюбыла коваля,
То-жъ недоля моя!
Я-жъ думала — кучерявый,
Ажъ и чуба нема!
Ой, дайте рядна
Та дирявого,
Прыкрыты коваля
Кучерявого!
Ой, дайте рядна
Та биленького,
Прыкрыты коваля
Молоденького!

---

89. Прыказка до чаркы.

— Якъ тебе звать?
— Оковыта.
— А зъ чого ты?
— Зъ жыта.
— А видкиля ты?
— Зъ неба!
— А куда ты?
— Куда треба!
— А билетъ у тебе йе?
— Нема!
— Такъ отъ тоби й тюрьма!
Перекыдае чарку въ ротъ та й пье.

Александръ Пивень.

---

90. Мушка.

(Жартъ.)

Правда, вамъ цикаво знать,
Якъ мене вкусыла мушка?
Я почну оповидать...
Правда, вамъ цикаво знать?
Тильке цуръ не заважать,
Наставляйте-жъ добре вушка.
Правда вамъ цикаво знать,
Якъ мене вкусыла мушка?

* * *

Разъ пишовъ соби я въ садъ,
Бо весна мене манына
Пышнымъ маревомъ прынадъ.
Разъ пишовъ соби я въ садъ...
Хто-жъ весни не бувъ-бы радъ?
Ахъ, весна роскишна, мыла!
Разъ пишовъ соби я въ садъ,
Бо весна мене манына.

* * *

Бувъ чудовый, ясный день—
Сонце, пахощи и спивы!
Я-жъ поетъ, не дубъ, не пень...
Бувъ чудовый, ясный день,
Що найкращый для писень
На закохани мотивы.
Бувъ чудовый, ясный день—
Сонце, пахощи и спивы.

* * *

Йду, ажъ бачу у гори
Нади мною гарна мушка!
Крылья — мовъ два янтари...
Йду, ажъ бачу у гори,
Въ променистій сонця гри
Золотыста чепурушка!
Йду, ажъ бачу у гори
Нади мною гарна мушка!

* * *

Я хотивъ йійи піймать,
Якъ вона на груды сила,
Такъ, щобъ крыльця не помнять,
Я хотивъ йійи піймать
И хиба поцилувать,
А вона мене вкусыла...
Я хотивъ йійи піймать,
Якъ вона на груды сила.

* * *

Видъ солодкого жала́
Защемило бидне серце,
Засвербило видъ тепла,
Видъ солодкого жала́
Що нымъ мушка протяла,
Щось заныло край ре-
берця.
Видъ солодкого жала́
Защемило бидне серце.

* * *

Зъ того часу вьяну я,
Що робыты, — самъ не
знаю;
Зъ того часу вьяну я,
Вгамуваты почуття
Не здолаю, не здолаю!..
Зъ того часу вьяну я,
Що робыты, — самъ не
знаю.

* * *

Я зложывъ сей мадригалъ,
Наче баечку жартлыву,
Про хымерный серця
палъ.
Я зложывъ сей мадригалъ,
Мовъ цвяхованый кинд-
жалъ
На панянку вередлыву.
Я зложывъ сей мадригалъ,
Наче баечку жартлыву.

М. Вороный.

---

91. Война.

И такъ, Латынь заворушылась,
Задумавъ всякъ побыть Троянъ;
Видкиль та храбристь уродылась
Протывъ Энеевыхъ прочанъ?..
Бояры вмыгъ скомпоновалы
На аркушъ манихвестъ кругомъ
По всихъ повитахъ розисłалы,
Щобъ військo йшло пидъ коруговъ;
Щобъ головы вси обголялы,
Чупрыны довги оставлялы,
А усъ въ пивлокоть бы стырчавъ;
Щобъ сала и пшона набралы,
Щобъ сухаривъ понапикалы,
Щобъ ложку, казанокъ всякъ мавъ.

Все військо заразъ роспысалы
По разныхъ сотняхъ, по полкамъ,
Полковныкивъ понаставлялы,
Далы патенты сотныкамъ.
По городахъ всякъ полкъ назыався,
По шапци всякый розлычався,
Впысалы військо пидъ ранжыръ;
Пошылы сыни всимъ жупаны,
На спидъ же билыи каптаны,
Щобъ бувъ козакъ, а не мугыръ.
Въ полкы людей роспредилывшы,
И по кватырямъ розвелы,
И всихъ въ мундыри нарядывшы,
Къ прысязи заразъ прывелы.
На коняхъ сотныкы фынтылы,
Хорунжи усыкы крутылы,
Кабаку нюхавъ асаулъ;
Урядныкы зъ атаманамы
Новымы чванылысь шапкамы,
И ратныкъ всякый губу дувъ.
Було тутъ військо волонтыры,
То всякыхъ юрбыця людей,
Мовъ запорожци чупрындыри,
Що йихъ не втне и Асмодей.
Воно такъ, бачышъ, и не гарне,
Якъ кажуть то—не регулярне,
Та до війны самый злый гадъ:
Чы вкрасты що, языкъ достаты,
Кого жывцемъ, чы обидраты,
Нищо не вдержыть йихъ гарматъ.
Для сыльной арміи своеи
Рушныць, мушкетивъ, оружжынъ
Наклалы повни гамазеи,
Гвынтивокъ, фузій безъ пружынъ,
Булдымокъ, флынтъ и янычарокъ.
А въ особлывый закамарокъ
Спысивъ, пикъ, ратыщъ, гакивныць.
Булы тутъ страшныи гарматы,
Одъ выстрелу дрижалы хаты,

А пушкари, то клались ныць.
Жлукта и улики на пушкы
Робыть велилы на захватъ;
Днища, оснивныци, ветушкы
На прынадлежность направлять.
Нужда переминыть законы!
Квачи, помела, макогоны
Въ пушкарське видомство пишлы;
Колеса, бендюгы и кары
И самыи церковни мары
Въ депо пушкарськее тяглы.
Держась военного обряду,
Готовылы заздалегидъ
Багацько всякого снаряду,
Що сумно ажъ було глядить.
Для куль-то галушкы сушылы,
А бомбъ-то зъ глыны налипылы,
А слывъ солоныхъ для картечъ;
Для щытивъ ночвы прыпасалы,
И дна изъ дижокъ выбывалы
И прыправлялы всимъ до плечъ.
Не малы палашивъ, ни шабель,
У ныхъ, бачъ, Тулы не було;
Не шаблею-жъ убытъ и Авель,
Полино смерть йому дало.
Соснови копыстки стругалы
И до бокивъ поначеплялы,
На валяныхъ верьовочкахъ;
Изъ лыкъ плетени козубенькы,
Зъ якымы ходють по опенькы,
Булы, мовъ сумы, на плечахъ.
Якъ амуныцю спорядылы,
И насушылы сухаривъ,
На сало кабанивъ набылы,
Взялы подымне одъ дворивъ;
Якъ пидсусидкивъ роспысалы
И выборныхъ поназначалы,
Хто тяглый, кинный, хто-же пишъ,
За себе хто, хто на пидставу,

Въ якее військо, сотню, лаву,
Порядокъ якъ завивсь незгиршъ.
Тогди ну військо муштроваты,
Учыть мушкетный артыкулъ,
Впередъ якъ ногу выкыдаты,
Ушкварыть якъ на калавуръ.
Колы пишкомъ-то маршъ шульгою;
Колы верхомъ—глядышъ, правою
Щобъ шкапа скочыла впередъ.
Такее ратнее фиглярство
Було у ныхъ за регулярство,
И все Энееви на вредъ.
Мовъ посполытее рушення
Латына въ царстви началось,
Повсюдна муштра, та учення,
Все за жолнирство прынннялось...
Всього не можна опысаты,
Въ Латіи що тоди було,
Уже зволялыся чытаты,
Що въ голови у ныхъ гуло.
Къ війни хватались, поспишалысь,
И сами о свити не зналысь,
И все робылы назворотъ:
Що строить треба, те ламалы,
Що треба кынуть, те ховалы,
Що класть въ кешеню, клалы въ ротъ.

* * *

Нехай турбуютьця Латынци,
Готовлятьця противъ Троянъ,
Нехай выдумують гостынци
Энею нашому въ изъянъ,
Загляньмо Турнъ що коверзує,
Троянцямъ рать яку готце,
Бо Турнъ и самъ дзиндзиверъ-зухъ!
Колы чы пье—не пролывае,
Колы чы бье—то вже влучае,
Йому людей давыть, якъ мухъ!

Тай выдно, що не бувъ въ зневази;
Бо вси сусидни корольки,
По прозьби, мовъ бы по прыкази,
Позапаляючы люльки,
Пишлы въ походъ зъ своимъ народомъ,
Зъ начыннямъ, потрухомъ и плодомъ,
Щобъ Турнови допомогать:
Не дать Энееви женытысь,
Не дать въ Латіи поселытысь,
Къ чортамъ Энейцивъ всихъ послать.
Не хмара сонце заступыла,
Не выхоръ порохомъ вертыть,
Не галычъ чорна поле вкрыла,
Не буйный витеръ се шумыть:
Се військо йде всима шляхамы,
Се ратне брязкотыть збруямы,
Въ Ардею городъ поспиша.
Стовпъ пороху пидъ небо вьетьця,
Сама земля, здаетьця, гнетьця;
Энею? де теперъ душа?
Мезентій напередъ Тырренськый
Предъ страшнымъ воинствомъ гряде,
Було полковныкъ такъ Лубенськый
Колысь къ Полтави полкъ веде...
За сымъ на бендюгахъ плететьця
Байстрюкъ Авентій попадычъ,
Зъ своею челяддю ведетьця,
Якъ зъ блюдолызамы панычъ.
Знакомого винъ пана внучокъ,
Добродій песыкивъ и сучокъ;
И лошакивъ минять охочъ.
Авентій бувъ розбійныкъ съ пупку,
Всихъ тормошывъ, валявъ на купку,
Дывывся бисомъ-гадомъ, сторчъ.
Тутъ військо киннее валылось,
И дуже руччее було;
Отаманъ звався Покотыллосъ,
А Асаулъ—Караспуло.
Се гречеськіи проскиносы,

Изъ Биломорья все пендо́сы,
Зъ Мореа, Дельта, Кефало́съ;
Везлы зъ собою лагомыны,
Олыву, мыло, рыжъ, маслыны
И капама, кебабъ кало́съ...
За сымы плентавсь розбишака,
Нептунивъ сынъ, сподарь Мезапъ,
До бою бувъ самый собака
И лобомъ бывся такъ, мовъ цапъ.
Боець, ярунъ и задырака,
Стрилець, кулачныкъ и рубака
И дужый бувъ зъ його хлопакъ;
Въ выскы було кому якъ впнетьця,
То й на̀-сухо не оддеретьця,
Такый Ляхамъ бувъ Зализнякъ.
Другымъ шляхомъ, зъ другого боку,
Агамемноненко Талесъ
Летыть, мовъ поспиша до сроку,
Або къ води гарячый песъ;
Веде орду велыку, многу
Рутульцеви на пидпомогу...
За сымы панськая дытына,
Тезеевычъ панъ Ипполытъ,—
Надута, горда, зла лычына,
Зъ велыкымъ воинствомъ валыть.
Се бувъ панычъ, хорошый, повный,
Чорнявый, красный, сладкомовный,
Що й мачуху бувъ пидкусывъ.
Винъ не дававъ никому спуску,
Одныхъ богынь мавъ на закуску,
Бравъ часто тамъ, де не просывъ.
Не можна далеби зличыты,
Яки народы тутъ плелысь,
И на папиръ сей положыты,
Якъ, съ кымъ, колы, видкиль взялысь...
Тутъ ще найиздныця скакала
И вiйсько не мале вела;
Собою всихъ людей лякала
И все, мовъ помеломъ, мела;

Ся звалась дива-царь Камылла,
До пупа жинка, тамъ—кобыла,
Кобылячу всю мала стать:
Чотыри ногы, хвистъ съ прыкладомъ,
Хвостомъ моргала, была задомъ
Могла и говорыть и ржать.
Колы чувавъ хто о Полкани,
То се була його сестра;
Найбилышъ блукалы по Кубани,
А ридъ йихъ выйшовъ зъ-за Днистра.
Камылла страшна воевныця
И знахурка, и чаривныця,
И скора на бигу була;
Чрезъ горы и ричкы плыгала,
Изъ лука митко въ циль стреляла,
Багацько крови пролыла...

* * *

Троянци, въ крипости заперщысь,
Энея ждалы вороття;
Зъ нещастямъ тисно пообтерщысь,
Биду встричалы, мовъ шутя.
Побачывшы-жъ врагивъ напоры,
У баштъ прыбавылы запоры
И на валу вси заляглы;
Въ виконця зъ будокъ выглядалы
И носа вонъ не выставлялы,
Шепталысь и люлькы тяглы.
У ныхъ поставлено въ громади,
Колы на йихъ панъ Турнъ напре,
То всимъ сыдить въ свойій оградн,
Нехай-же штурмомъ валъ бере.
Троянци такъ и учынылы:
На валъ колоддя накотылы
И разный прыправлялы варъ;
Олію, дьоготь кыпьятылы,
Жывыцю, олыво топылы,
Хто лизтыме, щобъ лыть на тварь.

Турнъ, въ миру къ валу прыступывшы,
Скризь на зыкратому гасавъ;
Въ розсыпку кинныхъ роспустывшы,
Самъ, якъ опареный крычавъ:
„Сюды, труслывій Троянци,
На бой, шкодлывій поганци!
Зарылись въ землю, мовъ кроты;
Де вашъ Эней,—жиночый празныкъ?
Пряде зъ бабамы набалдашныкъ,
Не лепсько выглянуть сюды!..“
На перву Рутулянъ попытку
Троянци такъ далы въ отвитъ,
Що Турнъ соби росчухавъ лытку,
Одъ стыду корчыло жывитъ...
Рутульци дралыся на стины,
Карабкалыся, якъ жукы,
Турнъ зъ яросты дрыжавъ и пинывъ,
Крычавъ „дружненько, козакы!“
Въ свою Троянци также чергу
Въ одбои поралыся зверху,
Рутульцивъ плющылы, якъ мухъ;
Пуськалы колоддя, каминня,
И враже такъ товклы насиння,
Щ у Рутульцивъ хлявъ и духъ.
Турнъ, бачывшы Троянъ работу,
Якъ рать Рутульськую трощать,
Якъ бьютъ йихъ, не жалія поту,
Рутульци, мовъ вьюны, пыщять;
Веливъ везты зо всихъ олійныць,
Де тильке есть, изъ воскобійныць,
Якъ можна швыдче тараны.
Якъ разъ и тараны вродылысь,
И воскобійныкы явылысь,
Прымчалысь духомъ сатаны.
Прыставывъ тараны до брамы,
Въ ворота зачалы гатыть;
Одвирки затряслысь, мовъ рямы,
И снасть одъ бою вся трищыть.
Турнъ сылы вдвое прыкладае,

И тараны самъ направляе,
И браму рушыты веяыть.
Упала! Стукомъ оглушыла,
Троянъ богато подушыла,
Турнъ въ крипость впертысь наровыть.
Троянци напьялы вси жылы
Та вмыть проломъ и заложылы,
И груддю сталы бороныть;
Рутульци бисомъ увывалысь,
Но на проломъ не насовалысь,
А Турнъ не знавъ, що и робыть.
Троянейу Геленоръ одважный
И, якъ бурякъ, червоный Лыкъ,
Горлань, верлань, кулачныкъ страшный
И щырый Кундель—степовыкъ:
Симъ двомъ бездилля—всяке горе,
Здавалась по-колина море,
Потиха-жъ—головы зрывать.
Давно йимъ въ голови роилось
И мовъ на-поступкы хотилось
Рутульцямъ перегону дать.
Такъ Геленоръ съ червонымъ Лыкомъ,
Роздигшыся до сорочокъ,
Мижъ вештаннямъ, содомомъ, крыкомъ,
Пробралыся подуть тычокъ.
Рутульцивъ добре тасовалы
И одъ Рутульцивъ получалы
Квытанцію въ своихъ долгахъ.
Лыкъ тильке тымъ и одлычывся,
Що якъ до Турна прымостывся,
Та зъйиздывъ добре по зубахъ.
Но Турнъ и самъ бувъ розбышака
И Лыка сплющывъ въ одынъ махъ;
Изъ носа брызнула кабака,
У Турна околивъ въ ногахъ.
А також пану Геленору
Смертельного далы затьору,
И сей безъ духу тутъ оставсь.
Рутульцивъ се возвеселыло

И такъ йихъ серце ободрыло,
Що и негидный скризь совавсь.
Натыснулы и напустылысь,
Рутульци кынулысь на валъ;
Троянци, якъ чорты озлылысь,
Рутульцивъ былы наповалъ.
Трищалы кости, ребра, бокы,
Летилы зубы, пухлы щокы,
Зъ носивъ и устъ юшыла кровъ:
Хто рачкы лизъ, а хто простягся,
Хто бувъ шкереберть, хто качався,
Хто бывъ, хто хизавъ, хто коловъ.
Завзятисть всилъ опановала,
Тутъ всякый прнывъ и ярывсь;
Тутъ лютисть всимы управляла
И всякый до надсаду бывсь.
Лыгаръ ударомъ Макогона
Духъ выпустывъ изъ Эмфіона
И самъ на-викы зубы стявъ.
Лутецій бье Иліонея,
Циней Арефа, сей Цинея,
Одынъ другого тасовавъ.
Ремулъ, Рутульскои породы,
Троюродный бувъ Турну сватъ;
Хвастунъ и дурень одъ прыроды,
Що ни робывъ, то все не въ ладъ:
И тутъ начавъ що сылъ крычаты,
Троянцивъ лаять, укоряты,
Себе и Турна величать:
„Ага! проклятіи поганци,
Недогаркы Троянськи, Ланци!
Теперъ прыйшлось вамъ погыбать.
Мы васъ одучымъ, супостаты,
Морыты вдовъ, дурыть дивокъ;
Чужіи земли одниматы
И шкодыты чужый садокъ.
Давайте вашого гульвису,
Я вмыгъ його одправлю къ бису
И васъ подавымо, якъ мухъ;

Чого прыйшлы вы, голодранци?
Лыгать Латынськіи потапци?
Пождить—вашъ вытеснымъ мы духъ“.
Іулъ Энеевычъ, дочувшысь
До безтолковыхъ сыхъ ричей,
Якъ шкура на огни надувшысь,
Злисть запалала изъ очей.
Вхопывъ каминчыкъ,—прыцилывся,
Зажмурывъ око,—прыложывся
И Ремула по лобу хвысь!
Хвастунъ бездушный повалывся,
Іулъ сердешно звеселывся,
А у Троянъ духъ ожывывсь.
Пишлы кулачни накарпасы,
Въ выскы и въ зубы стусаны;
Полизлы тельбухы, ковбасы,
Вси пинылы, якъ кабаны.
Вси разъярылысь черезъ миру;
По Сербськы величалы виру:
Хто чымъ попавъ, то тымъ локшывъ.
Пиднявся пыскъ, стогнання, охы,
Врагъ на врага скакавъ, мовъ блохы,
Кусався, грызъ, щыпавъ, душывъ...

* * *

Троянци зъ города уздрившы,
Що князь на помичь къ нымъ иде,
Вси кынулысь, мовъ одуривши,
Земля одъ топотни гуде
Летять и все перевертають,
Якъ мухъ, Рутульцивъ убывають:
Самъ Турнъ стоить ни въ сыхъ, ни въ тыхъ;
Скризь ярымъ окомъ окыдае,
Энея зъ військомъ уздриве,
И репетуе до своихъ:
„Рыбьята! быйтесь, не выляйте,
Наставъ теперъ-то сичи часъ!
Домы, жинокъ, батькивъ спасайте,

Спасайте, любо що для васъ!
Ступня не оддавайте даромъ,
Йихъ кости загребемъ тутъ раломъ
Або—не мы храбриши йихъ!
Олымпськи насъ не одступылысь,
Впередъ! Троянци щось смутылысь,
Не жалуйте бокивъ чужыхъ“,
Прымитя жъ Турнъ гармыдеръ въ флоти,
Туда всю сылу волоче;
Скризь йорзае, якъ чортъ въ болоти,
И о пожыви всимъ товче.
Построившы Рутульцивъ въ лаву,
Одбирныхъ молодцивъ на славу,
Пустывся на союзныхъ вскачъ,
Крычыть, рубае, вередуе,
Не бьетьця, бачъ, а мовъ жартуе,
Бо бувъ вертлявый и сылачъ.
Эней пройдысвитъ и не промахъ,
Въ війни и взрисъ и постаривъ;
Прывидця бувъ во всихъ содомахъ,
Ведмедивъ бачывъ и тхоривъ.
Дытына хукае на жыжу,
Энею-жъ дурь не вдывовыжу,
Выдавъ винъ разныхъ мастакивъ.
На Турна скоса поглядае
И ва Рутульцивъ наступае,
Пощупать реберъ и бокивъ.
Фарона першого погладывъ
По тимню гострымъ кладенцемъ
И добре такъ його уладывъ,
Що сей выльнувъ наверхъ денцемъ.
Потимъ Лихаса въ груды тыснувъ,
Сей повалывсь и бильшъ не пыснувъ;
За нымъ безъ головы Кисей,
Якъ михъ за пашнею, повалывся,
И Фаръ на тее-жъ нахопывся,
Расплющывъ и сього Эней.
Эней тутъ добре колобродывъ
И всихъ на чудо потрошывъ;

Робывъ винъ изъ людей уродивъ
И щыро всихъ на смерть душывъ.
Паллантъ бувъ першый разъ на бытви,
Крычавъ, жыдкы якъ на молытви,
Аркадянъ къ бою пидтрунявъ.
По фронту бигавъ турбовався,
Плыгавъ, вертився, ухылявся,
Якъ очеръ въ стади, ярувавъ.
Тутъ Дагъ Рутулець прелукавый
Пизнавъ одъ-разу новычка,
Хотивъ попробовать для славы,
Паллантови пиддать тычка;
Но нашъ Аркадець ухылывся,
Рутулець зъ жызнію простывся,
Въ Аркадцяхъ закыпила кровъ!
Одни другихъ выпережають,
Врагивъ, якъ хмызъ, трощать, ломають;
Така пидданцивъ есть любовъ.
Паллантъ Эвандровычъ наскокомъ
Якъ разъ Гибсона и насивъ,
Шпыгнувъ въ высокъ пидъ правымъ окомъ,
Гибсонъ и дутеля иззивъ.
За сымъ такая—жъ смертна кара
И лютого постыгла Лара,
Ось Ретій въ бендюгахъ летыть!
Сього Паллантъ стягнувъ за ногу,
Ударывъ, якъ пухырь, объ дрогу,
Мазка изъ трупа капотыть.
Ось! Ось! Ярытьця, бисомъ дыше
Агамемноненко Талесъ.
И быстрымъ бигомъ все колыше,
Неначе въ гниви самъ Зевесъ;
Вокругъ себе все побывае,
Фаретъ, зъ нымъ збигщысь, погыбае;
Души пустывся Демотокъ.
Ладона сплющывъ, якъ блощыцю,
Крычыть „Палланта, ледащыцю
Злыгаю я въ одынъ ковтокъ“.
Паллантъ, любесенькый хлопчына,

Скрипывсь, стоить, якъ твердый дубъ,
И жде, яка то зла лычына
Йому намняты хоче чубъ.
Диждавсь,—и зо всього розгона
Влипывъ такого Макогона,
Що панъ Талесъ шкереберть ставъ.
Паллантъ, його поволочывшы,
Потимъ на горло наступывшы,
Всього ногамы потоптавъ.
За сымъ, Авента пхнувшы ззаду,
Поставывъ ракомъ на показъ;
И тутъ сього-жъ понюхавъ чаду
Одважный парубика Клавзъ.
Хто на сусиль, тому кабакы
Дававъ Паллантъ, и вси бурлакы,
Зъ Аркадіи, що зъ нымъ прыйшлы,—
Побачывъ Турнъ соби зневагу,
Не медъ дають тутъ пыть,—а брагу,
И косы не траву найшлы.
Зробывся Турнъ нашъ биснуватымъ,
Реве, якъ раненый кабанъ;
Гаса, фынтыть своимъ зыкратымъ;
Що вашъ протывъ його Полканъ!
Простесенько къ Палланту мчыться,
Зубамы скреготыть, ярыться
И гамка йисты здалека.
Уже шаблюкою махае,
Коневи къ шыи прылягае,
Хытрыть, якъ ловыть китъ шпака.
Паллантъ, мовъ одъ хорта лысыця,
Выльнувъ и обиручъ мечемъ
Опоясавъ по поясныци,
Що Турнъ ажъ поморгавъ плечемъ;
И вмыгъ. не давшы схаменутысь,
Ни головою повернутысь,
Стьогнувъ ще Турна черезъ лобъ.
Но Турнъ байдуже, не скрывывся,
Бо бачъ булатомъ ввесь обшывся
И бувъ, якъ въ шкаралупи бобъ.

Такъ Турнъ, Палланта пидпустывшы,
Зо всихъ сылъ келепомъ мазнувъ;
За руси кудри ухватывшы,
Безчувственна съ коня стягнувъ;
Кровъ зъ раны джереломъ лылася,
Въ устахъ и въ носи запеклася,
На двое черепъ розвалывсь;
Якъ травка, скошеная въ поли,
Увьявъ Паллантъ, судебъ по воли;
Сердега въ свити не нажывсь!
Турнъ злобно сыльною пьятою
На трупъ Палланта настоптавъ,
Ремень зъ лядункой золотою
Зъ бездушного для себе знявъ;
Потимъ самъ на коня схватывся,
Надъ мертвымъ паныченъ глумывся
И такъ Аркадянамъ сказавъ:
„Аркадци! Лыцаря возьмите!
Въ ралець къ Эвандру однесите,
Къ Энею що въ союзъ пррыставъ“.
Таку побачывшы утрату
Аркадци галасъ пиднялы,
Клялыся учыныть одплату,
Хоча бы трупомъ вси ляглы;
На щытъ Палланта положылы,
Комлыцькой буркою прыкрылы,
Изъ бою потаскалы въ станъ.
О смерти князя вси рыдалы,
Харцыза Турна проклыналы.—
Та де-жъ Троянськый нашъ султанъ?
Но що за стукъ, за гоминъ чую?
Якый гармыдеръ бачу я?
Хто землю такъ трясе сыру?
И сыла тамъ мутыть чiя?
Якъ выхри на пискахъ бушують,
Въ порогахъ воды якъ лютують,
Колы прорватыся хотять;
Эней такъ въ лютимъ гниви рветьця,
Отмстыть Палланта смерть несетьця,

Суставы вси на нимъ дрыжать.
До лясу! Турна разбышакы,
Вамъ бильше рясту не топтать!
Вамъ дасть Эней мицной кабакы,
Що будете за Стыксомъ чхать!
Эней совавсь, якъ навиженный,
Крычавъ,, скакавъ, мовъ вилъ скаженый,
И супротывныхъ потрошывъ:
Махне мечемъ,—врагивъ десяткы
Летять, повыставлявшы пьяткы;
Такъ въ гниви сыльно йихъ локшывъ!..
Тутъ на бигу піймавъ за рясу
Попа Рутульського полку,
Смертельного задавшы прасу.
Якъ пса, покынувъ на писку.
Погыбъ тутъ также храбрый Нума,
Убывъ Сереста, його кума,
Тарквыту голову одтявъ;
Камерта высадывъ съ кульбакы,
Ансура въ адъ пославъ по ракы,
А Луку пузо росплатавъ...
Эней тутъ добре всихъ кулачывъ,
Рутулянъ и другыхъ врагивъ:
Убывъ Лутага, Лавза, Орсу,
Парфену, Палму вытеръ ворсу,
Згубывъ багацько ватажкивъ.
Мезентій, ватажокъ Тырренськый,
Одважно дуже пидступывъ
И закрычавъ по бусурменськы,
Що тильке панъ Эней и жывъ!
„Выходь! крычыть—тычка подмимо,
Никого въ помичь не просимо,
Годящи парни! ты и я;
А ну!“ и сыльно такъ стовкнулысь,
Що трохы вьязы не звыхнулысь,
Мезентій же упавъ зъ коня.
Эней, не мылуя чванлывыхъ.
Въ Мезентія всадывъ палашъ;
Духъ выскочывъ въ словахъ лайлывыхъ,

Пишовъ до чорта на шабашъ.
Эней побидой утишався,
Зо всимы добре частовався,
Олымпськымъ жертвы закурывъ.
Пылы до ночи та гулялы
И пьяни спаты полягалы,
Эней бувъ пьяный, еле жывъ.

* * *

Уже свитовая зирныця
Була на неби якъ пьятакъ,
Або пшенышна варяныця,
И небо рдилося, мовъ макъ.
Эней Троянцивъ въ гуртъ ззывае
И смутнымъ выдомъ объявляе,
Що мертвыхъ треба поховать;
Щобъ заразъ прынялыся дружно,
Братерськы и едынодушно
Троянъ убытыхъ зволикать...
Тогди до військо обернувся,
Прокашлявся и разъ смаркнувся,
И ричь таку йимъ уджыгнувъ:
„Козацьтво! Лыцари! Трояне!
Храбруйте! наша, бачъ, бере;
Но перше чымъ начнемъ мы бытысь,
Для мертвыхъ треба потрудытысь,
Зробыть йихъ душамъ упокой;
Имення лыцаривъ прославыть,
Палланта къ батькови отправыть,
Що положывъ тутъ головой.
За сымъ пишовъ въ куринь просторный,
Де трупъ царевыча лежавъ;
Надъ нымъ Аркадськый Пидкоморный
Любыстком мухы обганявъ.
Троянськи плаксы тутъ рыдалы,
Якъ на завійныцю крычалы,
Эней зарюмавъ басомъ самъ:
„Гай! гай! Сказавъ,—увьявъ мій гайстеръ,

Якый то бувъ до бою майстеръ,
Угодно, бачу, такъ богамъ!"
Звеливъ носылкы зъ верболозу
И зъ очерету балдахынъ
Зготовыть тила для выносу,
Щобъ въ ныхъ Паллантъ, Эвандривъ сынъ,
Вельможа, панськая персона
Явылася передъ Плутона,
Не якъ абы-якый харпакъ.
Жинкы пакійныка обмылы,
Нове убрання наложылы,
Запхнулы за щоку пьятакъ.
Якъ все уже було готово,
Тогди якый-сь йихъ хвылозотъ
Хотивъ сказать надгробне слово,
Та забывся и почухавъ лобъ,
Сказавъ: „Се мертвый и не дышетъ,
Не выдитъ, то-есть, и не слышитъ,
Ей! Ей! Увы! Онъ мертвъ, аминь!"
Народъ видъ ричи умылывся
И гирко-гирко прослезывся,
И мурмотавъ: паноче, згынь!
Потимъ Палланта покадылы,
Къ носылкамъ вынеслы на двиръ;
Пидъ балдахыномъ положылы,
Эней тутъ убывавсь безъ-миръ.
Якъ выбралысь на чысте поле,
Эней съ покійныкомъ прощавсь,
Сказавъ: „О жызнь! бурлыве море,
Хто цилый на тоби оставсь?
Просты, прыятелю любезный,
Оддячу я за выдъ сей слезный,
И Турнъ получыть зъ барышкомъ".
Потимъ Палланту уклонывся,
Облобызавъ и прослезывся,
До-дому почвалавъ тышкомъ...
На завтра, тильке що свитало,
Уже народъ заворушывсь:
Все вешталося, все кышало,

На бой дывытысь всякъ галывсь.
Мыжовщыкы тамъ розмирялы,
Килочкы въ землю забывалы,
На знакъ, де військови стоять,..
Тутъ війско стройнымы рядамы
Въ паради йшло, мовъ бы на бой;
Въ празнышній збруи, зъ прапирамы,
Всякъ ратныкъ чванывся собой.
Обыдви арміи стоялы
На тыхъ межахъ, що показалы;
Мижъ нымы бувъ просторый пляцъ;
Народъ за військомъ копошывся,
Всякъ товпывся, всякъ лизъ, тиснывся,
Побоищу щобъ зрить кинець...
Эней одъ радосты не стямывсь,
Що Турнъ выходыть бытысь зъ нымъ:
Оскалывъ зубъ, на всихъ оглянувсь
И спысомъ помахавъ своимъ.
Прямый, якъ сосна, велычавый,
Бувалый, здатный, тертый, жвавый,
Такый, якъ бувъ „Нечоса" князь!
На нього вси банькы пьялылы,
И сами ворогы хвалылы,
Його любывъ всякъ,—не боявсь.
Якъ тильке выступылы къ бою
Завзята пара ватажкивъ,
То, заглянувшыся мижъ собою:
Зубамы всякый заскрыпивъ.
Тутъ хвысь! шабелькы засвыстилы,
Цокъ, цокъ!—и искры полетилы;
Одынъ другого полосять!
Турнъ першый зацидывъ Энея,
Що зъ плечъ упала и керея,
Эней бувъ поточывсь назадъ.
И вмыгъ прочумавшысь, зъ наскокомъ
Эней на Турна наступывъ,
Оддячывшы йому сто-зъ-окомъ,
И вражу шаблю перебывъ.
Якымъ-же побытомъ спастыся?

Трохы не лучше уплестыся?
Нельзя безъ шабли воювать.
Такъ Турнъ зробывъ безъ дальней думкы,
Якъ кажуть, пидобравшы клункы,
А ну! чымъ тьху навтикы драть.
Бижыть панъ Турнъ и репетуе,
И просыть у своихъ меча;
Нихто сердегы не рятуе
Одъ рукъ Троянська сылача!..
Эней махае довгымъ спысомъ,
На Турна мицно наступа,
„Теперъ, крычыть, пидбытый бисомъ,
Тебе нихто не захова.
Хочъ якъ вертысь и оступайся,
Хочъ въ вищо хочь перекыдайся,
Хочъ зайчыкомъ, хочъ вовкомъ стань,
Хочъ въ небо лизь, ныряй хочъ въ воду,
Я вытягну тебе съ пидъ-споду
И розмизчу погану дрянь!“
Одъ сей бундючнои Турнъ речи
Безпешно усыкъ закрутывъ,
И зжавъ свои шyроки плечи,
Энею глуздывно сказавъ:
„Я ставлю ричь твою въ дурныцю;
Ты въ руку не піймавъ сыныцю;
Не тебе, дале-бигъ, боюсь:
Олымпєьки намы управляють,
Воны на мене налягають,
Предъ нымы тильке я смырюсь“.
Сказавшы, круто повернувся
И каминь пудивъ въ пьять пиднявъ;
Хоть зъ праци трохы и надувся;
Бо бачъ, не тымъ винъ Турномъ ставъ...
Йому и каминь изминяе,
Энея геть не долитае,
И турна взявъ велыкый страхъ!
Въ таку счаслывую годыну
Эней чымъ-дужъ спысъ розмахавъ
И турну, гадовому сыну,

На вичный помынокъ пославъ;
Гуде, свыстыть, несетьця пика,
Якъ зверху за курчямъ шульпика,
Торохъ! Рутульця въ ливый бикъ;
Простягся Турнъ, якъ щогла, доли,
Качаетьця одъ гиркой боли,
Клене Олымпськыхъ еретыкъ...
Турнъ тяжку боль одоливае,
Къ Энею рукы простягае
И мову слизную рече:
„Не жызни хочу я подарка;
Твоя, Анхызовычъ, прыпарка
За Стыксъ мене поволоче.
Но есть у мене батько ридный,
Старый и дуже ветхыхъ сылъ;
Безъ мене винъ хочъ буде бидный,
Та свитъ мени сей ставъ не мылъ;
Тебе о тимъ я умоляю,
Прошу, якъ козака, благаю,
Колы мени смерть задасы,
Одправъ до батька трупъ дубленый;
Ты будешъ за сіе спасеный,
На выкупъ же, що хочъ, просы“,
Эней одъ речи сей змьягчывся
И мечъ пиднятый опустывъ;
Трохы, трохы не прослезывся
И Турна рястъ топтать пустывся.
Ажъ зыркъ—Паллантова ладунка,
И золота на нiй корунка
У Турна высыть на плечи.
Энея очи запалалы,
Уста одъ гнива задрыжалы,
Ввесь зашарывсь, мовъ жаръ въ печи.
И вмыгъ, вхопывшы за чупрыну,
Шкереберть Турна повернувъ,
Насивъ колиномъ злу лычыну
И басомъ громовымъ гукнувъ:
„Такъ ты Троянцямъ намъ для смиха
Глумышъ съ Паллантова доспиха

И думку маешъ буть жывымъ?
Паллантъ тебе тутъ убывае,
Тебе винъ въ пекли дожыдае,
Иды къ чортамъ, дядькамъ своимъ".
Съ сымъ словомъ мечъ свій устромляе
Въ роззявленый Рутульця ротъ
И трычи въ рани повертае,
Щобъ бильше не було клопотъ.
Душа Рутульська полетила,
До пекла, хочъ и не хотила,
Къ пану Плутону на бенкетъ.
Жыве хто въ свити необачно,
Тому нигде не буде смачно,
А бильшъ, колы и совисть жметь.

Ив. Котляревскій.

---

92. Ой, моя матинко!

Ой, моя матинко!
Прыйшовъ до насъ Якивко;
Я-жъ думала, що Уласъ,
Та й у боки узялась.
На городи макивка,
Люблю, мамо, Якивка;
Казавъ Якивъ — ходыть буду,
Казавъ Якивъ—любыть буду.
На городи бурьяныиа,
Полюбыла дворяныиа;
Казавъ мени — ходыть буду,
Казавъ мени — любыть буду.
На городи ямка,
Полюбыла Иванька;
Люблю дуже, — любыть буду,
Казавъ Ванька — ходыть буду.
На городи бузына

Лопушыстая;
Чортова парубота
Наровыстая!
Прылетило галыня
Крылечкамы ковыля, —
Таки очи, таки бровы,
Якъ у мого Васыля!
Прылетила пава,
Середъ двору впала, —
Таки очи, таки бровы,
Якъ у мого Павла.
Прылетила гуска
Крылечкамы луска;
Такы лусь, такы лусь,
Прыйды, сердце, Петрусь!
Де не взялась кишка,
Сила коло мишка, —
Таки очи, таки бровы,
Якъ у мого Тышка.
Я въ середу родылася,
Теперъ мени горе:
Полюбыла я старого—
Бородою коле,
Полюбыла я такого,
Що не мае вуса,
Винъ на мене кывне моргне,
А я й засміюся!
На городи витеръ
Макъ потолочывъ,
Козакъ свойій дивчыни
Яко-сь наурочывъ;
Ой, хочъ урокы,
Хочъ не урокы,
А тильке та дивчына
Узялась у бокы!

93. Про украинську мову.

Хочъ украинська мова, правда, ище дуже бидна своимъ словаремъ, щобъ жывымъ словомъ можна було добре выразыть усяку думу чоловика, и далеко йій, покы що, ривнятьця зъ языкамы другыхъ народивъ,—за те ни одынъ такый языкъ не зривняетьця богатствомъ слова, якъ дійде дило до того, щобъ опысать бытву, драку, лыцарство, воювання то-що. Чы правда-жъ тому? Спытае хто небудь. А вже-жъ правда! Хиба забулы вы, що цією мовою балакалы запорожци, найлучши въ свити лыцари, сичовыкы, степовыкы, сыны батька Велыкого Луга и матери вольнои Сичи, сыны козацькои свободы и воли? То не таки булы лыцари, якъ у чужыхъ земляхъ, у другыхъ народивъ, що заковувалысь одъ головы до нигъ у зализо и ховалысь у каминныхъ замкахъ та крипостяхъ, обгороженныхъ каминною стиною та обведенныхъ водою. Ни, запорожци того не робылы, а жылы на велыкій ричци, середъ шырокого степу, ничымъ одъ врагивъ не одгорожувалысь, и никого въ свити николы не боялысь. И вся жызнь йихня проста, и одежа шырока та вольна, и мова звучна и выразна прямо указують на те, що запорожци булы справжни лыцари, якихъ родыла на свитъ свобода та воля!

Багато було на свити лыцаривъ, та никому воны такъ не дывни, якъ булы дывни запорожци! Може, хто скаже на це, що запорожци булы не лыцари, а розбійныкы, якъ про те багато пысано у кой—якыхъ кныжкахъ? А я на це запытаю ось що: А хиба чужеземни лыцари, що жылы у велыкыхъ каминныхъ замкахъ, не булы простисиньки розбійныкы, що грабувалы окружный простый народъ, однималы хлибъ, скотыну, жинокъ, дивчатъ и усе, що люде нажывалы велыкымъ трудомъ? Аже-жъ и це правда? И проце багато пысано у кныжкахъ. А колы такъ, то и запорожцивъ ничого дуже выно-

ватыть, бо на те тоди у всихъ людей така була мода, такый бувъ лютый та кровавый викъ!

Зате жъ запорожци не грабувалы свій украинськый народъ, якъ те робылы чужеземни лыцари, а жывылысь бильше одъ поляквивъ, татаръ, туркивъ та москаливъ, — своихъ сусидивъ. Та що й казать про те! Чы можна-жъ запорожськихъ лыцаривъ зривнять съ чужеземнымы? То булы усе лыцари велыкои панськои породы: грапы, князи, герцогы та лорды; воны малы велыки земли, за̀мкы та богатства, нажыти ище йихнимы предкамы, такымы-жъ якъ и воны, лыцарямы. Жылы у богатстви та роско́шестви и колы не пьянствувалы, такъ грабувалы простый народъ; якъ розбійныкы наскакувалы на села та хуторы и однималы усе що хотилы! Воны и на войни, и у бытвахъ та грабежахъ не дуже то выставлялы свою персону, а для того у йихъ булы разни дружыны то-що; ото воны чужымы рукамы и пролывалы неповынну кровь простыхъ трудовыхъ людей! Отаки-то булы славни чужеземни лыцари! Чымъ-же воны булы гарни? Та ничымъ! Опричъ злодійства ничого у йихъ не було доброго. Зовсимъ друге дило—запорожци. Це булы справжни лыцари, изъ простыхъ людей, а не панивъ або князивъ; воны тикалы одъ розбойства отыхъ самыхъ панивъ-лыцаривъ, князивъ-жыводьоривъ, та й оселылысь середъ шырокого степу, на велыкій ричци-Днипру, и тутъ оснували велыку матиръ Сичь. Воны жылы вольною волею, пролывалы кровъ свою за козацьки вольносты, за свою лыцарьську свободу, и булы справжни лыцари, ратоборци добра и правды, бо воны научылы увесь украинськый народъ пиднятьця противъ проклятыхъ польськихъ панивъ та князивъ, що мусылы называть себе лыцарямы, а справди булы не лыцари, а розбійныкы людойиды, що залылы непобынною кровью усю Украину и затоптали пидъ свои ногы добро и правду, яка була тоди на свити Божому...

Такъ ото я й кажу, колы запорожцы булы справжни лыцари, а зъ ными и увесь украинськый народъ, такъ черезъ те и мова украинська стала дуже богата словамы до воювання, бытвы, лыцарства то-що, и ни одна чужеземна ричь не зривняетьця у цьому дили зъ нею. А щобъ лучше було выдно, що це правда, я выбравъ уси таки слова до кучи и зложывъ йихъ у поганеньку рыфму. Ось чытайте лышень, такъ сами побачыте!

Бубу̀хнувъ, стрѐльнувъ, задавъ прасу,
Одтелипа̀въ, давъ накарпа̀су,
Торохнувъ, бѐхнувъ, зацидывъ,
По ребрахъ добре затопывъ.
Учыстывъ, репнувъ, давъ затьо́ру,
Тычка пиддавъ, насыпавъ хльо́ру,
Объ землю гепнувъ, повалывъ,
Кисткы вси чысто потрощывъ!
Шпыгнувъ пидъ бикъ, давъ халазіи,
Зарізавъ, выдавывъ олію,
Розплющывъ, на той свитъ загнавъ,
На кучу чысто всихъ звалявъ.
Скрутывъ, побывъ, прыперъ до лясу,
Скуйовдавъ, выпустывъ ковбасы,
Ушкварывъ, тьху—давъ, розчухравъ,
Всього пошарпавъ, пошматавъ!
Зипхнувъ, подужавъ, давъ кудели,
Насыпавъ доброи шешели,
Усихъ пидъ рядъ якъ слидъ локшы̀въ,
Сикъ на капусту, потрошывъ!
По тимню влучывъ, давъ по пыци,
Звалывъ и общыпавъ якъ птыцю,
Гарненько чыстывъ по зубахъ
И усього потовкъ на прахъ!
Якъ затопывъ по гамалы̀ку,
Такъ обирвавъ уси гаплы̀кы,
Гатывъ по спыни, чосу давъ,
И добре въ трышія наклавъ.
Натыснувся и напустывся,

Насивъ изверху, навалывся,
Мазнувъ у харю, мордувавъ
И доброго ляща дававъ.
Поцупывъ, шарпонувъ, телéпнувъ,
И óбъ-землю зъ усихъ сылъ бехнувъ,
Чесóнувъ, лу̀снувъ, рубону̀въ,
Поставывъ ракомъ, пыхорну̀въ.
Подувъ тычка, штурхóнувъ, тьóпнувъ,
Прытыснувъ такъ, що той и лопнувъ,
Ударывъ, на - повáлъ убывъ
И кровъ поганую пролывъ.
Выхри намнявъ, давъ перегону,
Уризавъ и задавъ трезвону,
Усимъ потылышныка давъ,
И добрыхъ бѐбехивъ наклавъ.
Одтасувавъ и сторчъ поставывъ,
Знивѐчывъ и къ чортамъ одправывъ,
И рукы й ногы одчесавъ,
А потимъ голову одтявъ.
Влипывъ по ребрахъ, давъ въ сапáтку,
У зубы зъйиздывъ для задатку,
И въ головешку все глушывъ,
Що той и ду̀теля иззивъ.
Давъ óблызня, по вьязахъ лущывъ,
Дрючкомъ по спыни утелющывъ,
За патли добре ухопывъ
И по земли все волочывъ.
Тры вы̀рвы давъ, по пыци змазавъ,
Якъ давъ, такъ той ажъ рачкы лазывъ,
Стусани̇̀въ добрыхъ надававъ
И тѐльбухы повыпуськавъ.
Давъ ляпаса и прочухáна,
По тимню гладывъ, наче пана,
А въ пузо якъ колиномъ давъ,
Такъ той шкерѐберть заразъ ставъ.
Наскочывъ зо всього розгóну,
Солодкого давъ макогóну,
Тоди на землю розплатавъ
И все по зайидахъ дававъ.

По лоби ляснувъ, взявъ за чуба,
Прытыснувъ добре ажъ до дуба,
Лулу̂снувъ и мазку̂ пустывъ,
А потимъ взявъ и задушывъ.
По плечахъ дрюкомъ якъ телѐснувъ,
Такъ той и о̂бъ—землю шелѐснувъ
Пидъ бокы добре пидотну̂въ
И голову взявъ одитну̂въ.

Александръ Пивень.

---

94. Ни зле, ни добре.

Здоровъ, брате! А, здоровъ!
— Що-жъ ты такъ змынывся?
— А не дыво, брате мій,
Бо я оженывся!
— Слава Богу!—каже той.
— Ни, не слава Богу:
Моя жинка и брыдка,
И крыва на ногу.
— То зле брате! каже той.
— Ба ни, не зле, брате!
Бо за нею я, якъ чортъ,
Зробывся богатый:
Славну хату збудувавъ,
Ходывъ у дорогу!..
— Слава Богу!—каже той,
— Ни, не слава Богу:
Волы згынулы въ Крыму,
Додому вернувся,—
Ажъ и хата у вогни,
И хаты позбувся...
— То зле, брате!—Ни, не зле,
Якъ хата горила,
То и жинка тамъ моя
Въ огни околила!

С. Руданськый

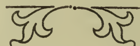
95. А въ мисяци Сентябри.

А въ мисяци Сентябри
Та впала пороша,
Тымъ дидъ бабу полюбывъ,
Що дуже хороша!
А ни зубивъ, ни очей,
Ни рукы правои,
Прыпадае дидъ до бабы,
Мовъ до молодои.
Взявшы бабу за рученьку,
Повивъ у садочокъ:
— Охъ ты моя люба-мыла,
Дорогый цвиточокъ!
Взявшы бабу за рученьку.
Повивъ у свитлыцю,
Поважае дидъ бабусю,
Мовъ ту молодыцю!
Посадывшы на прыпичку,
Ставъ пыльно дывытьця, —
Колы-же тая вража баба
Зовсимъ не годытьця.
Сама не годытьця.
Та ще й не корытьця:
И лаетьця, и кепкуе,
Якъ та видьма, коверзуе,
И гарчыть, и бурчыть,
Проты дида не мовчыть,—
Дидь способу прыбирае,
Якъ ту бабу попобыть.
Ставъ способу прыбирать,
Якъ до бабы прыстать,
Щобъ бабусю научыть,
Якъ изъ дидомъ треба жыть.
Цилувавъ, мылувавъ,
И по щокахъ ляскавъ,
И самъ дидокъ утомывся,
Покы бабу вкоскавъ!

„Ой, не знаю, що робыть,
Де цю вражу бабу дить,
Бо не хочу я изъ нею
И на свити теперь жыть!
Чы бросыть у хати,
Чы вынести въ сины.
Чы укынувъ у свынюшныкъ,
Щобъ свыни иззилы?“
Бачыть баба, що бида,
Та й стала просытьця:
— „Ой, мій мылый дидусеньку,
Покынемо бытьця!
Покынемо бытьця,
Та давай мырытьця,
Мы стобой стари обое,
Чого намъ сварытьця?“
Дидъ одъ серця одійшовъ,
Та до бабы пидійшовъ:
— „Пиды, бабо вмыйся,
Гарненько вберыся;
Уберыся, стара бабо,
У всякее билля,
Хочу тебе повесты
Хочъ разъ на весилля.
Прыберайся стара бабо,
Въ дороги наряды“.
— „Та вже вбралась, теперъ, диду,
Куды хочъ провады!“
Якъ углядивъ дидъ бабусю
Въ хорошыхъ нарядахъ:
— „Ходимъ, бабо, погуляемъ,
Бо намъ люде ради!“
Подывывся дидъ на бабу,
На хорошу вроду,
Повивъ йійи на мистокъ,
Та й упхнувъ у воду!
— „Отутечкы, стара бабо,
Колы хочешъ, кайся;
Тутъ вода холодная,

Тутъ и покупайся!
Це вода бигуча,
Добре покупайся,
Та якъ дида шанувать,
Отутъ назвычайся!“
Ой, тутъ баба крыкнула:
— „Рятуй мене, друже!
Нащо мене сюды пхнувъ,
Тутъ холодно дуже!“
А що баба вырне,
То дидъ кыемъ двыне,
Поты баба булькотала,
Покы тамъ пропала!
Стоить дидокъ на мистку,
Та въ долони плеще:
— „Колы-бъ оця утопылась,
Оженывся-бъ ище!“
Одійшовъ дидъ одъ мистка,
Та й зачавъ хрестытьця:
„Ну, пропала моя баба,
Буду ще женытьця!“
Иде дидъ додому,
Та въ скрыбочку риже,
Оглянувся, ажъ та баба
Зъ очерету лизе.
Излякався старый дидъ,
Та й прыбигъ додому:
— „Ой, погано мени жыть
У хати самому!“
Ой, задумавъ старый дидъ
Другый разъ женытьця,
Роздывывся винъ на себе,
Ажъ самъ не годытьця!
Ставъ дидокъ божытьця:
„Не буду женытьця;
Хай женятьця тіи,
Що ще молодіи.
Нехай женятьця таки,
Котри молодіи,

Нехай беруть старыхъ бабъ,
Абы не слипіи.
Бо стариша жинка
Добрый борщъ изварыть,
А молода чепуруха
Все хазяйство збавыть!“



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Гришныкъ 3
2. Пидбрехачъ 4
3. Бычокъ 7
4. Москаль та варенықы 8
5. Це дило треба розжувать 10
6. Угадала 11
7. Отвѣтъ въ риѳму 12
8. Вередлыва дивчына . . . . —
9. Мертве тило 13
10. Кумъ Гаврыло 16
11. Ячминь 18
12. Свайба дурного Грыцька . . . . —
13. На пущення—якъ завьязано 25
14. Вилъ 26
15. Допывся 27
16. Чудна размава 29
17. Собака й Кинь 30
18. Пархимове снидання 31
19. Чоловича душа 41
20. Остолопъ та Балда . . . . —
21. Дви дули 46
22. Пекло 47
23. Цикавый и Мовчунъ 58
24. Соловей 59
25. Пьяныця 60
26. У колокола 62
27. Два кума 63
28. Цыганъ 65
29. Казка—не казка, а брехня не така 68
30. Верша та болото 75
31. Одбый назадъ 76
32. Чупрына . . . . —
33. Дядько на дзвиныци 77
34. Глухый 78

Стр.
35. Весела писня 78
36. Купованный розумъ 80
37. Навыворотъ 89
38. Ясла . . . . . —
39. Пшеныця 90
40. Грай, колы граешъ, а то струментъ побью 91
41. Въ гостяхъ у Дидоны 92
42. Катерына 98
43. Писня 99
44. Судди 100
45. Гандзя 102
46. Драбына 103
47. Черевычкы 104
48. Сира кобыла 105
49. Купыла соби биду 109
50. Сусиды 111
51. Рыбалка 112
52. У Вильни 113
53. Спрятались 116
54. На зміиному острови 117
55. Ой, бувъ, та нема 124
56. Якъ лучше въ свити жыть 126
57. Любовь за гроши 130
58. Цапъ 132
59. Зеленый дубъ 133
60. Батько та сынъ . . . . . —
61. Сины 134
62. Гарасымъ . . . . . —
63. Будякъ та коноплыночка 136
64. Старшына 137
65. Закоханый . . . . . —
66. Якъ два кума кожухъ пропылы 138
67. Гей, послухай, жинко моя 142
68. Жытейськый досвидъ 143
69. Чы высоко до небо 144
70. Вулыця 145
71. Шынокъ 146
72. Панъ 147
73. Северинъ 148
74. Господарь хаты 154
75. Що то гроши . . . . . —
76. Ой, пойихавъ мій мыленькый до млына 156
77. Макивка 157
78. Писня про Гарбуза . . . . . —
79. Благословить баби Палажци скоропостыжно вмерты . 159
80. Чыжыкове весилля 161
81. Попури зъ байокъ 162

Стр.
82. Мирошныкъ 163
83. Дуже гарна 165
84. Абы душа чыста 166
85. Писенька . . . . —
86. Помьянувъ 167
87. Въ счасти не брыкай . . . . —
88. Кучерявый Иванъ 168
89. Прыказка до чаркы 171
90. Мушка 172
91. Война 173
92. Ой, моя матинко! 194
93. Про украинську мову 196
94 Ни зле, ни добре 200
95. А въ мисяци Сентябри 201

N.P.ONYSKO
DETROIT SEP 5 1916

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 070446569